

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Институт экономики и управления
Кафедра интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга

На правах рукописи

Шумилова Полина Андреевна

**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ**

5.4.3. Демография

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата социологических наук

Научный руководитель:

док. социол. наук, доцент Бритвина Ирина Борисовна

Екатеринбург – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Теоретико-методологический анализ формирования новой культурной идентичности.....	23
1.1 Анализ динамики миграционных перемещений из стран Центральной Азии в Россию.....	23
1.2 Формирование новой культурной идентичности как этап миграционного процесса.....	40
1.3 Установка на принятие новой культурной идентичности у мигрантов с разными социальными характеристиками.....	74
ГЛАВА 2. Влияние социальных характеристик мигрантов из стран Центральной Азии на формирование установки принятия новой культурной идентичности.....	107
2.1 Отношение принимающего сообщества как фактор формирования новой культурной идентичности мигрантов из стран Центральной Азии.....	107
2.2 Проблемы и противоречия формирования установки на принятие российской идентичности у мигрантов из стран Центральной Азии.....	126
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	158
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	163
Приложения.....	179

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Современные демографические процессы, связанные с перенаселением одних стран и нехваткой человеческих ресурсов в других странах, приводят к расширению взаимоотношений и взаимозависимости стран, народов и культур. Один из важнейших современных факторов, определяющих состав глобальных сообществ — это усиление и изменение миграционных потоков. Он имеет существенное влияние и на современную Россию. По данным Международной организации по миграции (МОМ) на 2022 г. Россия заняла 4-е место после США, Германии и Саудовской Аравии как страна назначения мигрантов, в которой насчитывается 12 млн приезжих из других стран¹. В 2024 г. международная миграция на территорию России снизилась, однако миграционный прирост имеет положительное сальдо. Причем в Уральском Федеральном округе за первую половину 2024 г. приток мигрантов из стран СНГ показал наибольшее значение среди других регионов².

Миграции становятся причиной масштабных демографических изменений, концентрируя большие объемы мигрантов в ряде стран мира. Актуализирует ситуацию и тот факт, что особенностью современных миграционных процессов являются не только их беспрецедентные объемы, но и высокая культурная дистанция между отпускающими странами и странами-акцепторами. В результате происходят значительные изменения и в принимающих, и в отпускающих сообществах, прежде всего в сфере демографии, а также культуры, социального устройства, изменения коллективных представлений и социальных связей, политике и коллективной

¹ Доклад о миграции в мире 2022, Международная Организация по Миграции (МОМ), McAuliffe, M. и A. Triandafyllidou (eds.), Женева. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/WMR-2022-RU.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).

² Щербакова Е.М., Миграция в России по итогам первого полугодия 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01047/barom01.php> (дата обращения: 2.12.2024)

идентичности этих стран.

Актуализируют данную проблематику и сложности межкультурного взаимодействия, которые усиливаются мировыми макропроцессами. Проблема восполнения нехватки человеческих ресурсов уже решена с точки зрения распределения их источников, и территории-доноры поделены между государствами-акцепторами, они же представляют основные политические силы на мировой арене. Так для США источником миграции стали страны Южной Америки, для Европейского Союза — страны Африки, Китай рассчитывает на своих граждан, а для России такими поставщиками являются бывшие страны СССР, прежде всего, страны Центральной Азии.

Актуальная демографическая ситуация в современной России определяется не только социальными потрясениями постсоветского времени, но и вступлением в завершающую стадию «второго демографического перехода». Ощутимое сокращение численности населения России и его старение со временем только усилятся, что формирует неснижаемую потребность в притоке большого количества трудоспособных мигрантов из других стран, что, с одной стороны, пополняет народонаселение страны, а с другой стороны, обостряет ряд социальных проблем.

Актуальность тематике исследования придает и факт пересмотра важности внимания к проблемам культурной интеграции мигрантов в российский социум в документах государственной власти РФ. Привлечение и регуляция миграционного притока в Россию определяется Концепцией государственной миграционной политики, направленной на укрепление человеческого капитала страны, основные положения которой были зафиксированы 2012 г.³ В этом документе была определена постоянная необходимость в трудовых мигрантах из стран Центральной Азии. Однако, несмотря на высокую заинтересованность в приезжих трудоспособного возраста из других стран, вопрос качественного включения иммигрантов в

³ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 15.08.2024).

принимаящее сообщество оказался не первостепенным. Именно поэтому в 2018 г. миграционная политика Российской Федерации была переработана, что отразилось в Концепции на 2019-2025 гг.⁴ (в 2023 г. она была дополнена положениями по поводу контроля за размещением мигрантов, препятствующим формированию анклавов⁵). Одно из коренных отличий документа от предыдущего - это разворот внимания от экономических аспектов миграции к ее социальным последствиям и русскоцентричности: сохранение национальной культуры и всех ее элементов, а так же поддержание межнационального и межрелигиозного мира в обществе приема (п. 14), для чего необходимо более глубокое понимание процессов культурной адаптации и интеграции мигрантов. Более того, сегодня одним из важных направлений законотворческой деятельности российского руководства является разработка нового миграционного законодательства, направленного на обеспечение более качественных миграционных резервов и безопасности российского общества, а также учет накопленного опыта в области прима инокультурных и иноэтничных мигрантов, с одной стороны, и адаптивность к трансформации состава и структуры миграционных потоков, с другой стороны. Законодатель считает, что раскрытие механизмов интеграции и инкорпорации мигрантов в российское сообщество усилит новую миграционную политику⁶.

Исследования культурной идентичности как фактора интеграции мигрантов из стран Центральной Азии имеет важное экономическое и демографическое значение. Трудовое участие мигрантов способствует развитию рынка труда и позволяет удовлетворить потребности отдельных секторов экономики, таких как строительство, сельское хозяйство, сфера

⁴ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 15.08.2024).

⁵ Изменения в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622: официальный портал [Правительства РФ]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 15.08.2024).

⁶Официальный портал президента России [Москва]. URL:<http://kremlin.ru/catalog/keywords/104/events> (дата обращения: 2.12.2024).

транспорта и сервиса. Кроме того, успешная культурная интеграция мигрантов из стран Центральной Азии способствует укреплению социальной стабильности и снижению напряженности в обществе, в то время как предрассудки, стереотипы и социальное неравенство между мигрантами и местным населением могут привести к конфликтам и социальной дезинтеграции. Важным аспектом качественного включения иноэтничных мигрантов в принимающее сообщество является способность поддерживать демографический баланс, пополняя население страны, чему способствует изменение стратегии миграционного поведения с «маятникового» типа на более долгосрочное присутствие или укоренение в стране прима.

Формирование общей культурной идентичности становится актуальным в условиях возникновения потребности в поисках общего у взаимодействующих групп. Актуализирует теоретический анализ этого термина и тот факт, что «культурная идентичность» не является общепринятым и однозначно понимаемым термином, слабо представленным в демографических исследованиях. Практически отсутствует система ее анализа, основанная на факторах формирования и развития, что снижает качество прогнозов социальных процессов, в которых смыслообразующим звеном является культура.

Вследствие высокой лабильности термина отсутствуют теоретические разработки в области систематизации факторов формирования культурной идентичности, отвечающих принципу каузальности в случае миграции и встраивания в новые системы социальной организации других обществ. В литературе не представлена концепция оценки состояния культурной идентичности, степень и возможность ее принятия в рассматриваемом случае.

Особо высокую актуальность имеет проблематика исследования процессов формирования установки на принятие новой культурной идентичности у иноэтничных мигрантов в рамках решения демографической проблемы. Взаимосвязь проблемы пополнения и сохранения населения страны (региона) с эффективностью интеграционных процессов, процессов

формирования новой культурной идентичности у приезжих пока еще слабо представлена в научной литературе.

Миграционные процессы как демографический фактор в рамках проблемы народонаселения должны изучаться с учетом социальных характеристик иноэтничных мигрантов, не ограничиваясь их квалификационно-образовательными характеристиками.

Анализ формирования установки на принятие российской культурной идентичности мигрантами из стран Центральной Азии в рамках решения демографической проблемы требует рассмотрения ряда противоречий:

- между острой нуждой в увеличении притока трудовых мигрантов, а также между высоким потенциалом возможности их качественной интеграции в принимающее российское общество, и отсутствием системы формирования культурной интеграции, что приводит к росту социальной напряженности и социальной дестабилизации, и, как следствие, к низким показателям «укоренения» приезжих;

- между предвзятым отношением россиян к мигрантам из стран Центральной Азии, формирующим препятствия для их включения в общество приема, и потребностью интегрировать приезжих с целью налаживания равновесия и стабильности состояния социальной системы;

- между широким применением термина «культурная идентичность» в политике, СМИ, науке и недостаточным знанием о сущностном значении и механизмах функционирования ее как феномена, детерминирующего взаимоотношения этносоциальных сообществ в процессе их интеграции;

- между разнообразием типов сочетания социальных характеристик мигрантов и необходимостью формирования установки на принятие российской культурной идентичности у всех приезжих.

Степень разработанности проблемы исследования

Основатели анализа миграционных процессов в западной науке Э.Г. Равенштайн и Эверетт С. Ли первыми начали анализировать миграции, учитывая социально-демографические характеристики мигрантов, а также

дальность перемещений, социальные особенности территории исхода и прибытия мигрантов.

Методология демографической науки лежит в основе анализа миграционных процессов в работах таких отечественных авторов, как Р.М. Аваков, Г.С. Витковский, О.Д. Воробьева, В.А. Ионцев, А.Н. Каменский, Е.С. Красинец, А.А. Кулямзин, Е.М. Михайлов, В.М. Моисеенко, М.Д. Панов, Э.П. Плетнев, С.В. Рязанцев Е.А. Смирнова, А.А. Солонской, А.В. Топилин, И. И. Ушкалов, О.С. Чудиновских и др.

Концепция демографического перехода (демографической революции), описанная в работах Вишневого А.Г., исходит от создателей идеи первого и второго демографического перехода Д. Ван де Каа и Р. Лестега, а также Г. Спенсера, как основателя теории. Перенаселение в одних регионах и недостаток его в других, как первичный фактор миграции, рассматривается в работах А. Я. Боярского и А. Я. Кваши.

Культурные факторы (наряду с другими), обуславливающие тренды миграционных процессов в составе демографических изменений, представлены в трудах И.Б. Бритвиной, Т. И. Заславской, В. Ю. Леденевой, В.И. Переведенцева, В. И. Староверова, Б. Ц. Урланиса и др. Л.Л. Рыбаковский отмечал важность уникальности каждой миграционной ситуации, которая зависит от исторического контекста, географических характеристик и самое главное от культурных особенностей взаимодействующих сообществ.

Философский базис изучения феномена идентичности был заложен и развит такими философами как Аристотель, Т. Адорно, Декарт, Г.В. Гегель, Н.Я. Данилевский, Ж. Делёз, Ж. Деррида, И. Кант, С. Кьеркегор, Парменид, Платон, Ж.П. Сартр, М.В. Соловьев, М. Хайдеггер, М. Хоркхаймер, Ф. Шеллинг, Д. Юм и др.

Социальная идентичность как базовая потребность реализации социального начала анализируется в работах представителей социальной психологии: Г. М. Андреева, Г. Блумер, Дж. Брунер, Э. Гофман, Г. Мид, Ч. Х.

Кули, Т. А. Маслоу, Г. Олпорт, Г. Спенсер, Тэддфел, Э. Фромм, М. Шериф, Л.Б. Шнайдер.

Основы изучения социальной идентичности представлена в концепциях П. Бергера, Р. Брубейкера, М. Вебера, А. Гидденса, Э. Гуссерля, Э. Дюркгейма, М. Кастельса, М. М. Ковалевского, О. Конта, Ф. Купера, П. Л. Лаврова, Т. Лукмана, К. Маркса, Р. Мертона, Н. К. Михайловского, Т. Парсонса, П. Сорокина, А. Турена, Дж. Урри, А. Щюца, Ю. Хабермаса, Э. Эриксона.

Многоуровневая концепция социальной идентичности раскрывается в теоретических разработках российских ученых, таких как Е.А. Варшавер, Г.Ф. Габдрахманова, Д.Л. Гудков, Л.Д. Дробижеева, З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляужева, А.Ю. Шадже. Виды социальной идентичности и их демаркацию от других вариантов групповых идентичностей описываются Б. Андерсоном, Ф. Беккер, Е.Н. Дубининой, Л. Дюги, А. Каплуновским, А.И. Ковалевой, А.В. Павловым, В.В. Руденко, А.Г. Саниной, Т.Г. Стефаненко.

Культурный компонент социальной идентичности, проявленный во взаимодействии разных народов выражен в теоретических подходах А.А. Авдашкина, Дж. Берри, П. Бурдые, М. Гордона, Ф. Знаненски, Й. Кима, Р. Парка, В.И. Томаса, С. Хантингтона.

Пути трансформации социальной идентичности в русле конфликтологического подхода представлены в концепциях Дж. Барка, Дж. Бертона, М. Б. Бревера, Л. Козера, К. Маркса, П. Дж. Ротмана.

Смена или развитие гибридных форм и видов культурной идентичности отражены в работах Дж. Берри, С. Бохнера, И.Б. Бритвиной, Г. Гадамера, Г.Ф. Габдрахмановой, М.К. Заковоротной, Н.М. Лебедевой, Э. Мейер, В.И. Мукомеля, Т.Г. Стефаненко, А.Н. Татарко, Д. Хелда.

Методология изучения формирования социальной установки и ее анализа глубоко проработаны в концепциях американской социологической школы, представленной И. Айзенем, Ф. Знаненски, В. Сарисом, П. Спарксом, Л. Терстоуном, Р. Лайкертом, У. Томасом, и российскими учеными (А.В. Меренков, Ш.А. Надирашвили, Д. Н. Узнадзе, В.А. Ядов).

Слабость анализа проблемы формирования новой культурной идентичности связана с недостаточным количеством работ по исследованию включения мигрантов в принимающее сообщество, как с точки зрения изначальных предпосылок к этому процессу в условиях значительной культурной дистанции, так и с позиций изучения этой проблемы как конечного этапа миграционного процесса.

Цель диссертационного исследования: анализ формирования новой культурной идентичности у мигрантов из стран Центральной Азии в стране приема.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие исследовательские **задачи**:

1) определить динамику миграционного процесса, роль и значение внешней миграции в пополнении народонаселения страны;

2) проанализировать и систематизировать существующие зарубежные и отечественные научные подходы в анализе культурной идентичностей в контексте интеграционных процессов;

2) определить специфические характеристики культурной идентичности как этапа миграционного процесса;

3) выявить факторы, влияющие на формирование новой культурной идентичности;

4) раскрыть содержание социальной установки как социального действия на основе анализа и систематизации отечественных и зарубежных подходов к ее изучению;

5) определить степень значимости социальных характеристик иноэтничных мигрантов для формирования установки на принятие культурной идентичности;

6) выявить противоречия в существующей системе взаимодействия мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего российского сообщества в формировании установки на принятие новой культурной идентичности.

Объект: формирование новой культурной идентичности у иноэтничных мигрантов в стране приема как этап миграционного процесса.

Предмет: проблемы и противоречия формирования новой культурной идентичности мигрантов из стран Центральной Азии под влиянием их социальных характеристик.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретические подходы, которые лежат в основе анализа диссертационной проблемы: общностный и системный подход, структурно-функциональный анализ, деятельностный и конфликтологический подход, комплексный демографический анализ и теория демографического перехода, трехстадийный подход к анализу миграционного процесса, теория этапов миграционного поведения и трехстороннего взаимодействия социальных общностей в процессе миграции.

Работа опирается на комплексный демографический подход, который определяет закономерности воспроизводства населения в зависимости от ряда условий, в том числе социальных, экономических и миграционных. В основе анализа миграционных процессов в составе демографических изменений лежит «теория демографического перехода», описывающая обусловленность миграций через структуру обществ реципиентов и доноров. Динамика миграционных потоков рассматривается на основе теории трех стадий миграционного поведения Л.Л. Рыбаковского, позволяющей поэтапно рассматривать факторы, влияющие на миграционный процесс. Подход И.Б. Бритвиной о трехстороннем взаимодействии социальных общностей в процессе миграции (отпускающая, принимающая и мигрирующая), а так же о культурной обусловленности интеграционных процессов в миграции, позволил углубить анализ последней стадии адаптирующихся общностей.

Методологической основой работы стали труды философов, социологов, антропологов, культурологов, социальных психологов, посвященные анализу социальной идентичности, роли культуры в ее формировании, ценностных различий и способов взаимодействия крупных

сообществ. Теории социального действия М. Вебера и Т. Парсонса дают возможность применить к анализу культурной идентичности концептуальную модель поведения, основанной на системе социального действия.

Опора на философские труды таких мыслителей как Сократ, Платон, Парменид определила базовую сущность идентичности человека, как соотнесение себя с окружающим миром и осознание своего места в нем (будь то бытие, природа, общество, государство).

Трансформация подходов к пониманию функционирования феномена идентичности в исторической и парадигмальной рамке хорошо просматривается в работах Г.В. Гегеля, И. Канта, Ж.П. Сартра (само индивидуальное влияние), а далее и М. Хайдеггера (общественное влияние). Именно на основе философского подхода было первично выделено представление о таком типе идентичности, как социальная, то есть понимание себя в социальной матрице, которое формируется вследствие влияния общества.

Основные аспекты, базовые положения определения термина социальной идентичности и механизмы ее формирования были взяты из индивидуальной психологии З. Фрейда и Э. Эриксона, а ее значение в отношении «человек-общество» - из работ социальных психологов Э. Гофмана, Ч. Х. Кули, Дж. Г. Мида, Т. Тэджфела, Э. Фромма.

Социологический подход, сформировавший тренд на детализацию и усложнение в рассмотрении феномена социальной идентичности, является ведущим в данной работе и опирается на взгляды классиков науки - М. Вебер (состояние социальной идентичности как мера отклонения от нормального состояния общества), Э. Дюркгейм, К. Маркс, а так же принимаются во внимание теории А. Гидденса (кризис идентичности), М. Кастельса (критичная фрагментация социальной идентичности), А. Турена (рассеянность социальной идентичности) и Дж. Урри.

Культурный компонент социальной идентичности в данной работе изучается в русле проблематики крупных общественных процессов и решения

практических задач, связанных с включением мигрантов в принимающие сообщества, и опирается на работы социологов американской школы XX в. – Дж. Берри, М. Гордона, Знанецкого Ф., Й. Кима, Р. Парка, Томаса В.И. и С. Хантингтона. Однако, поскольку речь идет о процессах, главной составляющей которых являются повседневные взаимодействия представителей разно культурных сообществ, значимыми теоретическими основаниями в работе стали теории феноменологического и интернационалистского подходов (П. Бергер, Э. Гидденс, И. Гофман, Э. Гуссерль, Т. Лукман, Р. Мертон). Необходимой концептуальной разработкой, на которую опирается теоретическая база исследования, является конфликтологический подход в понимании социальных интеракций, определяющий взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества как столкновение идентичностей (Л. Козер).

Одним из ключевых методологических оснований, являются современные теоретические разработки российских ученых, таких как З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляшева, А.Ю. Шадже, рассматривающих социальную идентичность как многокомпонентное явление, и стремящихся упорядочить все ее элементы в структуру, а также Гудкова Л.Д., и других, использующих ее как аналитический показатель состояния общества в текущий момент времени.

Формирование новой культурной идентичности рассматривается в русле многоуровневой концепции иерархии идентичностей З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляшева, А.Ю. Шадже, как развитие одного из уровней социальной идентичности. Его спецификой является вторичность по отношению к идентичности с родной культурой, что обуславливает проявление воли человека к совершению социально направленного действия по включению в новое социокультурное пространство.

Исследование установки на формирование новой культурной идентичности основывается на диспозиционной теории Д. Н. Узнадзе и В. А. Ядова, концепция множественных идентичностей С. Хантингтона, выявление

установок на формирование культурной идентичности строится на аттитудной теории и моделях аттитудного поведения И. Айзена, П. Спаркса, В. Сариса в комбинации с диспозиционной теорией российской школы, разработанной В.А. Ядовым и Д. Н. Узнадзе.

Эмпирическую базу работы составили материалы социологических исследований, в проведении которых участвовал автор:

1. Опрос методом стандартизированного интервью мигрантов из стран Центральной Азии (N=231, 2017 г). тип выборочной процедуры – квотная выборка, квотный признак в процессе отбора – пол, возраст, страна выбытия, образование (в соответствии с данными миграционного прироста 2017 г.⁷ и долей признака в генеральной совокупности 19%⁸);

2. Глубинное интервью с экспертами (N=22, 2017 г.), отбор информантов производился методом наполнения информацией в отношении конфликтов в сфере производственных взаимоотношений и на основе вовлеченности экспертов во взаимодействия с иноэтничными мигрантами из стран Центральной Азии.

3. Опрос методом глубинного интервью иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии (N=16, 2017 г.)

4. Опрос методом глубинного интервью жителей Екатеринбурга (N=33, 2018 г.), отбор информантов для интервью был основан на применении матрицы, с двумя критериями: пол и возраст, а также отбирались информанты, которые не избегали прямых вопросов о проблемах взаимодействия с мигрантами другого этноса из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана;

⁷ Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области: официальный портал [Свердловская область]. URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/25983> (дата обращения: 15.08.2024).

⁸ Могильчак Е. Л. Выборочный метод в эмпирическом социологическом исследовании. Екатеринбург. 2015 С.31.

5. Анкетный опрос жителей Екатеринбурга (N=876, 2019 г.). Тип выборочной процедуры – квотная выборка, квотный признак – пол и возраст респондентов;

6. Контент-анализ совокупности комментариев на всероссийской блогинговой платформе Яндекс-Дзен (2019 г.).

7. Контент-анализ текстовых высказываний: высказываний участников дискуссии из регионов России об отношении к мигрантам, которая была инициирована авторами проекта на основе обсуждения результатов исследования (группа «Наука на Урале» через интернет-агрегатор «Яндекс.Дзен», 11 тыс. просмотров 675 комментариев). Единицы измерения контекста - выражения определенных участников беседы; единица счета - упоминание подкатегорий в определенном суждении участников беседы;

8. Контент-анализ комментариев к новостной статье на информационном портале E1.ru, под заголовком «В Кольцово взбунтовались мигранты: у здания спецприемника для иностранцев дежурит спецназ» (2020г). Пул комментариев анализировался как целостный текст. Контент анализ комментариев был проведен с применением определения ассоциаций между словами с применением коэффициента Jaccard, кластеризацией и подсчетом количественной частотности слов.

9. Опрос методом глубинного интервью мигрантов из стран Центральной Азии (N=15, 2023 г.), отбор информантов для интервью был основан на применении следующих критериев: образование, трудовая должность, возраст.

10. Онлайн-опрос пользователей Интернета среди жителей Екатеринбурга (N=1400, 2024 г.). Тип выборочной процедуры – квотная

выборка, квотный признак в процессе отбора; квотные признаки – пол, возраст, образование⁹.

Научная новизна диссертационной работы:

1. доказана существенная роль формирования новой идентичности мигрантов как этапа миграционного процесса;
2. обосновано выделение «культурной идентичности» как самостоятельного подвида «социальной идентичности», отдельного от этнической, гражданской, национальной идентичности;
3. дано авторское понимание сущности культурной идентичности, выявлено ее значение в интеграционных процессах мигрантского и принимающего сообществ;
4. введено в научный оборот понятие «новая культурная идентичность», отличное от понятия «идентичность с родной культурой», определяемое как осознанное (целенаправленное) социальное действие по включению в принимающее сообщество;
5. выявлены показатели наличия установки на формирование новой культурной идентичности страны приема у мигрантов;
6. обоснована совокупность социальных характеристик мигрантов для успешного формирования установки на принятие ими российской культурной идентичности, а также совокупность характеристик, препятствующих ее формированию;
7. разработано типологизирующее сочетание социальных характеристик мигрантов, влияющих на формирование у них установки на новую культурную идентичность в стране приёма;
8. выявлены противоречия в системе взаимодействия мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего российского сообщества в формировании установки на принятие новой культурной идентичности,

⁹ Форма опроса онлайн анкеты. URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdrru20x4E6x_Vsrr7z1C8zODMeKYFssit8Am25MFh-o-vehg/viewform

основывающиеся на поведении принимающего сообщества, определенного как форма миграционного поведения.

Положения, выносимые на защиту

1. Установлено, что формирование новой культурной идентичности, появляющейся на финальном этапе адаптации мигрантов к обществу страны приема, является элементом миграционного поведения, и определяет динамику миграционного процесса. Доказано, что чем эффективнее формируется новая культурная идентичность, тем выше вероятность успешной интеграции мигрирующего и принимающего сообщества.

2. Обоснована значимость выделения культурной идентичности в отдельную аналитическую категорию, которая определяется международным и возвратным характером миграции, поскольку культура становится стабильным основанием для солидаризации, объединения и создания новой социальной структуры типа «мигрант-принимающее сообщество».

3. Уточнено определение культурной идентичности как вида социальной идентичности, осуществляющей функцию чувства принадлежности к общности на основе культуры повседневности, на основании специфики осуществления регулярных практик и форм коммуникаций.

4. Предложено авторское определение новой культурной идентичности, под которой предлагается понимать измененную культурную идентичность, выполняющую функцию адаптации мигрантов в стране приема через возможность формирования и новой комплектации культурных паттернов родной (актуальной) и новой культуры.

5. Выявлены показатели наличия установки на формирование новой культурной идентичности страны приема у мигрантов: наличие потребностей, которые можно реализовать в обществе приема; понимание необходимости осваивания основных культурных элементов принимающего

сообщества; чувство внутреннего непротиворечия с правилами принимающей культурной системы; сила связи с принимающей культурой;

6. Выявлены основные характеристики мигрантов для успешного формирования установки на принятие новой культурной идентичности мигрантов из Центральной Азии в России следующие: молодой возраст (18-29 лет), слабая связь с родной культурой (в первую очередь посредством отсутствия регулярных религиозных практик), активное включение в российское информационное поле на уровне актуальной повестки, знание на хорошем уровне русского языка, нахождение в стране приема более двух лет, наличие опыта проживания в крупных городах).

Выявлены характеристики, которые препятствуют формированию новой культурной идентичности: замкнутость общения на представителях своего сообщества (включая коммуникации и получение информации об обществе приема), заработок как детерминанта миграционного поведения, образование не выше среднего, незнание или плохое владение языком страны приема.

7. Разработана типология социальных характеристик мигрантов, влияющих на формирование у них установки на новую культурную идентичность в стране приёма, которая позволяет выявить три кластера: «интегранты» с самой высоким потенциалом к формированию новой культурной идентичности (молодые, хорошо знают язык страны приема, отказавшиеся от религиозных практик, обладающие сильными социальными связями в новом обществе, проживающие в стране приема более 2 лет); «синтезанты» - обладают средним уровнем готовности к формированию новой российской культурной идентичности, люди выросшие в советское время, чаще в городской среде, и проведшие много времени в мегаполисах России, достаточно религиозны и одинаково ценящие и свою культуру, и российскую; «замкнутые» - получившие самый низкий индекс формирования новой культурной идентичности: плохо или совсем не знают русский язык, всю информацию получают от представителей своей культуры как лично, так

и из национальных медиа-источников, высоко религиозны, возраст, образование и время нахождения в стране приема значения не имеют, настаивают на примате родной культуры в стране приема.

8. Выявлены противоречия в существующей системе взаимодействия мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего российского сообщества в формировании установки на принятие новой культурной идентичности у приезжих, заключающиеся в существовании запроса со стороны российского сообщества на включение мигрантов в свою структуру при условии неотъемлемой (но не обязательно полной) культурной интеграции с одной стороны, и высоко проявленном барьерном поведении, ограничивающее возможность культурной интеграции, начиная с уровня формирования установки на принятие новой российской культурной идентичности.

Теоретическая значимость работы. Полученные результаты способствуют развитию теоретических основ изучения процессов интеграции, адаптации и инкультурации мигрантов в условиях демографической значимости миграционных процессов, а также при их изменении и трансформации. Междисциплинарный характер работы делает вклад в развитие демографии и социологии миграции, развивающихся во взаимосвязи и на стыке нескольких научных дисциплин.

Практическая значимость исследования.

Результаты и выводы работы могут быть использованы:

1. как методологическое основание для исследования межкультурной коммуникации в рамках миграционных процессов, происходящих не только в России, но и во всем мире;
2. развитию теоретического знания в сфере изучения социальной идентичности и ее специфического уровня - культурной идентичности;
3. в качестве основания для программ по снижению межэтнической напряженности между мигрантами и принимающим

сообществом, социального управления в области формирования интеграционных институтов;

4. для построения прогностических моделей при реализации задач поиска наиболее склонных к интеграции в российское сообщество мигрантов и решении проблемы пополнения народонаселения, развитии программ «отбора мигрантов», для повышения качества интеграционного процесса приезжих;

5. в качестве теоретической базы для законодательских инициатив в области разработки нового миграционного законодательства Российской Федерации.

Достоверность результатов работы подтверждается обоснованностью методологических и теоретических позиций, использованием корректных методов и процедур сбора и анализа количественных и качественных данных, отвечающих поставленным целям и задачам.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Данное исследование соответствует специальности 5.4.3 Демография, т.к. область исследования соответствует: п. 7 - Отражение демографических и миграционных проблем в общественном мнении, п. 8 - Этно-социальные особенности демографических процессов; п. 9 - Миграционные процессы и миграционное поведение; п. 10 - Социальные последствия миграционных процессов; п. 11 - Взаимосвязь демографической структуры и демографических процессов с социальной структурой и социальной динамикой паспорта специальности.

Апробация исследования. Базовые положения диссертации прошли апробацию на международных, всероссийских и региональных конференциях:

1. Всероссийская молодежная научно-исследовательская конференция «Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры» (Екатеринбург, 2014 г)

2. Всероссийская научно-практическая конференция «Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы». (Екатеринбург, 2014 г)
3. XVIII Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 2015).
4. Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт, эмпирического исследования» (Екатеринбург, 2015).
5. V Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Культура открытого города: новые смыслы и практики», (Екатеринбург, 2017).
6. The 11th International Days of Statistics and Economics (Prague, 2017).
7. The 12th International Days of Statistics and Economics (Prague, 2018).
8. Научно-практическая конференция с международным участием «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов» (Петрозаводск, 2018г).
9. Круглый стол с региональным участием «Актуальные проблемы адаптации мигрантов в восточной части России и пути их решения» (Екатеринбург, 2018 г).
10. Научно-практическая конференция с международным участием: «Государство, общество и церковь: миграция и межкультурное многообразие», (Новосибирск, 2018).
11. XXII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 2019).

12. The international scientific conference “The impact of industry 4.0 on job creation 2019” (Trenčín, Slovakia, 2020).

13. XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона. (Екатеринбург, 2020).

14. XII Conference EKONBIZ “New Economic Reality: The Economic Consequences of Social and Demographic Transition” (Bijeljina, Republika Srpska, 2024)

Структура работы и объем работы

Диссертация состоит из введения, двух глав (теоретическая и практическая), заключения, библиографического списка, включающего 156 наименований, приложений. Объем диссертации 179 страниц (не включая приложения).

1 Теоретико-методологический анализ формирования новой культурной идентичности

1.1 Анализ динамики международной миграции со странами Центральной Азии и особенности демографической ситуации в России

Поскольку главный вопрос сегодня для России заключается не в том «нужна или нет миграция нашей стране», а в том «какая нам нужна миграция сегодня и в перспективе», необходимым основанием для ответа на него является демографический анализ современной ситуации и ее прогноз.

Определяясь с понятием миграция, необходимо обозначить, что речь идет о вполне конкретном ее виде – межстрановой миграции, которую Д.И. Валентей¹⁰ в русле системного подхода описывает как взаимодействие двух (и более) социальных систем, процессы в которых детерминируются демографическими особенностями их народонаселения, а также общественным контекстом, определяющим направление, структуру, качество, состав и модели миграций. Соответственно, прежде всего требуется анализ демографической ситуации всех, участвующих в этом процессе сторон, начиная в данном случае с принимающего сообщества.

Численность населения России последние 6 лет имеет тенденцию к постепенному снижению, а по прогнозу Росстата снизится с 146,1 млн человек (2024 г.) до 138,77 млн человек через 11 лет. В Свердловской области эти цифры составят соответственно – уменьшение от 4225,3 тыс человек с 2024 г. до 3989,9 тыс человек в 2046 г. Возможно, такое снижение количества людей, населяющих нашу страну, не является негативным явлением, однако, изменение структуры населения требует внимания и анализа сопутствующих

¹⁰ Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.1985. [Электронный ресурс]. URL: <http://geography.su/demogr/item/f00/s00/e0000643/index.shtml>

ему процессов, способствующих предотвращению снижения трудоспособных граждан.

Следуя логике подхода теорий демографического перехода необходимо отметить, что структура населения России отличается двумя параметрами характерными для общества, находящегося в процессе трансфера от первой ступени демографического перехода, зафиксированного в 1970-х гг.¹¹ к завершению его второй ступени, начавшейся в 1990-х¹² гг. Увеличение продолжительности жизни и снижение рождаемости являются основными показателями теории демографического перехода или демографической модернизации (по терминологии Вишневого А.Г.), и ярко выражены в анализе российского населения.

По данным Росстата за 2022 г. распределение жителей страны по возрастам демонстрирует самое большое количество в группе от 70 лет и выше (15152 тыс. чел.). В возрастных группах активного трудоспособного возраста людей гораздо меньше – вплоть до 7292 тыс. человек среди 20-29-летних. Также в 2024 г. соотношение населения трудоспособного возраста к пенсионерам составляет 58% к 23,6% от общей численности населения, а к 2046 г. оно составит уже 57,5% к 26,9% в соответствии со средним прогнозом.

Таким образом, наблюдается общее старение российского населения, что приведет к ряду очевидных последствий. В частности, изменение соотношения нагрузки, которая определяет сколько трудоспособных граждан содержат пенсионеров будет следующим: с 2,25 к 1 в 2024 г до 2,13 к 1 в 2046 г., что, учитывая оптимальный показатель (3 к 1), может стать серьезной причиной многих социально-демографических последствий, чему так же будет способствовать и прогнозируемое увеличение продолжительности жизни.

¹¹ Захаров С.В., Рождаемость в России: первый и второй демографический переход. [Электронный ресурс]. URL:https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html (дата обращения: 15.08.2024)

¹² Демографическая модернизация России, 1900–2000, М., 2006, С. 139

Второй показатель, характеризующий переходное российское общество, - снижение рождаемости, который сопоставим со всеми развитыми странами мира, идущими по этому пути¹³. В 2024 г. зарегистрировано рекордно низкое количество рождений, что определяется коэффициентом рождаемости 1,321. Согласно Росстату, прогноз по рождаемости имеет положительную динамику и составит рост показателя с 1,245 млн новорожденных в 2023 г. до 1,426 млн новорожденных в 2046 г.¹⁴, то есть общий коэффициент рождаемости увеличится до 1,663. Однако, несмотря на прогнозируемый рост рождаемости, этих результатов (которые еще нужно достичь) не хватает для восполнения населения, поскольку для этих целей коэффициент рождаемости должен составлять 2,08. А ввиду того, что в ближайшие годы ожидается провал рождаемости, то к горизонту прогноза можно будет увидеть резкий рост демографической нагрузки для трудоспособных граждан (то есть один работающий гражданин будет обеспечивать больше граждан нетрудоспособного возраста - как детей, так и пенсионеров), что может привести к существенному снижению качества жизни, износу человеческих ресурсов, к обострению проблем со здоровьем, снижению человеческого капитала и другим проблемам. Нужно отметить, что в Свердловской области коэффициент демографической нагрузки имеет более плавный рост, чем в целом по России, однако на сегодня он демонстрирует более высокие показатели, чем в общем по стране.

Анализируя половозрастной состав населения, можно отметить, что доля женщин в стране будет продолжать превышать долю мужчин (на сегодня превышение составляет 6,8 %) и имеет тенденцию к плавному снижению, но его преобладание останется постоянным. При этом учитывая проблему высокого гендерного разрыва продолжительности жизни (ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) женщин в России более, чем на 10 лет

¹³ Перспективы народонаселения мира: пересмотр 2022 года. (Вариант со средней плодовитостью): официальный портал [ООН]. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population> (дата обращения: 15.08.2024)

¹⁴ Федеральная служба государственной статистики: официальный портал [Москва]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 15.08.2024)

выше, чем у мужчины), высокой смертности мужчин трудоспособного возраста, можно сделать вывод о том, что российское общество все больше идет в русле гендерно-возрастного «перекоса» в сторону преобладания стареющих женщин. Кроме того, стоит отметить, что данные представлены по среднему прогнозу и могут отклоняться к более экстремальным значениям. Так, например, зафиксированный факт снижения брачности за первые 4 месяца 2024 г может сказаться на дальнейшей нисходящей.

В складывающейся ситуации, как отмечает Рязанцев С.В., замещающая миграция остается значительным инструментом поддержания демографического баланса¹⁵, составив по данным Росстата в 2023 г. долю компенсации естественной убыли населения в 46,2 %, и острая необходимость, в которой сохраняется в ближайшие 15 лет.

В результате вышеизложенного описания демографической ситуации в России можно сказать, что теория демографического перехода предлагает понятную объяснительную модель современных процессов, происходящих с народонаселением страны. Однако, этот подход не дает достаточные объяснения для анализа миграционных процессов между Россией и странами Центральной Азии, а тем более при рассмотрении в региональном контексте¹⁶.

С одной стороны, можно сказать, что поскольку признаки демографического перехода в Узбекистане, Кыргызстане и тем более Таджикистане находятся в зачаточном состоянии, и более того в этих странах наблюдается «бэби бум», то в условиях местных экономик, которые не могут удовлетворить запросы ни взрослого населения, ни подрастающих новых граждан, автоматически формируются условия к образованию трудовой миграции и выталкиванию части активных жителей за границу. В представленной ниже таблице, сведенной из показателей, основанных на

¹⁵Рязанцев С. В., Вклад миграции в демографическое и социально-экономическое развитие России // Наука. Культура. Общество. Том. 24. № 4. М, 2018. С. 19-27.

¹⁶ Клупт М.А., Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность, №2. 2005, с. 139-149

данных ООН¹⁷, видно, что общества перечисленных стран обладают высоким миграционным потенциалом как на сегодняшний день, так и в перспективе.

Таблица 1.1

Сравнение демографических показателей Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана на 2023 г.

	Узбекистан	Таджикистан	Кыргызстан
Общее население (чел.)	35 258 754	10 304 467	6 912 666
Годовой прирост (чел.)	519 354 (1,49 %)	225 960 (2.24 %)	113 345 (1.67 %)
Население к 2045 г. (чел.)	40 238 337 (+ 2,53%)	13 727 802 (+ 6,61%)	7 872 539 (+ 3,64%)
Миграционный прирост (чел.)	- 46 898	- 29 429	- 27 197
Людей в возрасте от 15 до 65 лет (чел.)	24 271 421 (68,8 %)	6 461 313 (62,7%)	4 523 165 (65,4%)
Людей младше 15 лет (чел.)	9 342 159 (26,5%)	3 495 790 (33,9%)	2 023 752 (29,3 %)

С другой стороны, теория демографического перехода не объясняет миграционный процесс, который в соответствии трактовке Л.Л. Рыбаковского определяется как множество событий, влекущих за собой смену места жительства¹⁸, характеризующееся массовостью и динамичностью. При этом трудовая миграция в Россию из стран Центральной Азии отличается своей неоднородностью и высокой чувствительностью к социальным, политическим

¹⁷The 2024 Revision of World Population Prospects: официальный портал [ООН]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 15.08.2024)

¹⁸ Рыбаковский Л. Л., Миграция населения: учебное пособие для вузов, М., 2024. С.202.

и экономическим факторам.

Наглядной в этом отношении является динамика миграционного прироста со странами Центральной Азии за последние 4 года, отразившая ограничения пандемийных лет, экономические и политические события последнего времени. Поскольку целесообразно показать и данные за текущий 2024 г., то в графике ниже показано изменение коэффициента миграционного прироста (это не количественный миграционный прирост).

Коэффициент миграции для данного графика рассчитывался как отношение миграционного прироста к среднегодовой численности населения России, исчисляемое на 10000 человек. Данные были получены из отчетов Росстата за соответствующие годы и представлены в таблицах 1.2 и 1.3.

Таблица 1.2

Миграционный прирост со странами Центральной Азии по годам

Год	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (1пол.)
Кыргызстан	15 106	1 401	42 549	-6 824	4 956	928
Таджикистан	48 374	39 420	96 609	87 264	81 684	15 298
Туркменистан	6 198	777	7 230	-3 702	4 750	3 479
Узбекистан	19 129	4 922	36 009	-8 455	3 639	3 400

Таблица 1.3

Среднегодовая численность населения РФ по годам

Год	Количество человек в РФ
2019	146 764 655
2020	146 459 803
2021	145 864 296
2022	146 713 743
2023	146 299 107
1 пол. 2024	146 203 613

Таким образом, составленный автором на основании этих данных график коэффициента миграционного прироста демонстрирует существенное изменение миграционного прироста от года к году. Это является одной из особенностей миграции в России, что может объясняться легкостью перемещения мигрантов как на сторону приема, так и обратно.

Рис.1.1

Коэффициент миграционного прироста со странами Центральной Азии¹⁹

Из графика видно, что все представленные в исследовании страны реагируют хоть и в одном направлении, но с разницей в интенсивности изменения миграционного прироста. При появлении высоко значимых факторов жители Кыргызстана и Узбекистана массово покидают страну приема и возвращаются неохотно. На фоне этого преобладание выходцев из Таджикистана сохраняется, не смотря все обстоятельства, связанные с ограничением их приезда в Россию. Очевидно, что структура миграции из стран Центральной Азии имеет неоднородные этнические характеристики. В целом же график показывает общий тренд на снижение миграционного

¹⁹ Коэффициент миграционного прироста рассчитан по формуле отношения миграционного прироста со странами Центральной Азии к количеству населения России в соответствующих годах на 10 000 чел.

прироста с резким его падением в 2024 г., что привело к тому, что по данным на апрель 2024 г. процент компенсации естественной убыли населения России за счет внешней миграции составил всего 21,3%²⁰.

Одновременно с этим можно наблюдать, что трудоспособные жители стран Центральной Азии учитывают в своей миграционной стратегии появление экономических и политических сложностей в России. Так, по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики при сохранении основного миграционного потока в Россию, второй по популярности страной, куда едут люди, является Казахстан, а также растет интерес к странам вне СНГ.

Рис 1.2

Динамика наиболее активных миграционных потоков из Кыргызстана²¹

На графике видно, что миграционный поток из Кыргызстана в Россию за последние 10 лет сократился более, чем в 3 раза и тенденции к его восстановлению в былых объемах не наблюдается.

²⁰Федеральная служба государственной статистики: [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2024/02-29/tQ1QjJBq/Doklad_05-2024/4-0_05-2024.doc (дата обращения: 15.08.2024).

²¹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 15.08.2024).

Миграция из Узбекистана превышает Кыргызстан в 9 раз, однако тренд к ее снижению так же просматривается.

Рис. 1.3.

Международная миграция в Узбекистане: количество уехавших всего в разные страны ²²

Если обратить внимание на соотношение граждан, уехавших на постоянное место проживания из Узбекистана в другие страны, станет ясно, что Россия не стоит на первом месте для переезда.

Рис. 1.4

Уехавшие на постоянное место жительства из Узбекистана в другие страны ²³

²² Агентство статистики при президенте Республики Узбекистан: [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.uz/ru/component/search/#> (дата обращения: 15.08.2024)

²³ Там же.

В сравнении с Россией выходцы из Узбекистана отдают большее предпочтение Казахстану для переезда на постоянное место жительства. По данным отчетов Агентства статистики основная доля выбывших на ПМЖ из Республики Узбекистан в зарубежные страны приходится именно на Казахстан – в среднем около 80%, тогда как в Россию на много меньше – в 2023 г. их количество составило 26270 (15,4 % от всех уехавших)²⁴.

Очевидно, что миграционная стратегия жителей стран Центральной Азии являются динамичными и подвержены резким изменениям. Стоит отметить, что одним из условий падения миграционной мобильности (по мнению Рыбаковского Л.Л.) является экономический рост этих двух стран²⁵, как снижение давления так называемых push-факторов²⁶ ²⁷. Отметим, что осязаемая часть населения Узбекистана и Кыргызстана в целом склонны к тому, чтобы остаться на родине. А то, что для переезда на постоянное место жительства ими выбирается Казахстан, говорит о наличии конкуренции со стороны других стран за кадры, готовые к стабильному присутствию на новой территории.

Кроме того, демографическая ситуация в Китае, который по прогнозам уже через 10 лет перейдет в стан стареющих наций с турбулентно усиливающейся нехваткой молодых граждан²⁸, а также его географическая близость, предполагает в недалеком будущем высокую конкуренцию за трудовые ресурсы в регионе Центральной Азии со стороны КНР.

Что касается Таджикистана, то его представители предпочитают оставаться в состоянии циркулирующей миграции (44%) или вернуться и жить

²⁴ Демографическая ситуация в Республике Узбекистан: основные показатели 2023г. Данные Агентства статистики при президенте республики Узбекистан: [Электронный ресурс]. URL: https://stat.uz/img/demografiya-press-reliz-26_01_2024-rus.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

²⁵ Группа Всемирного банка: официальный портал [Вашингтон]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/home> (дата обращения: 15.08.2024).

²⁶ Lee E. A. Theory of Migration // Demography. 1966. № 3. p. 47-57. [Электронный ресурс]. URL: <https://emigratecaportuguesa.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/04/1966-a-theory-of-migration.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).

²⁷ Massey, D. S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. // Population Index. 1990. 56(1). Pp. 3–26.

²⁸ Селиверстова Ю. А. Демографическое будущее Китая // Демографическое обозрение. 2020. 7(4). С. 149-165.

в стране, из которой они уехали (32%). В топе рассматриваемых стран для этих целей находится Россия (48%), а Казахстан занимает только 5 место (8%), уступая Великобритании, Германии и поиску наилучшего выбора²⁹.

Кроме того, миграционный процесс зависит от социальных характеристик взаимодействующих стран. Так Россия характеризуется высоким уровнем городского населения: 74,9% по цифрам Росстата на 2023 г. Страны Центральной Азии значительно отстают по данному показателю. В 2023 г. доля городского населения составила 36,6% в Кыргызстане, 50,4% - в Узбекистане и 27,3% - в Таджикистане³⁰. Если смотреть на комплекс социально-экономических и демографических факторов, то ситуация в Таджикистане, отличается высоким уровнем бедности, многодетности, социальное неравенство и высоким количеством рождающихся мальчиков, что с большой долей вероятности будет отражаться на наличии установок на деструктивное и асоциальное поведение у потенциальных приезжих. Чего не скажешь об Узбекистане и Кыргызстане. Учитывая, что доля таджиков составляет самую большую часть миграционного притока в Россию, превосходя киргизов более чем в 6 раз, а узбеков в 24 раза, очевидно, что такой состав трудовой миграции требует серьезных мер по адаптации и вложений со стороны страны-реципиента, чтобы минимизировать возможные не только латентные напряженности, но и открытые риски для принимающего сообщества³¹.

Представленные выше данные демонстрируют насколько миграционный процесс неоднороден и чувствителен к особенностям и изменениям в принимающих/отпускающих сообществах. Поэтому стоит рассматривать его не просто как массовое перемещение людей через границы

²⁹ Международная организация по миграции (МОМ), 2023 г. Базовая оценка и исследование по МОП: возвращающиеся трудящиеся мигранты в Таджикистане: официальный портал [МОМ, Таджикистан]. URL: https://dtm.iom.int/sites/g/files/tmzbd11461/files/reports/TJ_Baseline%20and%20Returning%20Migrant%20Worker%20Survey%20Round%201_RUS.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

³⁰ Рейтинг ООН стран мира по уровню урбанизации: официальный портал [ООН]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index> (дата обращения: 15.08.2024).

³¹ Проблемы адаптации и качество жизни трудовых мигрантов и членов их семей в Свердловской области. Аналитический доклад / ред. Козловой О.А. // Екатеринбург, 2023. С. 91.

тех или иных территорий, но как комплекс всех сопутствующих факторов, влияющих на все этапы формирования этого процесса.

Концепт трех стадий миграционного процесса (Л.Л. Рыбаковский³², Т.Н. Юдина³³) является основным, и описывает его как связь следующих элементов: формирование подвижности (или мобильности), само перемещение (или переселение), приживаемость и адаптация. Эта связь осуществляется и проявляется через миграционное поведение, понимаемое как вид демографического и социального поведения, которое формируется в результате воздействия комплекса социальных и экономических факторов, причинно-следственных связей, возникающих по поводу пространственно-временного перераспределения людей. Важным аспектом миграционного поведения является то, что это не просто спонтанный набор решений и поступков, а упорядоченная система действий, связанных с перемещением³⁴. Соответственно миграционный процесс – это совокупность пространственных перемещений крупных масс людей, обусловленных социально-экономическими факторами отдающих и принимающих сообществ, выраженных в миграционном поведении и влияющее на структурные особенности этих обществ.

Таким образом, теории демографического перехода показывают, что миграции – это часть широких социальных изменений, происходящих во всем мире, неотъемлемой частью которых они являются. Однако, такой подход не объясняет динамику миграционного процесса, его закономерности и движущие силы, а также ограничивает исследования в части возможностей управления основой миграционного процесса – миграционным поведением.

В условиях, когда основной из проблем, связанных с мигрантами,

³² Рыбаковский Л. Л. К уточнению понятия «миграция населения» [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 78-83. URL: https://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_12/Rybakovsky.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

³³ Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М., 2004.

³⁴ Рыбаковский Л.Л., Шапиро В.Д. Методика социологического изучения демографического поведения. [Электронный ресурс]. М., 1985. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=697 (дата обращения: 15.08.2024).

становятся конфликтность и напряженность между ними и принимающим сообществом, институциональный подход позволяет изучать миграционное поведение как систему социальных норм, ценностей, ролей и статусов, обеспечивающих миграционный контроль. Показателем эффективности института миграции становится адаптация мигрантов, включающая усвоение и признание правил жизни принимающего сообщества.

В структуре миграционного процесса адаптация представлена как его завершающий этап, однако для более полного понимания эффективнее рассматривать ее как часть миграционного поведения на всех этапах перемещения. Этапы адаптации мигрантов, выделенные И.Б. Бритвиной, соответствуют всем ступеням миграционного процесса, начиная с преадаптации в стране исхода, когда формируются мотивы перемещения, осуществляется накопление знаний об обществе страны назначения, когда пристраиваются нужные социальные связи, происходит выбор места и стратегии миграции. Адаптация во время перемещения связана с первыми попытками инкорпорации в принимающее сообщество, а также с сохранением активного общения с членами мигрантского сообщества, с выбором или трансформацией имеющихся стратегий жизни и деятельности. Следующая стадия, более длительная (5-7 лет) приводит либо к полной адаптации, либо к реэмиграции³⁵. Каждая стадия связана с проблемами, в следствие которых миграционное поведение принимает формы болезненной социализации, становящиеся причиной этнической напряженности и возможным источником опасности для принимающего сообщества.

Рассматривая миграцию не просто как результат демографических, социальных и экономических факторов, а как новую нормальность с точки зрения появившейся свободы выбора места проживания³⁶, открывается

³⁵ Бритвина И.Б. Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ: дис. д-ра социологических наук : 22.00.06. Екатеринбург. 2006.

³⁶ Naas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. 2021. № 9 (1)8. Pp. 1-35.

возможность обогатить методологию изучения миграций с позиций институционализации перемещений.

Необходимо отметить, что на сегодня она уже приобрела ряд признаков социального института и в странах-донорах Центральной Азии и в Российском сообществе. Устойчивое воспроизведение миграционной мобильности из поколения в поколение свидетельствует о системе передачи ценностей и норм поведения, приводящих к массовым миграциям³⁷. На стороне приема так же сформирован комплекс структур, воспроизводящих пополнение трудовых ресурсов за счет миграционных потоков – работодатели, мигрантские социальные сети, государственные структуры. Однако, взаимодействие элементов института миграции в России сегодня обладает чертами хаотичности и бессистемности, поскольку действуют в логике краткосрочного планирования и задач каждого актора этого процесса.

Исследуя миграцию как социальный институт, основой которого является обеспечение постоянного перемещения или отказ от перемещения, как выбор места своего пребывания, становится возможным раскрыть формирование и осуществление миграционного поведения приезжих, а также граждан принимающего сообщества в структуре «члены принимающего сообщества – члены мигрантского сообщества». Именно общая система, функционирование которой направлено не просто на закрытие потребности в трудовых ресурсах, но в обеспечении управления повышением качества жизни принимающего сообщества в условиях флюидности людей по всему миру, а значит и на адаптацию приезжих, способно привести к формированию главной детерминанты миграционного поведения – социальной установки на принятие правил и принципов принимающего сообщества.

Раскрывая понятие миграционного поведения необходимо отметить специфику миграции, характерную для России. Как отмечает Л.Л.

³⁷ Табасаранский, Р. С. Миграция в современном мире: трансформация из социального явления в социальный институт // Вестник МГПУ, серия «Философские науки». 2023. №2 (46). С.77-89.

Рыбаковский³⁸, основными признаками, вокруг которых существуют различные подходы к систематизации миграций — это длительность нахождения на территории въезда (возвратность, транзит, регулярность, периодичность), направление потока, организованность/стихийность миграции, причины (факторы) миграции. Так же применяются такие признаки, как расстояние, характер пересекаемых границ (внутренние, международные), территория проживания. Следуя такому принципу, можно перечислить основные виды миграций:

- по направлению: внешние или внутренние миграции;
- по времени: постоянные или временные миграции (последние так же в некоторых классификациях делятся по времени пребывания на территории приезда);
- по мотивации: экономические, природные, экологические, политические/религиозные, семейные миграции;
- по степени вынужденности: добровольные или принудительные миграции;
- по форме реализации: стихийные или организованные миграции;
- по объему: индивидуальные, ограниченные и массовые миграции;
- по правовому статусу: легальные и не легальные миграции.

Многие критерии по сути являются одним признаком или наоборот одно объединение миграций включают в себя явления, относящиеся к разным группам. Результатом смешения оснований может стать разность понимания таких групп мигрантов, как временные, высококвалифицированные (предприниматели), нелегальные и беженцы, семейные и воссоединенные мигранты, возвратные и т.д.

Л.Л. Рыбаковский отмечает, что такое положение характерно и для западного, и для отечественного подходов, хотя, в России к данной проблеме

³⁸ Рыбаковский Л. Л. Классификация миграции: основания и таксоны // Народонаселение. 2016. №3 (73). С. 4-15.

стараятся подойти более внимательно. При этом характеристика «время пребывания» имеет много делений (временное пребывание, сезонное, краткосрочные вахтовая и маятниковая системы и пр.), которые нельзя унифицировать и эффективно применять для общей классификации миграций.

То же можно сказать и про такой критерий как расстояние, поскольку дальность — очень субъективная и относительная характеристика, от которой зависит количество работы, которая вкладывается в осуществление процесса миграции и которая стремится к минимизации³⁹, а следовательно расстояние оказывает влияние на динамику миграционного процесса и миграционное поведение. Иными словами, чем проще осуществить переезд из одной страны в другую, тем чаще и легче возможно перемещаться туда-сюда, тем скорее всего миграция приобретет челночный принцип.

Международные организации предлагают различные критерии деления мигрантов с разным ведущим акцентом. Так, ООН выделяет для анализа международных миграционных движений пять категорий мигрантов: обучающиеся мигранты, трудовые мигранты, мигранты, въезжающие по семейным обстоятельствам, мигранты, приезжающие на постоянное поселение⁴⁰. Дополнение описания типа миграции с точки зрения разделения ее по целевому принципу (а не по принципу причины исхода из места постоянного проживания) становится полезным для анализа миграционного поведения приезжих и его влияния на принимающее сообщество.

Таким образом, основную часть миграции в России можно охарактеризовать следующим образом: внешняя трудовая и образовательная, краткосрочная и среднесрочная маятниковая, стихийная с формированием организационной системы, массовые, статусно смешанные (легальная и

³⁹ Лисицын П.П., Орлова Н.А., Степанов А.М. Миграционное поведение: принцип снижения трудозатрат Дж. Зипфа // Социологический журнал. 2022. Том 28. No 3. С. 72–90.

⁴⁰ Организация объединенных наций: официальный портал [ООН]. URL: [https://www.un.org/sites/www.un.org/files/uploads/images/infographic-ru\(1\).png](https://www.un.org/sites/www.un.org/files/uploads/images/infographic-ru(1).png) (дата обращения: 15.08.2024).

нелегальная). При таком типе миграций наиболее ярко выражается динамика миграционного процесса и свобода выбора миграционного поведения как способность людей определять, где жить, включая возможность остаться или уехать, а не сам акт перемещения. Эти параметры значительно влияют на процесс взаимодействия с принимающим сообществом, однако, некоторые из них могут быть изменены и повлечь вслед за этим изменение социальные трансформации.

Демографическое поведение мигрантов, и входящие в него миграционное и репродуктивное поведение, связаны с представленными выше параметрами. Так, стратегия маятниковой миграции имеет связь не только с территориальной близостью, комплиментарным миграционным законодательством и направленной деятельностью по привлечению приезжих, но и с качеством культурного взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества. Однако, именно она становится фактором, препятствующим включению мигрантов в российское сообщество, их укоренению. Улучшение качества взаимодействия этих групп требуется в виду того, какой состав мигрирующего сообщества формируется в России. То есть помимо того, что уже сейчас требуются работники в большом количестве (сфера обслуживания, строительство и транспорт)⁴¹, нужно учитывать, что мигранты должны будут учиться многим профессиям (сервис, медицинская и бытовая помощь). Таким образом, увеличение длительности пребывания мигрантов на территории приема, замещение стратегии маятниковой миграции на более длительную или на постоянное проживание будет улучшать взаимодействие мигрирующего и принимающего сообществ⁴².

Изменение репродуктивного поведения мигрантов – это также результат взаимодействия с принимающим сообществом. Опасения россиян о том, что те мигранты, которые пребывают и остаются в нашей стране навсегда, имеют

⁴¹ Сервис открытой аналитики рынка труда Head Hunter: [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.hh.ru/?ysclid=lt4p4ciq4v677294592> (дата обращения: 15.08.2024).

⁴² Юмагузин В. В., Винник М. В. Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 48–64.

более активное репродуктивное поведение, направленное на многодетность, заместят со временем коренное население, сильно преувеличены. Исследования показывают, что приезжие из стран Центральной Азии и мужчины, и женщины имеют малодетную стратегию репродуктивного поведения, причем не зависимо от того, кто состоит в браке – оба мигранта или смешанный союз с представителями принимающего сообщества^{43 44}. Одновременно с этим, Росстат ожидает снижение миграционного прироста, что так же указывает на необходимость того, чтобы мигранты в России оставались надолго, максимально адаптируясь к российскому обществу, чтобы стать эффективным фактором в процессе сохранения демографического баланса в России, фактором пополнения народонаселения страны.

Наблюдаемое изменение количества российского населения в сторону уменьшения и трансформации его демографической структуры, а также ситуация в странах Центральной Азии, которые являются основными источниками внешней миграции для нашего общества, требуют работы с точки зрения культурного взаимодействия наших сообществ для достижения наиболее качественного результата по включению мигрантов в принимающее сообщество. Развитие понимания миграции как социального института приведут к появлению механизмов адаптации мигрантов, которые с одной стороны унифицированы, а с другой стороны форматированы под региональные особенности российских территорий⁴⁵, а также позволяют выделить реальные интеграционные модели⁴⁶. В качестве наиболее эффективного фактора включения мигрантов в принимающее сообщество в данной работе предлагается осознание необходимости формирования у

⁴³ Сигарева Е. П., Сивоплясова С.Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 68-91.

⁴⁴ Осадчая, Г. И. Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской Агломерации // Демис. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 78– 91.

⁴⁵ Рязанцев С.В., Леденева В.Ю., Мишук С.Н. Влияние миграции на трансформацию этнического состава населения России: тенденции и подходы к политике адаптации мигрантов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 1. С. 104–116.

⁴⁶ Леденева В. Ю., Осадчая Г. И., Юдина Т. Н. Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспекты // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 69-80.

приезжих «новой культурной идентичности», а также раскрывается процесс формирования установки на ее принятие как последний этап успешно реализуемого миграционного поведения.

1.2. Формирование новой культурной идентичности как этап миграционного процесса

Культурная идентичность в данной работе понимается как вид социальной идентичности, но поскольку использование термина социальная идентичность и всех ее вариаций обладает активным применением, неоднозначным трактованием и широкой междисциплинарностью, то для методологического анализа сначала необходимо уточнить понятие социальной идентичности.

В социальной психологии социальная идентичность понимается в целом как элемент личности, неотделимый от воздействия социального мира, являясь его логическим внутренним продолжением и рассматривается как функция, направленная на установление единства с обществом в целом или группой в более частных случаях. Ее реализация — это нормальное и необходимое условие психического здоровья людей, а также инструмент формирования представления о собственном Я и осознания своего места в мире (Фромм Э.⁴⁷). Важными социально-психологическими теориями для методологии данного исследования являются такие концепции как теории «Зеркального я» Ч. Х. Кули, «Значимого другого» Дж. Г. Мида, «Политика идентичности» Э. Гофмана, «Теория социальной идентичности» Т. Тэджфела. Такой подход, где в структуре идентичности большим значением наделяется социальная составляющая, позволяет исследовать факторы, которые способны существенно минимизировать или даже исключить влияние личностных характеристик на субъект, его поведение и представление о

⁴⁷ Фромм Э. З. М., Здоровое общество. Догмат о Христе. 2005. С. 294.

самом себе. Примат социального самоопределения над индивидуальным, как базовая потребность индивидов и их существования в обществе, раскрывает основные аспекты идентичности, учитываемые в работе с позиций примордиализма. Прежде всего, это то, что идентичность является структурным качеством, но при этом обладающая свойствами пластичности и изменчивости в зависимости от влияния окружающего общества (Кули Ч.Х.⁴⁸, Гофман И.⁴⁹).

Однако, сегодня это же положение приводит к сомнению в существовании идентичности вообще, как окончательного состояния и категории, подходящей для описания процессов в современных социальных структурах. То есть постоянно функционирующий поиск идентичности, с непрекращающимся влиянием на развитие и трансформацию личности, в мире с повышенной территориальной, социальной, профессиональной, статусной и даже гендерной мобильностью, выводит на первый план не саму идентичность, а процесс идентификации, понимаемый как изменение состояния социальной идентичности, отражающий актуализацию уже имеющихся или формирование новых видов идентичностей. То, что В.А. Ядов называет ответом на вопрос, какие группы и общности человек признает «своими», а какие — частично близкими или враждебными, и справедливо отмечает, что именно это становится принципиально важным для понимания современных социальных отношений⁵⁰. Процесс идентификации наиболее внимательно осмысливается в русле социологического подхода, однако наработки ученых, которых традиционно относят к направлению социальной психологии, необходимы в части исследования механизмов, посредством которых происходит идентификация, предшествующая формированию идентичности. Социальная идентичность становится характеристикой связи

⁴⁸ Кули Ч.Х., Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. С.274.

⁴⁹ Гофман И., Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/41800.html> (дата обращения: 15.08.2024).

⁵⁰ Ядов В.А., Социальная идентификация в кризисном обществе// Социологический журнал. 1994. №1. С. 35-52.

«человек-группа», поэтому именно в этом направлении были качественно исследованы механизмы формирования этой связи, выстроенные в целостную систему взглядов.

Коммуникация, как одна из базовых категорий символического интеракционализма, была определена как механизм формирования социальной идентичности (Дж. Мид⁵¹). В соединении теории действия и коммуникативной теории была подготовлена база, подходящая для теоретического описания процессов между крупными сообществами, представляя их как пул ситуативных взаимодействий (Г. Блумер⁵²), построенных на постоянном взаимном оценивании уместности тех или иных норм, ценностей и групповых предписаний к обстоятельствам, которые в свою очередь и формируются действиями других людей. Следуя такой логике, можно сказать, что содержание идентичности можно описать как применимость ценностей и норм, характерных для той или иной культуры в каждом конкретном взаимодействии посредством систем символов, заключающих в себе «смысловое содержание» данной культуры и выявляющаяся в коммуникативном соприкосновении друг с другом.

Иначе строится подход к изучению идентичности в рамках когнитивной теории в социальной психологии, ключевым концептом которой является социальная категоризация, а идентичность становится системой определения места личности в обществе, которая формируется относительно других членов общества через восприятие отношений к себе со стороны ключевых персон (Г. Тэджфел⁵³, М. Шериф⁵⁴). Из этого подхода берется понятие важное для исследования групповой сопричастности в данной работе – это положительная (или позитивная) идентичность, определяемая как удовлетворение от отношения к определенной общности, и обладающая

⁵¹ Mead G.H. Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist [Электронный ресурс]. 1934. URL: <https://ddong.narod.ru/meaden1/index.htm> (дата обращения: 15.08.2024).

⁵² Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая. М., 1994. С. 90-115.

⁵³ Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations. Monterey CA: Brooks/Cole. 1979. Pp. 33-37.

⁵⁴ Sherif M. In common predicament: Social psychology of intergroup conflict and cooperation. Boston, 1956. P. 192

характеристикой необходимой достижимости, как базовый социальный инстинкт.

Ключевая идея, которая с одной стороны дает сильный инструментарий для работы с отдельными людьми с точки зрения их социального участия, а с другой стороны ограничивает возможность исследования крупных социальных образований – это замыкание большинства теорий на «я-концепции». Через опыт, приобретенный в результате перемещения между социальными структурами, социальная психология рассматривает социальную идентичность как набор событий, создающий Я-идентичность, то есть представление о себе, однако же не исключает волю человека в выборе этих событий. Дж. Келли⁵⁵ наиболее четко выразил идею подхода социальной психологии к изучению социальной идентичности в теории личностных конструктов, описывая как социальная реальность создает психологическую реальность, и социальная идентичность предстает как система, а точнее комплекс систем, через которую индивид воспринимает мир и формирует я-систему. Эта идея получила свое развитие в теории Дж. Тернера о самокатегоризации⁵⁶, усилив понимание социальной идентичности как качества индивида, позволяющего наиболее удобным образом познать и структурировать социальный мир.

Сделав социальную идентичность центральным предметом своего познания, социальная психология определила важнейшие аспекты «Теории Социальной Идентичности» (ТСИ). Наиболее применимо в более общем подходе к ее изучению положение о противопоставлении личностной и коллективной идентичности, определяя их как полюса процесса самоопределения, и делая акцент на ее социальности. Так же, учитывая положения теории символического интеракционализма следует принимать во внимание существенную роль системы символов, языка и их смыслов в

⁵⁵ Келли Д.А. Теория личности. Теория личных конструктов. [Электронный ресурс]. 2000. URL: <http://iakovlev.org/zip/kelly.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).

⁵⁶ Turner J. Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behavior // *Advances in Group Processes*. 1985. Vol. 2. Pp. 77–121.

формировании социальной идентичности. Однако, такой подход вынуждает оставаться на микроуровне человеческих взаимоотношений. Как справедливо отмечает Шнайдер Л.Б, чаще всего социальная идентичность рассматривается как один из вопросов Я-концепции⁵⁷, что практически исключает общий социальный и культурный контексты. Поэтому, переходя к логике социологического подхода, совершается смещение фокуса к более общим процессам и их закономерностям, включающим функционирование социальной идентичности.

Социальная идентичность обозначалась разными терминами: солидарность (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. М. Ковалевский), коллективизм (К. Маркс), единство (П. Л. Лавров), психическое взаимодействие или связь (П. Сорокин), которые содержали смысл отождествления индивидом себя с окружающими макро- и микрогруппами.

В рамках социологического подхода идентичность является не способом определения человека самого по себе или человека в социуме, а категорией, определяющей большие и малые общности, и особенности их социальных «скреп». Постепенное формирование идентичности посредством процессов подражания, социализации через семью, ближайшее и дальнейшее окружение (О. Конт, Н. К. Михайловский) рассматривается как инструмент, а сама идентичность как качество, характеризующее общество, состояние его целостности, ценностей и развития.

Классики социологии, несмотря на теоретическую реакционность и отказе социальной идентичности в динамической природе, дали дисциплине базовое понимание солидарности как структурного элемента общественного функционирования (О. Конт⁵⁸), характерного для всех стадий развития социума и усложнения общественной системы (Э. Дюркгейм⁵⁹). Существенным методологическим открытием для теории идентичности стало

⁵⁷ Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://psychlib.ru/mgPpu/sh1/SH1-003-.htm#p3> (дата обращения: 15.08.2024).

⁵⁸ Конт О., Общий обзор позитивизма. М., 2012. С.156.

⁵⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991. С. 467.

тректование солидарности как инструмента социального управления, что так же соотносится с конструктивистскими воззрениями на ее суть (К. Маркс⁶⁰). Проблематичным в представленных подходах видится преставление о неизменяемой норме, которой должно соответствовать то или иное общество, что ограничивает исследование общества и лишает возможности изучать динамику изменения современных друг другу социальных процессов, решая противоречия, возникающие в реальности, а не противоречия отмирающего порядка с ново образующимися социальными явлениями.

Изучая современные общества, нужно иметь во внимании тот факт, что происходящие миграционные процессы во всем мире беспрецедентны не только по своим количественным и временным показателям, но и по таким характеристикам, как типы миграций (маятниковые, семейные, гендерные, трудовые, образовательные, беженцы, удаленность донорских территорий и территорий реципиентов и т.д.). Поэтому применение макро социологического подхода структурного функционализма для изучения социальной идентичности становится проблематичным, так как практически исключает перспективу изучения ее как пластичной системы и фактически отвергает возможность интеграции людей из разных обществ и социальных страт в иные социальные системы вне ее стройного устойчивого баланса. Практика показывает, что миграционные процессы хоть и отягощены различными сложностями, нелинейным развитием и социально обусловленными барьерами, тем не менее неуклонно происходят в различных конфигурациях и с различной степенью выраженности. В условиях их сверхдинамичности, когда ни институты, ни общие ценности, ни системы контроля не успевают сформироваться, их исследования требуют методологии, которая предлагает оптику с большим увеличением для детализации происходящего.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф., Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1985. Т. 1. С. 587.

Говоря о мигрантах из стран Центральной Азии в России, в большей степени подразумеваются гастарбайтеры, люди, приехавшие на заработки, обменивая свой труд на деньги. То есть, это люди, не уходящие в закрытые анклав, а так или иначе, они постоянно взаимодействуют с принимающим сообществом не бессистемно и хаотично, а в структуре деятельности, имеющей целеполагание не только в смысле трудового результата, но и в социальном плане, выстраивая доверительные, коммерческие, клиентские, бизнес-отношения. Вбирая в себя задачи межкультурного, меж статусного, межличностного общения, их интеракции, осуществляемые в российском сообществе, обладают качеством социального действия именно в том смысле, в котором его описывает Т. Парсонс⁶¹ в своей теории. При этом межкультурная составляющая здесь формирует коммуникативную базу, что по Парсонсу определяет работу всех мотивационных механизмов социализированной личности, а значит социализирующей. Соответственно, изменение социальной идентичности представляется результатом целого набора социальных действий, которые являются исходной единицей анализа общего процесса формирования новой социальной идентичности.

Специфика изучаемого вопроса заключается в том, что все интеракции, представленные как социальные действия, между субъектами социальных общностей происходят в пространстве коммуникаций повседневного уровня. Основой социальной идентичности становится взаимодействие людей, как осознанная субъектом социальная коммуникация, а, значит здесь важны все акторы, от индивида, малой группы, большой группы и социума в целом. Именно эта специфика предполагает необходимость смещения методологического фокуса на микро социологический уровень, что позволяет сделать феноменологический подход, дающий возможность рассматривать соотношение человека с тем или иным социальным феноменом (в частности, с

⁶¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 88.

культурой повседневности), а также саму социальную идентичность как фундаментальное явление и продукт взаимодействия индивидов.

Так, теория фреймов, имеющая свое начало в феноменологии Э. Гуссерля⁶² и А. Щюца⁶³, становится подходящим теоретическим основанием для понимания процесса формирования социальной идентичности. Систематизация реальности, основанная на автоматически выстраиваемых коммуникативных схемах, имеет схожие механизмы с формированием социальной идентичности, происходящие путем интеграции социальных феноменов, с которыми сталкивается индивид, в существующую картину мира. Так, например, традиция собирать родственников и друзей на плов в странах Центральной Азии работает как акт укрепления и подтверждения сильных социальных связей в родной культуре⁶⁴. Однако то же самое событие при переносе на территорию России становится интеграционным элементом, когда приглашаются представители российского сообщества, а иногда и демаркационным, сообщаящим окружающему обществу обособленность мигрантов. Точно так же и любое культурно-обоснованное действие или событие, являющееся достаточно выразительным, несет в себе те же самые смыслы (праздники, одежда, бытовые и социальные практики). Критика теории культуры повседневности часто лежит именно в сфере сложности разделения между сакральным и профанным, однако именно это противоречие становится ключевым при взаимодействии представителей кардинально отличающихся культур, поскольку это первое чем готовы поделиться их представители, раскрывая категорию Щюца «взаимный опыт», который играет одну из главных ролей в процессе взаимодействия социальных сообществ, поэтому увеличение частоты событий на прямую влияет на социальную идентичность.

Справедливым будет и утверждение, что событие, становящееся

⁶² Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. С.167.

⁶³ Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 867.

⁶⁴ Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А. Таджики и узбеки в Республике Татарстан: биографии диаспор и повседневные практики: монография. Казань, 2016. С. 12

повседневным (фрейм-концепция и теория повседневности И. Гофмана⁶⁵) будет оказывать наиболее сильное влияние на структуру социальной идентичности индивида, поэтому социальная идентичность – это результат повседневных и регулярных социальных практик, часто происходящих событий, имеющих значимость для общности, и обладающих коммуникационной структурой.

Интеракционистский подход дорабатывает проблему социальной идентичности в рамках ролевой теории, фокусируясь на том, какие формы поведения в зависимости от структуры и места в ней предлагает общество индивиду, и как последний функционирует в этой связи (П. Бергер, Э. Гидденс, Т. Лукман, Р. Мертон). Выделяется особая значимость собирательного образа человека, принадлежащего к определенной социальной группе, стереотипов поведения, представленных как механическая обобщенная схема поведения, упрощающая деятельность человека через типизацию данных и адаптацию к определенным условиям. Выявление механизмов распознавания маркеров принадлежности индивида к той или иной социальной категории открыли необходимость изучения эмоций как идентификаторов соответствия или несоответствия им.

То, как человек реализует требования всех ролевых подсистем, к которым он принадлежит, и то, как при этом сохраняется внутренняя целостность человека разрешается уже в интегративном подходе. Опираясь на многомерность сознания, он представляет социальную и личностную идентичность как шкалы его измерения (Ю. Хабермас) и позволяет детализировать концепт социальной идентичности, не нарушая целостности и континуальности индивида как личности и как социального актора.

Однако, сложившееся в западной социологической школе понимание плюралистической природы социальной идентичности привело к алармированию вопроса, и социальная идентичность стала рассматриваться

⁶⁵ Гофман И. Представление себя в повседневной жизни. СПб., 2021. С.97

как структурная составляющая социального сознания, переживающего высокое напряжение от своей множественности, изменчивости и неопределенности. Это определило проблему слишком мелкого дробления социальной идентичности, связанную с высокой мобильностью человека нового времени, развитием информационного общества, противостояние унификации и навязыванию определенных социальных ролей со стороны социума, что приводит к постоянному поиску маркеров самоопределения и процессу идентификации с беспрестанно обновляющимися социальными группами, способствует росту нестабильности, разрушению общественных институтов и множества устоявшихся типов социальных связей (Дж. Урри⁶⁶, М. Кастельс⁶⁷, А. Турен⁶⁸).

Можно сказать, что действительно социальный мир приобрел максимально сложную систему идентификаций, основной проблемой которой является не само наличие набора социальных идентичностей, а все более растущие трудности в выстраивании социальных связей ввиду их несовпадения. Отсюда происходит рост атомизации, поиска самоопределения, постоянной смены социальных ролей - нестабильность в семьях, в профессиональной сфере, территориальные миграции и т. д.

Осмысление концепта социальной идентичности с социологических позиций определяет его как характеристику общества и раскрывает через такие позиции, как социальный объект отождествления (группа, класс, сообщество), количество этих объектов, степень выраженности отождествления (то есть осознанности, степень актуальности и ранжирование объектов), яркость противопоставления. Оценочный инструментарий включает в себя такие категории как статус или общественное положение, «символический капитал» (П. Бурдьё⁶⁹), круг общественных прав и

⁶⁶ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 376.

⁶⁷ Кастельс М. Информационная эпоха, экономика и общество. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения: 15.08.2024).

⁶⁸ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С.57.

⁶⁹ Бурдьё П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона». *Ab Imperio*. 2002. № 3. С.45-60.

обязанностей, необходимых к соблюдению, чувство принадлежности к коллективу, социальные эмоции (Э. Гидденс⁷⁰), самость как самоопределение (Хантингтон⁷¹). Однако, до сих пор отсутствует общепринятая и эффективная модель, отражающая иерархическую структуру элементов социальной идентичности, особенности их связи друг с другом и функционирования. Малоизученными так же являются механизмы внутригруппового фаворитизма и процессы формирования новых типов социальной идентичности при изменении жизненных обстоятельств. Как было показано выше, разные направления западной социологической мысли отличаются отсутствием согласия в том, является ли социальная идентичность результатом свободного выбора или зависит исключительно от общественной системы, в которой находится человек.

В работах российских ученых активно исследуется многомерная природа социальной идентичности и возможность выявить в ее плюралистичности систему. Так, с одной стороны, разрабатываются концепции, структурирующие набор идентичностей в попытках понять, по каким закономерностям происходит их активация, в каких комбинациях и как встраиваются в систему новые идентичности (многоуровневая концепция иерархии идентичностей З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляшева, А.Ю. Шадже, иерархичная система, как частный случай поли идентичности Губогло М.Н⁷²). Или это может быть комплекс доминантной социальной идентичности с менее значимыми идентичностями, «обострение» которых зависит от социального контекста (Ю. А. Левада).

С другой стороны, социальная идентичность (ее виды, показатели) используется для анализа состояния общества в текущий момент (Левада А.Ю., Гудков Л. Д., Е. А. Варшавер) и составления прогностических моделей. К подобным показателям можно отнести такие компоненты как

⁷⁰ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2005. С.412.

⁷¹ Хантингтон С.П. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. С.218.

⁷² Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М., 2003. С.29.

самоидентификация и образ своей группы (культура, территория проживания, история, представление о себе в группе) с социальными эмоциями, как регуляция причастности (Дробижева Л.М.)⁷³.

Таким образом, для российских социологов состояние социальной идентичности выступает как характеристика, отражающая ценности группы, сплоченность, структурность малых и больших сообществ, а также процессы их взаимодействия. Учитывая многосоставность социальной идентичности, анализ такого взаимодействия требует выявления актуальных идентичностей и исследования именно этих видов, процессов их взаимодействия. Кроме того, социальная идентичность понимается как функция, задачей которой является защита и укрепление общества, его структуризация, сохраняющая группы от внутренней деструкции и внешних разрушающих воздействий. На сегодняшний день наиболее актуализированными в российском обществе считаются гражданская, этнические, локальные идентичности, на которые и обращается основное внимание практиков и исследователей.

Несмотря на то, что подходы к изучению социальной идентичности имеют свои отличия и нюансы в зависимости от региона, ученые всего мира сходятся в том, что выявление логики и законов ее функционирования поможет понять современное социальное устройство. Однако, на сегодня состояние ее теоретической разработки справедливо описывается словами Мэрилина Б. Вревера - «концептуальная анархия»⁷⁴, что снижает эффективность использования термина как теоретической единицы, как категории анализа и объекта практической деятельности (Р. Брубейкер и Ф. Купер⁷⁵).

Разрешение проблемы, поставленной этим утверждением, представляется возможным через формирование контекстуальности любых

⁷³ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С.176.

⁷⁴ Brewer M. B. In-group bias in the minimal intergroup situation: A cognitive-motivational analysis // Psychological Bulletin. 1979. 86(2). pp. 307–324.

⁷⁵ Brubaker R. Cooper F. Beyond “identity”//Theory and Society. 2000. 29(1) Pp. 1-47.

аналитических показателей, то есть их принадлежности к некоторой социальной общности. В зависимости от того в каком обществе происходит исследование той или иной категории, какие процессы в нем актуальны и какие цели стоят перед этим обществом, она приобретает определенные черты и характеристики, необходимые именно в данном социальном поле, а значит и следует придерживаться доминирующих именно в нем подходов к изучению этой самой категории.

В нашей работе социальная идентичность рассматривается с точки зрения общностного подхода, имеющего глубокую теоретико-методологическую разработку у отечественных авторов, прежде всего у В. А. Ядова⁷⁶.

Поскольку предметом изучения в данной работе является взаимодействие крупных сообществ, имеющих четкое самосознание своей принадлежности к каждой из них, то социальная идентичность понимается, как надындивидуальная осознаваемая принадлежность к общности того или иного размера (от группы, субгруппы до более крупного сообщества), и определяющая взаимодействие их членов между собой. Причем идентификация с общностью может исходить от ее членов или от членов других общностей и является одним из важнейших ее признаков и характеристик.

Следуя концепции многоуровневой идентичности (З. А. Жаде⁷⁷), социальная идентичность понимается как комплекс принадлежностей к различным общностям. С одной стороны, этот комплекс имеет иерархичную структуру из идентичностей разного уровня: этнический, региональный, национальный, геополитический и цивилизационный. А с другой стороны, необходимой сегодня становится характеристика актуальности того или иного вида социальной идентичности, входящих в ее структуру, поскольку

⁷⁶ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. Самара, 1990. № 2. С. 2-16.

⁷⁷ Жаде З.А. Российская идентичность как многоуровневая структура [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm>. (дата обращения: 15.08.2024)

важность идентификационных оснований может меняться в зависимости от обстоятельств, в которых пребывает индивид или общность.

Выявление доминирующих и наиболее актуальных видов социальных идентичностей и их характеристик у членов различных общностей дают возможность исследователю построить модель их взаимодействия. По какому основанию формируется общность и по каким показателям происходит идентификация с ней — главный смысл социальной идентичности, определяющий существование общности, поведение ее членов и восприятие ими социального мира. Анализ социальной идентичности опирается на идею о том, что она есть результат регулярных социальных практик, вписанных в структуру коллективных представлений какой-либо общности.

Подытоживая рассмотренные выше генезис и развитие понятия социальная идентичность в истории науки, выбранной для данной работы методологической базой стал интегративный философско-социологический подход. Общефилософскими основаниями стали системный подход и структурно-функционалистская методология, а также гносеологические принципы интеракционализма, феноменологии и экзистенциализма, дающие понимание социальной идентичности как структурного многокомпонентного интерактивного качества, обладающего динамичностью и изменяемостью, в зависимости от среды, и проявляющегося в дуализме «тождество – отличие». Социологическим основанием стал общностный подход, позволяющий соединить макро- и микро социологические уровни в исследовании и интерпретации феномена социальной идентичности, осмысление их в культурном и социальном контекстах.

Культурная идентичность, как вид социальной идентичности, в условиях массовых международных миграций приобретает важное значение и требует отдельного подхода в ее изучении, поскольку культура, проявляет себя в качестве наиболее стабильного основания для солидаризации, объединения и создания новой социальной структуры с одной стороны, но и

фактором разъединения и формирования коммуникационных барьеров при неблагоприятных социальных условиях, с другой стороны.

Можно выделить несколько подходов в анализе культурной идентичности. В направлении одного из подходов развивается идея о том, что нет смысла изучать ее как механизм принадлежности к той или иной культуре, поскольку в результате глобализации на смену монокультурам приходит культурный космополитизм, создающий новые «коллективные состояния», «гибридные идентичности», что дает основание принимать такое положение дел за отправную точку любого исследования, связанного с культурой (Г. Гадамер⁷⁸, Д. Хелд⁷⁹). В русле процессов «гибридизации» космополитическая культура становится проводником между отдельными культурами и общественными системами, отвечая новым задачам, стоящим перед человечеством: культурное многообразие становится неэффективным. Однако, сегодня такой подход утрачивает свою актуальность в связи парадигмальным кризисом унифицированной глобализации.

Нельзя сказать, что подобный подход может быть применен при изучении проблем интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в России. Для этих целей оправданным представляется общностный подход позволяющий взглянуть на их совокупность как на общность, специфика которой заключается в том, что объединение обусловлено пребыванием в стране приема и постоянном взаимодействии с принимающим сообществом, то есть как на взаимодействие общностей, обладающих разными структурами социальных связей⁸⁰.

Для того, чтобы определить необходимость выделения культурной идентичности в отдельную самостоятельную категорию анализа взаимодействия сообществ, следует отделить ее от терминов, в которые она

⁷⁸ Gadamer H. G. Truth and Method. NY, 2004. P. 12.

⁷⁹ Held D. The Changing Contours of Political Community: Rethinking Democracy in the Context of Globalisation. // Theoria: A Journal of Social and Political Theory. [Электронный ресурс]. 1999. № 94. Pp. 30–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/41802122> (дата обращения: 15.08.2024)

⁸⁰ Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов /Под ред. А.П. Садохина. М., 2003. С.93.

априорно встраивается и, вследствие этого теряется в процессе научной и публичной дискуссии.

Как было сказано выше, социальная идентичность имеет различную структуру у представителей разных сообществ, и ее выявление становится основой анализа. Набор идентичностей и их распределение по уровням значимости отражает не только структуру социума, но определяет его состояние (то есть динамические изменения), а также взаимодействие различных групп и их представителей между собой. Вид социальных идентичностей определяется общностью тождественности (то есть той, к которой себя относят индивиды). Исходя из размера изучаемых в данном исследовании общностей (то есть максимально большие) и их осознаваемости по Тэджфелу⁸¹, наиболее подходящими рядоположенными видами социальных идентичностей являются государственная, национальная и этническая. Они же относятся к фундаментальным элементам социальной идентичности, и все, так или иначе, включают в себя культуру в различном качестве.

Культурная идентичность не выделяется в отдельную категорию, а чаще всего за счет примыкания к терминам, описывающим крупные общности, используется для обозначения дискурса, о котором идет речь в каждом конкретном случае (например, культурно-национальная, этнокультурная идентичность). Или в иных случаях не фиксируется в названии, а подразумевается, как неотъемлемая часть рассуждений о социальных явлениях (государственная или гражданская идентичность, например).

Однако, эффективность использования этих идентичностей как категорий для анализа взаимодействия мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего российского сообщества в сегодняшних условиях снижается, поскольку культурный аспект в них представлен нечетко, и из-за

⁸¹ Tajfel H. Experiments in Intergroup Discrimination. [Электронный ресурс]. // Scientific American. 1970. vol. 223, № 5. Pp. 96–103. URL: <http://www.jstor.org/stable/24927662> (дата обращения: 15.08.2024)

этого упускается описание более детальных, но очень значимых процессов современной социальной реальности.

В частности, государственную идентичность рассматривают с точки зрения единения индивида с властно-политической организацией общества, административной структурой, границами и закрепленными правовыми нормами. Государственная идентичность относится к кооперации власти и граждан и отвечает за формально закрепленное единение людей, проживающих на общей территории, то есть основными объектами ее являются границы, правовые нормы, политическое устройство.

Современные исследователи, развивая мысль о высокой значимости социальной составляющей в структуре государственной идентичности (Дубинина Е.Н.⁸², Санина А.Г., Павлов А.В.⁸³), подчеркивают неотъемлемость культуры не только как фактора, объединяющего власть и население, но и двигателя для развития государства. Однако, что, если государство, как административная структура, не соответствует актуальному состоянию культуры народа или народов, проживающих на его территории? Возможно ли тогда говорить о существовании государственной идентичности, когда власть и население состоит в противоречии, имея разные запросы к своей жизни, разные идеи, или если идеи вообще не существует? В этом случае очевидно то, что солидаризация с властью ослабляется, а значит государственная идентичность размывается. Поэтому при рассмотрении общества с точки зрения государственной идентичности следует всегда помнить, что данная величина является неоднозначной и требует предваряющих исследований, которые должны раскрывать аксиологическую диспозицию культурных ценностей власти и гражданского общества.

⁸² Дубинина Е. Н., Петрова Т. Э. Государственная идентичность как основа автономии современных государств // *Advances in Law Studies*. 2020. № 4. С. 1-5.

⁸³ Санина А.Г., Павлов А.В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы. // *Управленческое консультирование*. 2015. №9. С. 30-40.

Что касается гражданской идентичности, то нужно отметить, что чаще всего она осознается как техническая категория, поскольку почти лишена культурного и эмоционального наполнения. Исследователи утверждают, что гражданская идентичность подразумевает наличие патриотических чувств и приверженность ценностям страны⁸⁴, но этот контент представляется не обязательным и является осознанным выбором или отказом граждан государства. На самом деле гражданская идентичность – это важное условие социального воспроизводства⁸⁵, которое мягко обходит специфический разнородный аспект граждан одного государства, не теряя своих консолидирующих свойств и работающая на сохранение целостности государства. В данном исследовании гражданская идентичность рассматривается вслед за Ковалевой А.И. как разновидность социальной идентичности, к которой включаются культурная идентичность (отдельно), национальная и коллективная идентичности⁸⁶. Гражданская идентичность же имеет ограничение в аналитическом применении – она эффективна для характеристики внутреннего состояния общества, но не для анализа его внешних взаимодействий. Более того, верно замечает Руденко В.В.⁸⁷, что, находясь за пределами Родины, человек может сохранять культурную идентичность, но не готов отстаивать гражданские ценности.

Национальная идентичность основана на соотношении индивида с объединением, которое не имеет четкого определения, в отличие от предыдущего. Однако, это самая распространенная словесная форма крупномасштабной самоидентификации, особенно в бытовом или политическом использовании. Позиции, вокруг которых строится

⁸⁴ Галактионова Н. А. Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений. 2010. № 1. С. 10–12.

⁸⁵ Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 31–39.

⁸⁶ Ковалева А. И., Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Социология и жизнь. 2019. №4. С. 89-103.

⁸⁷ Руденко В. В. Общероссийская гражданская идентичность как конституционно-правовая категория в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 173-188.

определение нации, имеют достаточно универсальное применение и могут быть характеристикой многих других форм общественного объединения. К этим позициям относятся: определенный этнос, история (в реальном времени или исторической ретроспективе), единство территории, экономические связи, язык, культура, схожие психологические черты. Перечисленные факторы не обязательны в наборе, некоторые из них могут выпадать, а некоторые превалировать над остальными. Так, например, в английской концепции национальной идентичности, эти основания строились из трех позиций — религиозная, политическая и экономическая⁸⁸.

Национальность может быть полиэтничной, история может быть сконструирована, территория может меняться, способы производства могут меняться от региона к региону, языки иметь диалекты и т.д. Единственное исключение в этом списке – это культура, которая роднит людей и позволяет их идентифицировать как «своих» в ежедневных практиках и на уровне чувств, а не знаний. Отличительной особенностью национальности является ее общепризнанное искусственное создание правящей элитой как политического инструмента для объединения и ассоциации разных отдельных народов с одним государством⁸⁹. Поскольку укрепление государственной идентичности сталкивается с практически непреодолимым препятствием в виде настороженного отношения людей к власти, то ее функцию берет на себя национальная идентичность, концепт которой приобрел свойство рамочности и политического применения. По сути, национальная идентичность — это партнер государственной идентичности, которая обладает иллюзией осознанности и свободой выбора. Современные исследователи открыто называют национальную идентичность продуктом человеческих убеждений, признание которой может быть только при взаимном согласии представителей объединения⁹⁰.

⁸⁸ Парсонс Т., Система современных обществ / Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М., 1998. С. 35.

⁸⁹ Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. М., 1999. С.257.

⁹⁰ Геллнер Э., Нации и национализм. [Электронный ресурс]. М., 1999. URL: https://royallib.com/book/gellner_ernest/natsii_i_natsionalizm.html (дата обращения: 15.08.2024)

Нацию относят к «воображаемому политическому сообществу»⁹¹, имеющему размытые географические, экономические (то есть производственные), этнические, антропологические, количественные и исторические горизонты. Иначе подходит к определению нации Л. Дюги⁹² в русле теории солидаризации, выделяя главную детерминанту существования нации – это солидаризирующая ценностная идея, которая объединяет всех ее представителей. Именно за отсутствие общей надындивидуальной идеи с дальним временным горизонтом он критиковал российское общество еще в начале XX в, отказываясь признавать население Российской империи как нацию.

Таким образом, категория национальная идентичность крайне сложно применять к анализу крупных сообществ, поскольку сложно определить само понятие нация. И более того, исходя из мысли Л. Дюги, общество может быть нацией, а может и не быть, поэтому при взаимодействии обществ существует возможность столкнуться с ситуацией, когда к одному из них вообще не применимо данное понятие.

Понятие «этнический» составляет наиболее распространенную пару понятию «культурный» в теоретическом использовании, поскольку по своей сути эти два параметра имеют свои отличительные особенности, связанные друг с другом, и при этом равны по своему значению для общества. С одной стороны, распространено представление о том, что культурный компонент автоматически включен в смысловое содержание «этнос» и практически не отделим от него. По определению Стефаненко Т.Г. этническая идентичность – это когнитивно-эмоциональное явление, которое формирует самоопределение человека относительно других этносов⁹³. Рассматривая этнос с позиции примордиалистского подхода (Бромлей Ю.В.), его можно определить как неизменную общность,

⁹¹ Андерсон Б., Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; М., 2016. С.316.

⁹² Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства: монография. М., 2013. С.145.

⁹³ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 127.

сформированную в своей базе на физиологическом сходстве (внешность и психика) в комплексе с общей культурой и языком, силой социальных связей и этническом самосознании (то есть умении сформулировать свое отличие от других этносов и образований)⁹⁴.

Противоречащим фактом этому убеждению является то, что сегодня представители одного этноса могут быть рассеяны по миру и жить в разных местах уже не в одном поколении, помнить свои корни, иметь этническое самосознание, но иметь иные культурные особенности, говорить на другом языке и не иметь сильных связей с представителями своих этносов. Следовательно культура не является неперенным и константным условием этнического соотнесения. Этносы могут претерпевать культурные изменения во времени, могут быть двух и трех язычными. Главным источником причастности (этнического самосознания) к одному этносу является история и география проживания в современности и ретроспективе, а также антропоморфные признаки.

Таким образом, этническая идентичность, более всего может быть описана как психофизическая и историческая идентичность, но зачастую идентификация происходит не с реальным объединением людей, а с определенной видовой формой человека, территорией проживания и общей исторической памятью. С другой стороны, государства в огромном количестве являются полиэтничными, и именно культура становится неким «социальным клеем», соединяющим общую ткань населения того или иного государства. Культура определяет взаимодействие представителей разных этносов между собой внутри страны, а также, в ситуации межстрановой коммуникации.

Иначе в современных исследованиях, обусловленных изучением потоковой миграции, рассматривается этническая идентичность. Выделение понятия этничность в отдельное идентификационное основание

⁹⁴ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 2008. С. 403.

(термин, обозначающий именно соотнесение к культурной составляющей этноса⁹⁵) показывает его уникальность и наполненность специфическими показателями. Однако, применяя ситуационный подход, этот вид идентичности становится равным в ряду других социальных идентичностей, актуализирующийся в зависимости от коммуникативных обстоятельств. С этой точки зрения, рядоположенными являются такие типы социальной идентичности как гражданская, государственная, национальная, этническая и культурная. Добавление к этому списку на равных позициях культурной идентичности представляется важным в данном исследовании, поскольку изучается взаимодействие двух полиэтничных сообществ, методически объединённых друг с другом, но фактически состоящих из разных этносов, государств, и при этом обладающих общей над этнической и надгосударственной культурой. Исходя из понимания культуры, как искусственного мира, можно выделить не просто культурную идентичность, но и ее виды, разница которых определяются содержанием того, что является общим. В этом заключается ключевое содержание обоснования необходимости выделения культурной идентичности в отдельную категорию.

Основанием для солидарности мигрантов из стран Центральной Азии в России является специфика их повседневной культуры, то есть регулярных и максимально часто повторяющихся практик, носящих социальный характер, являющихся общими для всех стран региона независимо от границ и внутренней политики государств. Сегодня, когда все чаще идет речь о росте этнического, национального самосознания, но при этом в размытости обобщающих по этим основаниям границ, идентичность, основанная на культуре ежедневных социальных практик, приобретает гораздо более уловимые категориальные черты.

⁹⁵ Беккер Ф., Каплуновский А., Этничность и Миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // *Ab Imperio*, 2001. vol. 2001 № 3. pp. 67-95.

Таким образом, базовое определение культурной идентичности в данной работе следующее: это результат идентификационного процесса, солидаризация, вид социальной идентичности, осуществляющий функцию принадлежности к общности на основе культуры повседневности, как специфике осуществления регулярных практик, коммуникаций и социальных действий.

Наиболее применимые с точки зрения нашей проблемы концептуальные подходы исследований проблемы включения мигрантов в культурное поле принимающего сообщества: теория конфликта, структурного функционализма, деятельностный подход.

Анализировать элементы, структуру и функцию культурных систем в контексте общности в целом позволяет применение к изучению культурной идентичности структурно-функционального анализа, дающего возможность изучить влияние макроуровня на формирование культурной идентичности.

Опираясь на теорию Т. Парсонса⁹⁶ можно определить ключевое для данной работы свойство культуры как символической системы, посредством которой общества взаимодействуют друг с другом и взаимно интегрируют свои особенности без биологического смешивания (в эволюционно-биологическом описании общества). Соответственно понятие культурной идентичности выстраивается вокруг набора кодов, который включает в себя устойчивые комплексы норм, правил и установок, посредством которой символизируются и определяются социальные действия субъекта. Культурная система по Парсонсу понимается как часть устойчивой социальной системы, драйвером изменения которой является социальное действие, заформатированное компонентами этой культурной системы. Таким образом, культурная идентичность становится социальным чувством соотнесения субъектом себя с социальным (и при ссылке на М. Вебера – целерациональным⁹⁷) действием, заключенным в рамки культурной системы,

⁹⁶ Парсонс Т., Система современных обществ. М., 1998. С.87.

⁹⁷ Weber M. Economy and society. Berkley, 1978. P.262.

и направленное на сохранение и воспроизводство образца, а также его творческого преобразования. Другими словами, все функционирование общества и его элементов направлено на поддержание своей стабильности и максимального самосохранения адаптивным, то есть эволюционным путем (Б. Малиновский, А.Р. Радклиф-Браун).

Важно отметить, что структурно-функциональный анализ не может применяться в чистом виде для изучения культурной идентичности. Он обычно фокусируется на статических и устойчивых аспектах культуры, упуская динамические аспекты и деятельность индивидов в формировании своей идентичности. Также он может упускать уникальные особенности и разнообразие индивидуальных опытов, которые играют важную роль в процессе формирования культурной идентичности.

Иначе подходят к анализу культурной идентичности представители теории конфликта, опираясь на положение об интеграции как о процессе снижения априорной конфликтности взаимодействия разно культурных обществ. Сегодня разработка теоретико-методологических подходов к управлению конфликтами выделяет культурную идентичность в отдельный специфический фактор, влияющий на их динамику. Руководство важными социальными процессами, направленное на обеспечение целостного, безопасного существования и положительного развития общества, обязательно опираются на теорию конфликта. Идеи, трансформированные теорией Л. Козера⁹⁸, используются в теоретико-методологических разработках, призванных сохранять общественный порядок, который строится на принятии культурной идентичности принимающего сообщества. Например, это могут быть концепции воспитания необходимого социального поведения через актуализацию необходимых видов идентичности для развития толерантности (Мэрилин Б. Вревер⁹⁹); изменение социальной

⁹⁸ Козер Л., Функции социального конфликта. М., 2000. С.62.

⁹⁹ Brewer M.B., The many faces of social identity: implications for political psychology // Political psychology, International society of political psychology. 2001.vol.22, № 1. Pp.115-125.

структуры через изменение социальной идентичности (Питер Дж. Барк¹⁰⁰) и пр. Эти теоретические разработки важны ввиду того, что высокая мобильность современных людей обуславливает частые контакты представителей разных культур, активизирующие навык различения, чувство «мы-они», обостряющие конфликтность общественных настроений и усиливая культурную идентичность. В результате происходит реструктуризация мировых границ, которые физически размываются, а ментально укрепляются.

Именно поэтому необходимым методологическим основанием в данной работе является идея Дж. Бертона и Дж. Ротмана¹⁰¹, которая раскрывает теорию конфликта несколько иначе, а именно – не просто как борьбу за ценности, ресурсы, мощь и статус, а как «конфликт идентичностей». Этот подход рассматривает идентичность как социальную конструкцию и категорию самовосприятия, лежащую в основе всех конфликтов, и наполненную «культурной формулой» социальных отношений, предполагающая идеал, в котором индивиды образуют группы, выбирают свою лояльность и гибко взаимодействуют между собой, а также могут создавать союзы. Эта концептуализация отражает идеальный процесс объединения, в котором наиболее просоциальные элементы различных групп объединяются на сложной и случайной основе, чтобы воспользоваться возможностями, которые предоставляет реальная жизнь. При этом все потребности и интересы являются выражением коллективных представлений, общественной памятью, и все то, что связывается эмоционально с культурой.

Культурные различия становятся источником противопоставления, которое, по сути, всегда является идентификарным конфликтом, то есть при изучении взаимодействия культур необходимо исходить из того, что

¹⁰⁰ Burke P.J., Identities and Social Structure: the 2003 cooley-meed award address // Social psychology quarterly. – 2004. vol.67. №1. Pp.5-15.

¹⁰¹ Rothman J., Alberstein M., Individuals, Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and its Creative Engagement [Электронный ресурс] // SSRN Electronic Journal. 2013. https://kb.osu.edu/bitstream/handle/1811/77275/OSJDR_V28N3_631.pdf?sequence=1 (дата обращения: 15.08.2024)

изначально — это всегда конфликт, столкновение и борьба за «свой» способ социальной организации общества как доминирующего.

Деятельностный подход позволяет определить культурную идентичность как соотнесение себя с действием, а точнее с культурной формой действия. То есть, если С. Хантингтон пишет о том, что идентичность отвечает на вопрос «Кто мы такие?»¹⁰², то культурная идентичность отвечает на вопрос «Каким образом я действую?».

Спецификой данной работы является то, что в ней рассматривается именно смена, то есть формирование новой культурной идентичности. Формирование новой культурной идентичности соответственно — это определение себя через социальное действие, целеполаганием которого является включение в новое сообщество, формируемое культурными нормами этого нового сообщества.

Переход от идентичности с одной культурой на идентичность с другой культурой представляется не просто как прямая смена одной групповой идентичности на другую, а как дробление или наращивание комплекса культурных элементов, вокруг которых простраивается новая идентичность. Эта категория, отличающаяся от первичной или родной культурной идентичности, а следовательно имеющая другие механизмы формирования и функционирования.

Важно отметить, что формирование новой культурной идентичности — это особенный процесс, отличающийся от формирования идентичности с изначальной родной культурой. Именно здесь наиболее ярко проявляется действие воли и рационального выбора человека, в отличие от формирования идентичности с родной культурой, которая создается автоматически. При этом, как отмечает Заковоротная М.К., подвижность и множественность социальных взаимосвязей делают выбор более трудным и осознанным¹⁰³.

¹⁰² Хантингтон С., Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 30.

¹⁰³ Заковоротная М.В. «Культурная-национальная- космополитическая» идентичность: концептуальные изменения в XXI веке // Ценности и смыслы. М.: 2010. №5 (8). С. 24 – 26.

Однако, зачастую проявить свою волю в процессе усвоения новых культурных навыков и компетенций (по С. Бохнеру¹⁰⁴) становится сложной задачей ввиду работы механизмов взаимодействия разно культурных общностей, которые с одной стороны помогают своим членам не потеряться в новой социокультурной реальности, а с другой стороны, ограничивают необходимое общение с принимающим сообществом.

К таким механизмам относится мигрантская общность, создавшаяся в стране приема, которая приобретает силу и значимость во взаимодействии между мигрантами и принимающим сообществом в зависимости от их оценки изменения условий жизнедеятельности по сравнению с родиной, и которая возникает как естественное стремление к воспроизведению привычных условий существования, относящихся к сферам физического, психического и социального мира (А.В. Меренков¹⁰⁵). Основанием для формирования общности мигрантов из стран Центральной Азии становятся элементы культуры, выражающиеся в регулярных социальных действиях, основанных на коллективных представлениях и ожиданиях, укрепляющих социальные связи и самосознание общности как отдельной совокупности. Классифицируя сообщество мигрантов как культурную общность, можно определить культурную идентичность как способ консолидации по культурному основанию, а также как механизм взаимодействия мигрантской общности с принимающим сообществом. Выявляя культурные практики, становящиеся наиболее значимыми и часто исполняемыми членами общности, можно определить силу консолидации с этой культурной общностью, а также степень вероятности принятия идентичности с другой культурной общностью.

Таким образом, отношение принимающего сообщества и мигрантской общности задает результаты межкультурных контактов. В теории

¹⁰⁴ Bochner S., *Cultures in Contact: Studies in Cross-cultural Interaction*. Oxford. 2016 г. P. 214.

¹⁰⁵ Меренков А. В., *Система детерминации человеческой деятельности*. Екатеринбург. 2003. С. 26–29.

аккультурации Дж. Берри¹⁰⁶, подразумевающей упрощение модели процесса взаимодействия инокультурных мигрантов и принимающего сообщества, представляется результат аккультурации в виде 4 вариантов: ассимиляция, интеграция, сегрегация или сепарация, маргинализация. Подход с описанием формирования сложных наборов отдельных культурных норм и правил делает возможным раскрытие более широкого спектра социальных процессов и результатов. Однако, теория аккультурации дает важную методологическую установку – это использование диалоговой модели формирования новой культурной идентичности, то есть необходимость анализа обеих взаимодействующих сторон процесса – приезжих и принимающей стороны.

В данной работе это позволит выявить те самые мозаичные системы культурных норм, вокруг которых формируется новая культурная идентичность. Более того, учитывается положение о том, что отношение к приезжим в стране пребывания является определяющим фактором того, какой вид взаимодействия между культурами сформируется. Согласно Дж. Берри стратегия включения инокультурного мигранта в принимающее сообщество существенно зависит от двух позиций, декларируемых им — сохранения мигрантом своей родной культуры и готовность местного общества к межкультурным контактам (то есть к столкновению с элементами чужой культуры не отторгая их, но поощряя перенимание своей культуры мигрантами)¹⁰⁷. Дж. Берри связывает стратегии взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом, поэтому исследование обеих сторон является необходимым в данной работе.

Еще одно направление, связанное с изучением взаимодействия разнокультурных общностей, предполагает не линейную модель формирования новой культурной идентичности от полного отрицания до полного включения

¹⁰⁶ Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы [Электронный ресурс] / Развитие личности. 2001. № 3/4. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html (дата обращения: 15.08.2024)

¹⁰⁷ Герасимова И.В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] / Наука. Общество. Оборона. М., 2019. Т. 7. № 4. URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2019-4-21/article-0211/>

в культуру страны приема, а двухмерную модель, в которой сохраняются и отношения с родной культурой, и отношения с новой или доминирующей культурой, что зачастую происходит независимо друг от друга. Как отмечает Т.Г. Стефаненко¹⁰⁸, таким образом можно выделить такой тип идентичности как биэтническая идентичность (наряду с моноэтнической идентичностью со своей страной или страной приема, и маргинальную этническую идентичность). Следуя логике разделения этничности и культуры, можно предположить, что это же можно сказать и про формирование новой культурной идентичности.

Таким образом, в результате формирования новой культурной идентичности уместно говорить о бикультурной идентичности, то есть сохранение своих культурных особенностей и приобретение культурных компетенций относительно принимающего сообщества, что Н.М. Лебедева¹⁰⁹ считает наиболее «успешным» вариантом включения в принимающее сообщество.

В теории С. Бохнера такие индивиды являются «посредниками» и связующим звеном между отдельными приезжими, а зачастую и целыми группами мигрантов, и принимающим инокультурным сообществом. В итоге основой формирования новой культурной идентичности для мигрантов становится уровень освоения новых культурных норм и практик, идентификация себя с ними, умение их применять, и одновременно с этим грамотно проявлять/не проявлять элементы своей культуры, а также понимание своего места в новом обществе.

Однако, не редки случаи, когда для формирования новой культурной идентичности необходимо не только наработать культурные компетенции новой культуры, но и в обязательном порядке отказаться от части культурных элементов родной культуры. Причинами могут быть радикальные

¹⁰⁸ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С.76.

¹⁰⁹ Лебедева Н.М., Татарко А. Н., Методы этнической и кросскультурной психологии. М., 2011. С. 164.

противоречия между отдельными культурными элементами (например, формы брака, статусные отношения), а также препятствия со стороны культурных практик родной культуры для освоения новых культурных элементов (например, частичное или полное ограничение в общении тех или иных групп с другими людьми). Поэтому исключение одних культурных элементов в своей идентичности при добавлении культурных элементов новой культурной идентичности создает специфический комплекс идентификационных оснований. Дробление наборов культурных норм и выявление их наличия или отсутствия в сформировавшейся культурной идентичности индивида при взаимодействии представителей разных общностей – это и является степенью принятия новой культурной идентичности. Из огромного числа идентификационных культурных оснований складывается некоторая мозаика, зачастую уникальный набор из отдельных культурных норм, которые становятся основой новой культурной идентичности мигрантов.

Кроме того, в современном мире постоянных миграций смена культурной идентичности может быть не только из родной культуры в культуру другой страны, но и в случае повторной миграции (например, когда ребенок уже в сознательном возрасте был перевезен с родителями в иную страну, прожил там длительное время, а потом переехал еще раз в третью страну). В этом случае нужно говорить о вторичном (третичном) формировании новой культурной идентичности относительно той, что была сформирована ранее. Поэтому, нужно определить не просто родную культуру как систему исхода, а базовую, которая на момент миграции является доминирующей.

Базовая культура — это та система общественного устройства, в которую уже встроены субъект. Это может быть родная культура, в которой человек родился и вырос. Так же это может быть не родная культура, но та, в которой человек достаточно долго прожил и с которой прочно себя идентифицирует.

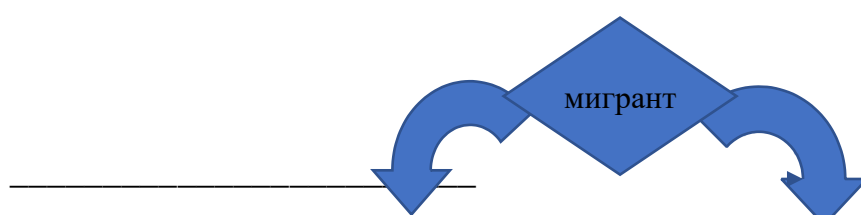
Новая культура — это иная система общественного устройства, та с которой он взаимодействует, влиянию которой подвергается, которую потенциально (или реально) готов полностью или частично принять (или не принять). Следуя мысли В.И. Мукомеля¹¹⁰ о встречном движении местного социума и приезжих, которое рождает смешение культурных норм и ценностей, изначально функционирующих отдельно (а возможно и противоречащих друг другу), можно сделать описание этого процесса как направленное взаимодействие триады «базовая культура — субъект — новая культура».

Между всеми позициями есть 4 вектора. Положительное и отрицательное отношение базовой культуры к субъекту — это характеристика его социальной роли с точки зрения одобряемости (или нет).

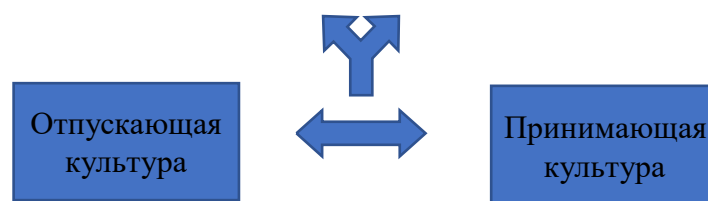
От субъекта к его базовой культуре тоже есть отношение — нравится она ему или нет. То же самое можно сказать и про новую культуру, с которой у субъекта так же есть 4 вектора отношений. Направленность от субъекта к базовой культуре или к новой культуре — выражается его отношением в оценочных категориях «нравится - не нравится/все равно» и основывается на возможности реализации его потребностей. Направление связи от базовой культуры и новой культуры к субъекту — это общее отношение общности той или другой культуры к субъекту, готовность принять его, обеспечить комфортное пребывание и предоставить определенное социальное, экономическое, правовое положение.

Рис. 1.5.

Направленность отношений мигранта, отпускающей и принимающей культур

¹¹⁰Mukomel V. I., Integration problems of internal ethnic migrant workers / Этносоциология. 2016. №. С.69-79.

Кроме того, между базовой и новой культурой есть относительная связь. Вполне конкретный пример— это четкое предписание в Исламе, как относиться к культурам, основанным на этой же религиозной парадигме, а также к Христианским религиям, язычникам и атеистам. Такие культурные догмы влияют на формирование новой культурной идентичности у субъекта.

Так, если базовая культура помещает субъекта в неодобряемые социальные позиции, а субъект негативно относится к базовой культуре, то вероятность его готовности принять новую культуру и идентифицироваться с ней у него достаточно высока. Направленность базовой культуры и новой культуры к субъекту имеет значение. Наличие враждебности, неодобрения или наоборот дружественных позиций так же влияют на возможность формирования новой культурной идентичности. Характеристика этих связей обуславливает потенциал для формирования новой культурной идентичности. Однако, если при этом отношение базовой культуры к новой культуре тоже негативное, то скорее всего, субъект будет искать ходы, позволяющие обойти идентификацию именно по культурному основанию.

Сформированная новая культурная идентичность – это не только чувство непротиворечия новой культуре и отсутствие негативного различения, не только понимание своего места в культуре как в системе, а признание себя носителем нормативных элементов новой культуры, усвоение ценностей, а также – следование бытовым и основополагающим культурным практикам и правилам.

Еще один важный элемент формирования новой культурной идентичности – это специфика взаимоотношений между представителями разно культурных общностей: понимание положения мигрантской общности (как социокультурного меньшинства) в структуре более крупной общности принимающей стороны, качество и оценочное суждение относительно качества этой диспозиции, проявляющееся в специфике интеракций и общих настроений. Это то, что согласуется с моделью формирования социальной идентичности И.Б. Бритвиной, рассматривающей возникновение общей социальной идентичности мигрантов и принимающего сообщества как повторяющийся процесс на базе постоянного обновления мигрантов, преодолевающих барьеры социокультурного и коммуникационного характера¹¹¹.

Таким образом, формирование новой культурной идентичности это не смена идентичности с базовой культурой на идентичность с новой культурой, а возникновение новой (условно третьей) идентичности в структуре которой должны быть отражены следующие отношения: (1) индивид – базовая культура, (2) индивид – культура мигрантского сообщества, (3) базовая культура – новая культура, (4) базовая культура – культура мигрантского сообщества, (5) культура мигрантского сообщества – новая культура.

Под структурой культурной идентичности подразумевается перечень ее базовых элементов – когнитивный и аффективный, присущие социальной идентичности в целом (Г. Тэджфел¹¹²), то есть знания и оценочное восприятие каждой из перечисленных связанных пар, состояние и трансформация которых и будет являться условиями формирования новой культурной идентичности мигрантов в стране приема.

В итоге формирование новой культурной идентичности у мигрантов — это уникальный набор присвоенных норм и ценностей принимающего

¹¹¹Проблемы формирования социальной идентичности жителей уральского мегаполиса и иноэтничных мигрантов : монография / И. Б. Бритвина, А. М. Бритвин, Г. А. Савчук, П. А. Шумилова, В. А. Франц ; под общ. ред. проф. И. Б. Бритвиной. Екатеринбург. 2018. С.6.

¹¹² Tajfel H., *Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge. 1982. P. 528.

сообщества в непротиворечивом комплексе с нормами и ценностями родной культуры при одновременном снижении значимости или отказе от части этих элементов.

Основой такого процесса является совершение определенного социального действия, которому в данной работе присвоено название «формирование новой культурной идентичности» (или идентичности с новой культурой), направленного на осуществление включения субъекта в культурную систему, и которое по М. Веберу можно отнести к целерациональным. Оно может быть и внутренним, и внешним, но в итоге имеет устойчивый алгоритм взаимосвязанных действий с заданными социальными предметами¹¹³, (в том числе, изучение языка, соответствие эстетическим нормам во внешнем виде, соблюдение правил поведения, следование правовым нормам и пр.).

Можно утверждать, что культурная идентичность является полноценным самостоятельным видом социальной идентичности, которая проявляется и осознается в условиях культурного противопоставления, запускающего процесс различения, основанного на диспозиции «своя культура – чужая культура», которое берет свое начало в результате повседневного взаимодействия и акцентуации на разнице реакций и формах их выражения. Выход культурной идентичности на актуальные позиции осуществляется в результате понимания несоответствия конкретных образцов поведения ожидаемым реакциям, а также при невозможности применения отработанных, усвоенных и традиционных в «родной» культуре форм поведения. На основе выделения культурной идентичности в аналитическую категорию появляется возможность раскрыть социальное взаимодействие различных сообществ как производную функцию от первоначальной идентичности с родной культурой, образующуюся в результате воли человека, проявленной в социальном целерациональном действии по

¹¹³ Меренков А. В., Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург. 2003. С.117.

формированию новой культурной идентичности. Таким образом, новая культурная идентичность – это трансформированная культурная идентичность, функцией которой является адаптация мигрантов в стране приема через пересборку и новую комплектацию наборов культурных паттернов родной (актуальной) и новой культуры, формирование которой определяется как осознанное (целенаправленное) социальное действие.

Как всякому социальному действию, принятию новой культурной идентичности предшествует социальная установка, направленная на совершение этого действия.

Вопрос о том, каким образом у представителей стран Центральной Азии во время пребывания на территории Российской Федерации вырабатывается установка на формирование новой культурной идентичности в стране приема, а также как влияют социальные характеристики субъектов на процесс совершения выбора элементов культуры для перенятия и ассоциирования себя с ними, получая возможность присоединиться к новой культурной общности, рассматривается в следующем параграфе.

1.3. Установка на принятие новой культурной идентичности у мигрантов с разными социальными характеристиками

Формирование новой культурной идентичности по своей сути – разные социальные действия с похожим, но не идентичным инструментарием для своей реализации. Для начала анализа этого процесса необходимо определить понятие культуры и культурной разницы. Приезжие из стран Центральной Азии являются представителями разных территориальных, административных, этнических групп, и структура их идентичности представляет собой комплекс принадлежностей к различным культурным общностям. Исторически сложившаяся ситуация с принудительным территориальным разделом в центральноазиатском регионе способствовала

формированию сложной этнической культуры, как адаптационного механизма, интегрирующего чужие социальные нормы и ценности с уже имеющимися. В процессе реализации политики «освоения новых земель» Российской империей и СССР, установления внешних границ региона и внутренних разграничений между республиками Центральной Азии, были слабо учтены такие аспекты как этнический состав населения, структура его расселения, особенности социального положения и установившиеся хозяйственно-экономические связи. В результате жители этих регионов, считавшие себя одним этносом, были искусственно раздроблены и объединены с соседними народами, что привело к вынужденному формированию новых культурных норм и правил самоопределения. Таким образом, закономерности социальной организации совместной жизнедеятельности народов выходят на первый план, способствуя трансформации этносоциальных элементов, культурно детерминирующих изучаемые группы и процессы.

Именно поэтому базовым определением, из которого исходит логика данной работы – это данное А.В. Меренковым макро-уровневое описание культуры как системы, посредством которой люди объединяются в общности¹¹⁴. Подход, не привязанный к географическим барьерам, необходим в современном мире, в котором привычные границы меняются и не становятся препятствием для совместной жизнедеятельности людей.

Для того, чтобы выделить место и роль идентичности в структуре культуры в целом, проанализируем понятие «культура» с точки зрения общностного подхода. Являясь связующим посредником между личностью и обществом, социальные общности могут, с одной стороны, объединять индивидов или группы в более крупные общественные системы, а, с другой стороны, выстраивать барьеры и блокировать любые интеграционные процессы, что выражается в социальном поведении ее членов. Т. Парсонс

¹¹⁴ Меренков А. В., Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург. 2007. С.26

определяет культуру через термин «действие», как простейшей единицы общего социального поведения, где культура является структурным элементом действия и представляет собой ту его часть, которая сосредоточена вокруг особых характеристик символов и потребности в формировании стабильных систем этих символов¹¹⁵. Считая культуру первичной для человека, он указывает, что упорядоченный комплекс культурных значений образует основу всякого действия¹¹⁶. Таким образом, действия совершаются не случайным образом. Они обусловлены тем, что выше было названо характером связей между элементами социальной структуры, которые определяют, какие действия будет совершать субъект, декларируя тем самым особенности связей, комплекс которых составляет систему взаимоотношений в обществе. Поэтому исследование культуры — это анализ социальных действий, выявляющих характеристики связей между элементами социальной структуры.

Выделив действие, основанное на культурных паттернах, мы можем выявить тот аспект культурной системы, который становится доминирующим основанием для объединения общности.

Однако, подход Т. Парсонса предполагает неизменяемость культурных элементов социальных систем, что не может быть таковым при взаимодействии разных культур в длительной перспективе. Оставаясь ведущей структурно-функциональной детерминантой социального поведения членов общности, сама по себе культура в результате интенсивных интеракций подвержена изменению, образуя новые культурные конструкты, гибридные ценности и системы смыслов.

Изменение характера связей социальных объектов в рамках социальной структуры является определяющим в исследовании культуры. Качественные характеристики отношений между определенными социальными позициями,

¹¹⁵ Парсонс Т., Социальные системы / Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1(2). С. 38-71.

¹¹⁶ Парсонс Т. О социальных системах / Пер. с англ.; под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М., 2002. С. 696.

которые занимает человек в обществе, с социальными институтами и между ними — это ядро культуры общества. Знание и реализация этих связей такими, как они выстроены в обществе, и означает то, что человек является членом этого общества, то есть идентичность в культуре — это формирование характера социальных связей между социальными объектами, отождествление своей картины мира и согласие с определенным типом отношений в конкретном социуме или группе, а также готовность к изменению этих связей. Данный подход позволяет исследователю выделить основное направление в методологии изучения идентичности как культурного факта, влияющего на коммуникативное поведение и интерпретацию воспринимаемой в процессе коммуникации информации.

В соответствие с идеей Э. Гидденса¹¹⁷, важно учитывать особенности культурных и исторических явлений, а также воздействия различных культур от уровня к уровню и парадигмальных оснований на пути формирования идентификационных моделей. Под культурами разного уровня подразумеваются культуры локальные, этнические и общегосударственные, но в данной работе методология остается в рамках культуры повседневности, то есть как регулярное взаимодействие, основанное на общепринятых жизненных практиках.

С позиции социальной феноменологии А. Щюца, главный мир для индивида — это мир ежедневных событий, а культура повседневности — это система, его организующая и воспроизводящая, оказывающая непосредственное влияние на формирование культурной идентичности и самосознания людей. Повседневность, то есть набор действий и объектов, с которыми человек сталкивается наиболее часто, имеет определяющее значение в формировании любой социальной идентичности, в том числе и культурной. Основой этого процесса становятся культурные практики, направленные на преобразование культурной системы, себя в этой системе

¹¹⁷ Giddens A., *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford. 1991. P.146.

или для этой системы, а также на достижение опытности, формирующей ее понимание. Культурные практики — это действия, имеющие высокую значимость и регулярность, разделяются всеми членами сообщества и обладают определенной ритуализацией¹¹⁸. Для построения методологии данной работы важно зафиксировать ключевое значение социальной феноменологии, определяющей культуру повседневности как ведущую систему в жизни, развитии и взаимодействии обществ.

Важнейшей чертой культурных практик является наличие организационной компоненты, определяющей их функцию соединения действия и культуры. Именно поэтому в современной науке коллективная культурная практика рассматривается как ключевая культур создающая активность^{119 120}. Культурные практики реализуют социальный обмен через межличностные отношения и взаимодействия, создавая новые или укрепляя существующие модели социальности. С целью выживания культуры и получения наибольших профитов для членов группы происходит отбор культурных практик, наиболее отвечающих этим целям путем их подкрепления или дискриминации. Рост значения культурных практик в формировании идентичности определяет строгость их исполнения и частота повторений. Наиболее влиятельные культурные практики — это те, которые становятся частью повседневности и соблюдаются наиболее четко с точки зрения частоты исполнения и степени ритуальности.

Регулярные культурные практики обладают не только смысловой и ролевой структурой, но и занимают определенное место в системе культуры. С позиции структурного конструктивизма культурная система определяется как набор паттернов, предполагающих поведенческий алгоритм, состоящий

¹¹⁸ Goodnow J.J., Kessel F., Miller P.J., Cultural Practices as Contexts for Development: New Directions for Child and Adolescent Development. [Электронный ресурс] // San Francisco: Jesse-Bass, 1995. № 67. URL: https://www.academia.edu/1901785/Cultural_practices_Toward_an_integration_of_culture_and_development (дата обращения: 15.08.2024)

¹¹⁹ Swidler A. What anchors cultural practices // The Practice Turn in Contemporary Theory / K K. Cetina, T.R. Schatzki, E. Von Savigny (eds.). London, NY: Routledge. – 2005. – Pp. 83–101

¹²⁰ Saxe G B. Cognition, development, and cultural practices // New Directions for Child and Adolescent Development. 1999. Т. 1999. №. 83. Pp. 19-35.

из осуществления культурной практики и определенных ожиданий в ответ на них. Такие системы, названные П. Бурдьё габитусом¹²¹, формируются посредством социальных отношений и становятся основой формирования самих себя в дальнейшем. Габитус, как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, формируются в ходе их продолжительного опыта, получаемого при нахождении внутри какой-то позиции в социальном мире, поэтому габитус – это одновременно система схем производства, восприятия и оценивания практик. Однако, если культурные практики, перемещаясь в чужое общество приобретают иной габитус, отличный от того, каким он является в родной культуре, то это можно сравнить с транспонированием в теории фрейм-анализа И. Гофмана¹²². Какая-либо повседневная культурная практика, попадая в иную культурную систему приобретает новые смыслы, схемы отношений и восприятия всех сторон, осуществляется под влиянием иных ценностей и установок. К примеру, приготовление традиционных блюд становится не просто привычным средством накормить вкусно семью, а демонстрацией своей культурной принадлежности, используется как символический центр в публичных национально-окрашенных акциях, а название титульных блюд приобретают стойкую связь с определенными культурами. Здесь применимо название «культурного габитуса» или привычек, сформированными в культуре, которые являются базовыми позициями всех социальных взаимодействий. В результате контакта с отличающейся культурой рождается чувство расхождения культурных габитусов. Привычные схемы поведения не имеют ожидаемой реакции, а незнакомые образцы вызывают затруднения в их интерпретации. В этот момент у индивида возникает осознание разницы в поведенческих паттернах, через которое приходит определение себя как субъекта одной культуры, отличной от другой. Антитеза «их правила / наши

¹²¹ Бурдьё П., Социология социального пространства / Пер. с франц. Под ред. Н. А. Шматко. СПб., 2007. С. 54.

¹²² Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003. С.623.

правила» актуализирует существование культурной идентичности и понимание индивидом себя, как носителя определенной культуры.

Применяя категорию культурной дистанции к данному анализу, как показатель близости или отчужденности социальных групп между собой, а ее высокую степень как фактор конфликтогенности взаимодействия^{123 124}, можно сделать предположение о том, что культурная дистанция между изучаемыми народами высока и, следовательно, сближение протекает сложно. Однако, исследования Лебедевой Н.М.¹²⁵ показывают интересные результаты, которые могут стать важными для тех, процессов, которые раскрываются в данной работе. Ее данные продемонстрировали, что крайние показатели культурной дистанции между социальными группами, вычисляемые по шкале Э. Богардуса, сигнализируют о том, что их взаимоотношения гораздо скорее могут перейти в состояние сближения, чем для тех социальных групп, измерение культурной дистанции между которыми показывает срединные значения шкалы. При высоких значениях культурной дистанции между группами шоковое состояние, возникающее в результате столкновения, требует более интенсивных усилий для его преодоления, а, следовательно, к форсированному стремлению системы к состоянию баланса, то есть адаптации групп друг к другу. Опираясь на понятие позитивной этнической идентичности как залога толерантности, автор отмечает, что ее сохранение возможно при функционировании группы только как целостного и самостоятельного субъекта межэтнического взаимодействия. При этом в случае отсутствия подобной целостности и автономности возникает ситуация, когда интолерантность формируется при наличие именно среднего уровня культурной дистанции¹²⁶. В исследовании отмечается эффективность

¹²³ Wark C., Galliher J., Emory Bogardus and the Origins of the Social Distance Scale // Am Soc 38. 2007. Pp. 383–395.

¹²⁴ Bochner S., Culture Shock Due to Contact with Unfamiliar Cultures // Online Readings in Psychology and Culture. 2003. № 8(1). Pp. 2-12.

¹²⁵ Лебедева Н.М., Социальная психология этнических миграций. М., 1993. С.83.

¹²⁶ Лебедева Н.М., Социальная психология аккультурация этнических групп : Дис. д-ра психол. наук : 19.00.05 М., 1997. С.192.

формирования и работы социальных институтов в мигрантской среде, способствующих более быстрой интеграции. Таким образом, измеряя культурную дистанцию мы можем оценить степень потенциала принимающего сообщества к принятию мигрантов, а значит уровень барьерности в процессе интеграции и принятия новой культурной идентичности мигрантами.

На основании описанных выше теоретических подходов культура рассматривается, с одной стороны, как базовая система, продуцирующая средства интеграции инокультурных мигрантов в принимающее сообщество, с другой стороны, как порядок взаимодействия и самоопределения (или самоидентификации), формирующий иную для приезжих культуру (в данном случае российскую) через реализацию регулярных практик особого типа, что и становится идентификационным основанием для тех, кто их реализует. Культура в данном контексте понимается как интеграционный инструмент, то что Л.Н. Коган называет «способ формирования и развития личности»¹²⁷, которым располагает сообщество, и состоящий из системного комплекса специфических средств и форм инкультурации.

На сегодняшний день понятие российской культуры в научной дискуссии является крайне несформированным и мало разработанным, что связано с многонациональностью населения нашей страны и широкой географией, предполагающей высокую дифференциацию условий жизни, норм и правил жизненного устройства населения нашей страны. Однако, поскольку в данной работе идет речь о конкретных культурах (российской и условно объединенных культурах стран Центральной Азии), то необходимо дать им характеристику и обозначить ключевые отличительные элементы. Поэтому изучая культурные и социальные различия этих макросообществ обоснованным представляется применить аксиологический подход, поскольку

¹²⁷ Коган А. Н. Социология культуры, Екатеринбург, 1992. С.19

он определяет связующую практическую часть в методологии исследования отличающихся культур с точки зрения ценностей, потребностей и интересов.

Для определения ценностного сходства или различия воспользуемся результатами исследования Роналда Инглхарта и Кристиана Вельцеля, выраженными в «Глобальной культурной карте»¹²⁸. Анализ данных WVS (Всемирного исследования ценностей), утверждает, что в мире существуют два основных измерения межкультурных различий:

1) традиционные ценности (такое как семья, старшие родственники, религия, социальный конформизм, формирование власти и авторитета, общественное более значимо, чем личное, акцент на экономической и физической безопасности, этноцентризм, национализм, низкий уровень доверия и терпимости) в сравнении со светско-рациональными ценностями (низкая роль религии, предпочтение светского государства, личное более значимо, чем общественное);

2) ценности выживания (материальные блага, безопасность, покорность, низкая оценка прав человека, ксенофобия) в сравнении с ценностями самовыражения (это высокая оценка прав человека, стремление к успеху и материальным благам, внимание к экономии и равноправию мужчин и женщин, охране окружающей среды, толерантность, участие в экономической и политической жизни).

«Глобальная культурная карта» показывает, как много обществ расположены в этих двух измерениях, отражает сдвиг от традиционных ценностей к светско-рациональным или от ценностей выживания к ценностям самовыражения.

Культурно сравнивая страны Центральной Азии с Россией по осям карты можно увидеть, что наша страна достаточно близко находится в измерении «ценности выживания vs ценности самовыражения» с Узбекистаном и Киргизстаном, более сильная разница - с Таджикистаном, у

¹²⁸ Всемирное исследование ценностей: [сайт]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

которого ценности выживания выражены несколько сильнее. При этом наши страны имеют большой разрыв по оси «традиционные ценности vs секулярно-рациональные ценности»: приблизительно на одном уровне, близком к высокому значению степени важности традиционных ценностей, находятся исследуемые страны Центральной Азии, а Россия находится на существенном расстоянии, демонстрируя значимость секулярно-рациональных ценностей.

На этом основании можно описать особенности культур России и стран Центральной Азии как имеющие акцент на достижении физической безопасности и материальных благ, обладающие патриотическими взглядами, низкой оценкой прав человека, низким доверием и терпимостью, а также повышенным уровнем ксенофобии. Представители и Российской культуры, и стран Центральной Азии чувствуют угрозу со стороны иностранцев, в отношении этнического разнообразия и культурных изменений, что приводит к нетерпимости к внешним группам, к стремлению максимально сохранить привычные традиционные социальные структуры и авторитарному политическому мировоззрению.

Отличаются они степенью религиозности, значимостью семейных связей, подчинения авторитету и социального конформизма: в странах Центральной Азии эти позиции выражены сильно, тогда как в Российской культуре они значительно слабее. Важность семьи является одной из основных тем в жизни узбеков, киргизов и таджиков: в традиционных обществах главная цель в жизни большинства людей состоит в том, чтобы заставить родителей гордиться; и нужно всегда любить и уважать своих родителей, независимо от того, как они себя ведут; и наоборот, родители должны делать все возможное для своих детей, даже ценой собственного благополучия; происходит идеализация больших семей, поскольку она имеет решающее значение для выживания и благополучия. В России преобладают светско-рациональные ценности, отвечающие за индивидуализм, меньшую религиозность и семейность.

Представленное ценностное описание российской культуры и культуры стран Центральной Азии предполагает, что при их взаимодействии будут возникать сложности в части восприятия друг друга с позиции ксенофобии. Однако, используя пространственную типологию, можно сказать, что эти два типа культур объединяет так называемый материковый тип, отличающийся от островного степенью разграничения «своего» и «чужого». Материковый тип более открыт к новому и «иностранному», а также способностью легко интегрировать новую информацию. Этот фактор, соединенный с фактором общей исторической памяти, значительно улучшает способность к положительному взаимодействию представителей стран Центральной Азии и россиян.

В соответствии с классификацией Р. Льюиса¹²⁹, российская культура сочетает в себе свойства моноактивного и полиактивного типа с преобладанием последнего), а культура стран Центральной Азии относится к реактивному типу. Отсюда происходит столкновение форм коммуникаций и, следовательно, образование дистанции между акторами взаимодействия.

По параметрам, выделенным Э. Мэйер, межкультурная дистанция рождается из расхождения в таких показателях, как высокий и низкий языковые контексты, степень прямолинейности критики, эгалитарность или иерархичность власти, способ выстраивания доверительных отношений, стратегии поведения при несогласии, а также чувство времени¹³⁰. Рассматривая эти параметры, нужно отметить, что достаточно далеко друг от друга находятся данные культуры по контекстуальности (в Центральной Азии коммуникация в большей степени требует умения читать между словами), выражение критики (в России она выражается более прямолинейно), поведение при отказе или несогласии (азиаты, как правило, уклоняются от разговора или действия). При этом данные культуры сближаются по способу

¹²⁹ Льюис Р.Д., Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999. С.64.

¹³⁰ Мейер Э., Карта культурных различий. Как люди думают, говорят и добиваются целей в международной среде. М., 2018. С.156

выстраивания доверительных отношений (важны неформальные личные связи) и типу власти (иерархия), если рассматривать типологию культур Г. Хофстеде¹³¹. С одной стороны, это понятно обеим культурам, с другой стороны, наборы коммуникационных механизмов рознятся. Та коммуникация, которая не касается напрямую языка, существенно отличается в российской культуры и культуры стран Центральной Азии, что следует учитывать при исследовании взаимодействия этих социумов. Как отмечают ученые, исследующие разницу в культурах стран, уровень дистанции между ними способствует процессам интеграции и аккультурации мигрантов в новой культурной среде, или наоборот препятствует. Так, при наличии необходимости в установлении личных контактов как культурно обусловленного типа коммуникации, культурная дистанция может стать источником трудностей в реализации этого процесса¹³².

Исходя из рассмотренных выше подходов, можно сделать вывод о сравнительных особенностях российской культуры и культуры стран Центральной Азии, актуальных для данной работы. Российская культура – это система объединения и взаимодействия людей, проживающих на территории Российской Федерации, основанная на ценностях, связанных с обеспечением витально-материальных задач, с преобладанием светского восприятия действительности и развитого сознания личностной автономии. Способ коммуникации основан на мультиактивной модели выражения с помощью среднеконтекстуального содержания языка.

Поскольку принятие новой культурной идентичности рассматривается в данной работе как социальное действие, то механизм его реализации предполагает наличие предваряющей это действие социальной установки. Так как формирование новой культурной идентичности понимается прежде всего

¹³¹ Хофстеде, Г. (2001), Последствия культуры: сравнение ценностей, поведения, институтов и организаций в разных странах, 2-е изд., Сейдж, Таузенд Оукс, Калифорния. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and ... - Geert Hofstede - Google Books

¹³² Berry John W.. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied psychology: an international review. 1997. P. 5-68.

как соотнесение себя с культурно-обусловленными социальными действиями, обладающими целеполаганием по включению в принимающее сообщество, то социальная установка определяется потребностями, которые актер способен и желает реализовать в новой культуре. Говоря о мигрантах, можно сказать, что установка на формирование новой культурной идентичности является условием, определяющим стратегию включения в принимающее сообщество и успешность социокультурной интеграции.

Активное развитие термина «установка», называемое в американской научной традиции аттитюд, произошло в результате макросоциологического восьмилетнего исследования Уильяма Томаса и было связано непосредственно с изучением массовой миграции крестьян из Польши в Соединенные Штаты Америки в первой четверти XX в. У. Томас и Ф. Знанецки под аттитюдом подразумевали следующее: процесс индивидуального сознания, детерминирующего реальную и потенциальную деятельность в социальной среде¹³³. Аттитюд является эквивалентом социальной ценности, а деятельность в любой форме – это выражение связи между ними. Таким образом, были обозначены опорные элементы аттитюда и его социальная сущность.

Категория аттитюда показывает свою эффективность в описании социальных процессов адаптации людей при смене многокоординатно отличающегося социального устройства: новая классовая организация, повышение социальной мобильности, изменение плотности и направленности социальных связей и пр. Она отражает кризисные состояния взаимодействующих групп, когда привычные схемы социализации не работают в новых условиях.

Проблема отказа польских мигрантов ассимилироваться в принимающее сообщество, как того требовали американцы от всех приезжих, исследовалась через отсутствие установок на этот процесс. Причиной было

¹³³ Thomas W. I., Znaniecki F., The polish peasant in Europe and America. Monograph of an immigrant group. Boston, 1918. P. 22.

определено отсутствие потребности, а также социальных институтов, которые будут способствовать включению людей в новое общество.

Иначе раскрывают детерминанты аттитюда на успешное межгрупповое взаимодействие более поздние исследователи американской социологической школы. Ими были выделены неочевидные, но столь же значительные по своему влиянию на аттитюд, элементы, такие как способы реализации дружеских связей, или интенсивность дружбы, оцениваемых через проведенное вместе время и самораскрытие участников коммуникации¹³⁴. Кроме того, анализ взаимодействия общностей с точки зрения этих показателей демонстрирует эффективность применения не лонгитюдных исследований аттитюда внутри одного сообщества, а перекрестных способов изучения внешних по отношению друг к другу групп, попытка чего и была реализована в данной диссертации, поскольку исследование поставленной проблемы подразумевает взаимодействие, а точнее столкновение разнокультурных, разностатусных, разноразвитых общностей, а специфика социологического подхода предполагает учет особенностей поведения субъектов этих групп.

Социальные общности могут быть рассечены на структурные компоненты, которые отличаются друг от друга в зависимости от основания для деления, называемое «социальное время»¹³⁵. Для многих социальных общностей выделяются такие параметры разделения исходя из времени занятости и времени отдыха, отмечая так же и другие варианты дифференциации структур социальных общностей по социальному времени, такие как удовлетворение основных потребностей — физиологических, бытовых, социальных, физических, интеллектуальных и т. д.

Рассматривая взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества, можно отметить, что этот подход согласуется с подходом современных

¹³⁴ Davies K., Tropp L. R., Aron A., Pettigrew T. F., Wright S. C., Cross-Group Friendships and Intergroup Attitudes: A Meta-Analytic Review // *Personality and Social Psychology Review*. 2011. № 15(4). Pp. 332-351.

¹³⁵ Зборовский Г. Е. Социальные общности и их временные характеристики // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры*. 2014. № 1 (123). С. 148-158.

западных исследователей, который описан выше. Однако, такой взгляд отличается ситуативностью, а изучая человека с позиции континуальности, нельзя отделить историю, формирующую качества его социальности, до перехода из одной общности в другую. То есть, до того, как индивид стал частью мигрантской общности он находился в другой общности.

В нашем случае это социальная структура, в которой мигрант был с рождения до сознательного возраста, а значит получил основные детерминанты своего поведения в тех условиях. Исходя из этого понимания, очевидно, что на родине человек до миграции приобретает религиозную идентификацию, получает образование и профессию, приобретает и меняет свой статус, семейное положение и другие социальные характеристики, которые в числе прочих влияний на человека, определяют формирование социальных установок. Выявив социальные характеристики приезжих не только в статусе мигранта на принимающей стороне, но и те, которые были свойственны ему до миграции, можно определить степень выраженности установки на формирование российской культурной идентичности.

Со времен У. Томаса в мировой практике сформировалось общепринятое определение аттитюда как предрасположенность человека к определенным реакциям в ответ на особенности на внешней среды¹³⁶. Однако, подходы к изучению его функционирования, формирования и развития множественны и противоречивы. В американской социологической и психологической школе преобладает подход структурализма, то есть аттитюд понимается как неизменяемая часть психики, направленная на конкретное действие по отношению к объекту. Именно поэтому аттитюд так же имеет название «фиксированная социальная установка»¹³⁷. То есть личность обладает набором неизменяемых установок, которые можно выявить, работать с ними, но они не являются пластичными. Такой подход приводит к

¹³⁶ Allport H., *Social Attitudes and Social Consciousness / Classic Contribution to Social Psychology*. N.Y., 1972. Pp. 189-190.

¹³⁷ Ядов В.А., *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция*. М., 2013. С.24.

необходимости определения отдельного постоянного аттитюда для каждого действия, основанного на ценностной структуре личности. Отсюда происходит теоретическая разнородность взгляда западных ученых в области исследования аттитюда и методов работы с ним.

В подходе российских классиков социологии имеется коренное отличие в понимании социальных установок. Оно заключается в том, что установки считаются не самостоятельным зафиксированным свойством личности, а понимаются как заново формирующийся контент социальных отношений, отвечающий конкретной потребности в определенный момент времени в определенной, оказывающей влияние, социальной среде.

В русле данного подхода необходимо выделить актуальное для данной работы положение В. А. Ядова о разделении понятия «идентичность» и «идентификация». Идентичность — это осознание человеком общности и солидарности с теми или иными социальными группами. Идентификация предшествует идентичности, поскольку становится длящейся во времени процедурой достижения этого осознания посредством осмысления и постоянного выбора норм и правил различных социальных систем. Идентификация отличается отсутствием «готовых» установок у индивида, а кроме того предполагает поиск идентичности и ее постоянное изменение, адаптацию и пересборку. Следовательно, культурная идентичность способна трансформироваться под воздействием различных факторов в результате влияния возникающих социальных установок¹³⁸.

Родоначальник российской школы социальных установок Д. Н. Узнадзе, определил социальную установку как готовность к социальному действию¹³⁹. С его точки зрения фиксированным свойством личности является не каждая отдельная установка, а сама по себе способность и готовность к их формированию, которая постоянно работает для реализации

¹³⁸ Ядов В.А., Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013. С.53.

¹³⁹ Узнадзе Д. Н., Психология установки. СПб., 2001. С. 29.

социального действия. Готовность к формированию установок, как согласие на осуществление действия — это важный элемент в определении социальной установки еще и потому, что является показателем ее наличия у человека.

В данной работе оценка установки на формирование новой культурной идентичности производится с учетом параметра готовности или согласия к совершению социального действия, являющегося нормой для нового общества, как идентификатора ее существования.

Социальная установка формируется в результате потребности личности и социальной ситуации, которая может эту потребность насытить¹⁴⁰. Теория потребностей К. Альдерфера¹⁴¹ указывает на существование трех групп: экзистенциальные, социальные, развитие и рост.

Однако, движение от потребности к установке является сложным внутренним процессом, на который воздействует множество факторов. Как отмечает А.В. Меренков¹⁴², на установки влияет целая группа детерминант, определяющих человеческое поведение. Прежде всего, сами потребности рознятся между собой – внешние и внутренние имеют разное значение для индивида, кроме того, они могут объединяться в группы в различных комбинациях, что влияет на их роль в действиях человека, а также определяют сознание различных социальных групп.

Различия в системе потребностей дополняются интересом и зависят от социально-демографических факторов: возраст, пол, образование. А.В. Меренков раскрывает функционирование детерминант, определяющих поведение личности как более глубокий и насыщенный внутренними элементами процесс.

Методология исследования систем детерминации поведения индивида А.В. Меренкова базируется на нескольких основных положениях. Прежде всего, это необходимость учитывать биологичность, физиологичность и

¹⁴⁰ Узнадзе Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки: общее учение об установке. М., 1977. С.42.

¹⁴¹ Управление персоналом: Учебник для вузов /Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. М., 2002. С. 566.

¹⁴² Меренков А. В., Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург, 2003. С.112.

психо-социальность человека и потребности, связанные с этими параметрами, в равной степени. Однако, в данном исследовании работа сосредоточена на социальном аспекте формирования установок, с целью раскрытия более узкой специфики, что в перспективе расширит возможность анализа изучаемого явления.

Второе методологическое основание – это учет доминирующего влияния окружающей среды и тех изменений, которые в ней происходят, на систему детерминации человеческой деятельности, в частности установки. Согласно этому положению в данном исследовании проведен поиск влияния социальных условий, и попытка выявить иерархию значимости разных систем социальных факторов для формирования социальных установок. Это позволит определить основные противоречия, обуславливающие одновременное сосуществование целей, ценностных ориентаций, потребностей и установок у индивидов с отличающимися социальными характеристиками.

Поскольку установка чаще всего не осознается индивидом, то ее выявление требует работы с сопряженными более уловимыми параметрами, которые определяют ее существование и реализацию: это наличие внешних условий, определяющих установку, ценностей и коллективных представлений, наличие конкретной внутренней необходимости в действии. Зарождение новых установок требует овладения новыми формами деятельности с возможностью максимально эффективного их применения. Выявление такой возможности так же позволяет выявить наличие установки на определенное действие.

А.В. Меренков отмечает тесную связь ценностных ориентаций и установок, что максимально сближает понятие установки и культуры, поэтому поиск ценностных смыслов в действии по принятию новой культурной идентичности является ключевым в исследовании. А поскольку первичное формирование ценностей, определяющих установки, происходит в ситуации внешней необходимости, в данной работе делается акцент на то, что

характеристики социальной среды, как носителя и транслятора культуры, в которой развивался индивид, играют значительную роль в наличии тех или иных социальных установок.

Для выявления наличия установок на формирование новой культурной идентичности среди мигрантов из стран Центральной Азии рассмотрим подходы отечественных ученых. В отличие от западной школы социальных установок Ядов В.А., не расширяет, а углубляет их сущностное понимание, выстраивая иерархию установок (диспозиций). К первым относятся простейшие, то есть неосознанные и отвечающие физиологическим потребностям. Следующий уровень - аттитюды или (социально-фиксированные установки), представляющие собой комплекс социальных установок, обладающий тремя аспектами: эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и собственно поведенческий (поведенческая готовность¹⁴³. А следующий за ним –уровень классификации — это доминирующая направленность интересов личности в отдельные сферы социальной активности, с которыми происходит идентификация¹⁴⁴. Отличие аттитюда от доминирующей направленности заключается в том, что аттитюд – это установки, связанные с объектами действий (включение в первичные и другие контактные группы) и способами этих действий (соответствующие социальные ситуации), а доминирующая направленность – это предрасположенность к идентификации с каким-либо видом социальной активности.

Таким образом, в данном исследовании уместно говорить о том, что установка на формирование культурной идентичности другой страны – это диспозиция, находящаяся ближе к понятию аттитюда по терминологии В.А. Ядова. То есть это социально-фиксированные установки, связанные с готовностью к включению в новые контактные группы и усвоение правил

¹⁴³ Ядов В.А., Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013. С. 35.

¹⁴⁴ Там же. С. 50.

поведения в складывающихся в связи с этим ситуациях. Следовательно, особое значение приобретает эмоционально-оценочный компонент социальной установки (положительное или отрицательное отношение к объектам, институтам, поведению, событиям и людям, относящимся к новой культуре¹⁴⁵).

У. Томас и Ф. Знанецки отмечают в своей работе зависимость формирования установки поляков на интеграцию в американское принимающее сообщество от их планов по длительности пребывания в США¹⁴⁶. Поэтому анализ факторов формирования установки на формирование новой культурной идентичности с учетом концентрации на теме миграционных процессов, представляется нуждающимся в необходимости учета потребности в долгом пребывании на стороне приема, а также желании остаться навсегда. Поскольку в нашем исследовании рассматривается случай регулярной маятниковой миграции, то потребность в длительном пребывании необходимо учитывать, но в более широком наборе вариантов взаимодействия с принимающей стороной. Это может быть умозрительное представление о высокой продолжительности своего пребывания в России (то есть человек, приехавший из Центральной Азии, планирует возможность остаться на принимающей стороне, хотя это и не обязательный сценарий, в отличие от польских мигрантов, переехавших в США однозначно, в исследованиях американских социологов) так и реальный план остаться, устроиться на новом месте, перевезти семью и родственников. Кроме того, может быть, и такая версия миграционных планов: мигрант не собирается переезжать или долго жить в России, но связывает свою жизнь с регулярными долгими поездками в нашу страну по работе, учебе, устройству личной жизни и пр. В том или ином виде учет данного параметра, то есть

¹⁴⁵ Ajzen I., Attitude theory and the attitude-behavior relation In book: New directions in attitude measurement // Berlin: Walter de Gruyter, Editors: Dagmar Krebs, Peter Schmidt, 1993. Pp.41-57

¹⁴⁶ Thomas W. I., Znaniecki F., The polish peasant in Europe and America. Monograph of an immigrant group [Электронный ресурс] // Boston, 1918. P. 62. URL: <https://ia804500.us.archive.org/31/items/polishpeasantine01thomuoft/polishpeasantine01thomuoft.pdf> (дата обращения: 15.08.2024)

миграционного плана по количеству времени взаимодействия с принимающей стороной, является важным как фактический фактор формирования установки на принятие новой культурной идентичности, так и как объективный показатель ее потенциального наличия (то есть то, что можно узнать, задав прямой вопрос). Однако сложность социологического подхода связана с большим набором переменных, необходимых для анализа мигрантов и специфических ситуативных показателей, характеризующих каждую отдельную область изучения их миграционного поведения во взаимодействии с принимающей стороной. Так, используемый во многих описательных моделях миграционного поведения, фактор времени раскрывается совершенно по-особому в миграционном процессе между странами Центральной Азии и Россией. Возможность часто перемещаться из страны приема на родину и обратно, определенная территориальной близостью, транспортной доступностью и правовыми условиями, формирует высокочастотный вариант маятниковой миграции для международного уровня миграций. Кроме того, в случае долгого пребывания в стране приема или переезде, мигранты в условиях относительной легкости возврата домой на уровне личных представлений сохраняют идентификацию со своей родиной, а зачастую уверенность в том, что они туда рано или поздно уедут¹⁴⁷. Таким образом, параметр времени, проведенного мигрантом в стране приема, хотя и остается значимым для выявления установки на формирование новой культурной идентичности, в данном случае перестает быть основополагающим.

Второй параметр, определяющий факторы формирования социальной установки в диспозиционной теории В.А. Ядова — это обстоятельства, в которых происходит удовлетворение (неудовлетворение) потребности.

Ситуацию, которая соответствует реализации конкретной потребности в смене места постоянного пребывания с необходимым изменением

¹⁴⁷ Варшавер Е.А., Как устроено российское гетто? [Электронный ресурс]. ПостНаука: информационный портал. URL: <https://postnauka.org/video/94077> (дата обращения: 15.08.2024)

культурной системы, разумно рассматривать прежде всего с точки зрения взаимодействия родной культуры и новой культуры, как процесса этого изменения. Социальное пространство столкновения и преобразования культур создает тенденции тяготения одной системы к другой. Показателем связи с родной культурой является сохранение регулярных культурно-бытовых практик и оценочное отношение к ним, а также общественное отношение со стороны культурной общности к субъекту.

Как уже было сказано выше, преобразование культурных идентичностей у мигранта зависит от характеристики связей с родной культурой и новой культурой. Привязанность индивида к культуре ярко выражают действия, по сути являющиеся социальными интеракциями с общностью.

Учитывая особенности изучаемой исламской культуры, в которой социальное взаимодействие неотъемлемо комбинировано с образцами соответствующего вероисповедания, показателем качества связи с культурной общностью является соблюдение / несоблюдение постоянных религиозных практик, совершающихся с разной регулярной периодичностью — от ежедневных до ежегодных. Влияние религиозных ритуалов в ряде исследований рассматриваются как играющие значительную роль в формировании, поддержании и согласовании культурной идентичности в рамках различных религиозных сообществ и культурных контекстов. Участие в религиозных ритуалах развивает чувство принадлежности, укрепляет культурные ценности и традиции и способствует передаче культурной идентичности из поколения в поколение. Кроме того, религиозные ритуалы служат символическим выражением культурной самобытности, укрепляя социальную сплоченность и давая людям ощущение общей идентичности и цели¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Santiago J., The Impact of Religious Rituals on Cultural Identity: Review of the Relationship between Religious Practices and Cultural Belonging / International Journal of Culture and Religious Studies. 2023. № 4(2). Pp. 13–22.

Регламентированный характер этой периодичности для каждого религиозного акта позволяет использовать их как временной параметр, показывающий продолжительность нахождения в ситуации связи с родной культурой и являющийся определяющим фактором формирования социальной установки, согласно В.А. Ядову. Уменьшение этого времени ослабляет связь с родной культурой, что создает условия для формирования связи с культурой страны приема. И напротив, поскольку отношения с культурой страны приема (с точки зрения изучения установок на формирование идентичности) находятся в стадии начального формирования, повседневные новые социокультурные практики еще не сложились, следовательно они не могут быть идентификатором связи субъекта с новой культурой.

При этом плотность социальных взаимодействий может являться и причиной, и показателем формирования мигрантами новой культурной идентичности. Поэтому для понимания к какой модели вариаций социального взаимодействия (Э. Дюркгейм¹⁴⁹) тяготеет форма общения между принимающим сообществом и мигрантами необходим анализ их контактов. Как отмечает Е.М. Варшавер¹⁵⁰, самые плотные связи (дружественные, родственные, любовные и иногда специализированные) эффективно преобразуют культурную идентичность мигрантов. Поэтому плотность социальных связей используется в данной работе как показатель того, что мигрант включается в новое общество, что его принимают, что готовность воспринимать новую культуру, усваивая ее нормы и ценности, у него находится на высоком уровне.

Возвращаясь к подходу А.В. Меренкова¹⁵¹, следует выделить внешнюю необходимость в формировании новой культурной идентичности и

¹⁴⁹ Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2009. С.312.

¹⁵⁰ Варшавер Е.М., Интеграция мигрантов [Электронный ресурс]. ПостНаука: информационный портал. URL: <https://postnauka.ru/video/94077> (дата обращения: 15.08.2024)

¹⁵¹ Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург., С.149.

показатели перехода к внутренней необходимости - потребность в развитии, интерес, ценностную ориентацию мигранта.

Внешняя необходимость определяется условиями, которые существуют в принимающем сообществе для инкорпорации приезжих: социальные институты, способствующие этому процессу, комплиментарное миграционное право, культурная близость взаимодействующих сторон, положительное оценочное отношение местных. Как отмечает А.А.Авдашкин увеличение связей и контактов в обществе приема способствует интеграции в принимающую среду, так как они удерживают сильнее, а идея вернуться на родину пересматривается и становится менее привлекательной, а также меняется отношение к традиционным культурным элементам¹⁵². При отсутствии этих условий мигрантская общность формирует свои механизмы взаимодействия с принимающим обществом, основанные на системах социальных сетей.

По определению Д. Мэсси, сети мигрантов — это набор межличностных связей, которые связывают настоящих и бывших мигрантов, их родственников, друзей и земляков в отпускающей и принимающей странах¹⁵³. В данной работе миграционная социальная сеть – это в первую очередь трансграничные межличностные связи, которые связывают тех, кто остался на родине с мигрантами в принимающих странах через родственные и дружественные связи, взаимные обязательства, вытекающие из общего происхождения и воспитания, и делающие миграцию, как отмечает Дж. Э. Тэйлор высоко привлекательной экономической стратегией¹⁵⁴. Однако, при высокой плотности связей внутри мигрантских социальных сетей и слабо развитых механизмах социальной инкорпорации со стороны принимающего

¹⁵² Авдашкин А. А., Киргизы на Южном Урале: между локальными группами и принимающим сообществом [Электронный ресурс]. URL: https://etnografia.kunstkamera.ru/files/etnografia_journal/2021_04/avdashkin_4-14-2021.pdf

¹⁵³ Massey D. S., Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration // Population Index. 1990. vol. 56, № 1. Pp. 3–26. (дата обращения: 15.08.2024)

¹⁵⁴ Taylor J. E., «Differential Migration, Networks, Information and Risk» in Research in Human Capital and Development / Greenwich, 1986. vol. 4. Pp. 147-71.

сообщества, они (социальные сети), с одной стороны, являются инструментом, упрощающим решение задач, реализуемых приезжими в стране приема, а с другой стороны, становятся барьером для формирования новой культурной идентичности в стране приема за счет ограничения взаимодействия с местными жителями и социальными институтами.

Внутренняя необходимость выражается в наличии знаний о культуре страны приема и желании перенять ее ценности и нормы. Поскольку речь идет о приезжих, которые прибыли с целью улучшения своего финансового и социального положения, то внутренняя необходимость, проявляющаяся через потребность в развитии, предполагает желание профессионального роста, получения образования, повышения социального статуса. Внутренняя необходимость, выражающаяся через ценностные ориентации, так же являются существенным показателем установки на формирование новой культурной идентичности в обществе приема.

Рассматривая ценности как регуляторы процесса культурной идентификации, то есть обладающие нормативной функцией (У. Томас, Ф. Знанецкий¹⁵⁵), а также как факторы социальной солидарности, можно говорить о том, что стремление к соблюдению таких норм как правовые, культурные, социальные, этические и пр., является маркером наличия установки формирования новой культурной идентичности.

Кроме того, к внутренней необходимости нельзя не отнести и направленность на реализацию витальных потребностей, в частности самосохранение. Как отмечает А.В. Меренков, в ситуации угрозы «инстинкт личного выживания» зачастую проявляется более активно, чем «инстинкт коллективного действия»¹⁵⁶, такими как, например, ограничение взаимодействий с принимающим сообществом вследствие нахождения в структуре мигрантских сетей. Так называемый эгоизм в поведении, то есть совершение поступков, не предполагаемых коллективной этикой, может

¹⁵⁵ Томас У., Знанецкий Ф., Методологические заметки (1918). М., 1994. С.343

¹⁵⁶ Меренков А. В., Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург, 2007. С. 10.

проявиться в ситуации, когда человек чувствует дискомфорт с точки зрения безопасности, и ему требуется более индивидуальная тактика в действиях.

Говоря о формировании культурной идентичности нового общества в описанной выше системе, можно отметить, что природная склонность к коллективным действиям, а также выход из их круга, могут быть применены как одно из методологических оснований. В ситуации, когда мигранты переходят на более плотное взаимодействие с принимающей стороной, с отдельными людьми, социальными институтами, государственными структурами, может возникнуть угроза явной или латентной опасности, которая потребует освоения норм и правил нового общества. Например, известно, что приезжие со слабым здоровьем быстрее встраиваются в новое общество, прежде всего с точки зрения культуры¹⁵⁷, поскольку взаимодействие с медицинскими институтами для своей эффективности требует и умения общаться с персоналом, и понимание функционирования системы, в чем тоже сложно разобраться, не обладая культурными компетенциями.

Таким образом, формирование культурной идентичности принимающего сообщества мигрантом становится необходимым условием выздоровления или даже выживания, что с одной стороны отсылает к теории Health Belief Model¹⁵⁸, которая объясняет изменение поведения человека в рамках отношения к своему здоровью, а с другой стороны продолжает мысль А.В. Меренкова о том, что если для человека встает вопрос о своей сохранности, то он будет совершать действия, в том числе и коллективные, относящиеся к иному социальному образованию, нежели к тому, в котором он привык находиться. То есть в ситуации, даже когда внешняя необходимость играет минимальную роль в процессе формирования социальной установки

¹⁵⁷ Urquia M.L, Gagnon A.J., Glossary: migration and health // J Epidemiol Community Health. 2011. №65(5). Pp. 467-72.

¹⁵⁸ Rosenstock I.M., Historical Origins of the Health Belief Model // Health Education & Behavior, 1974. № 2(4). Pp. 328-335.

или даже является препятствием для этого, можно выделить достаточно сильную внутреннюю потребность, которая эту установку создаст.

В итоге выделим условия формирования установки на появление новой культурной идентичности страны приема у мигрантов.

1. Наличие потребности у мигрантов, которую они хотят реализовать в обществе приема. Используя доказанный факт о том, что желание остаться на принимающей территории однозначно связано с формированием установки на формирование культурной идентичности, именно эта потребность будет обозначаться как первый идентификатор.

2. Готовность к формированию новой культурной идентичности, когнитивный аспект установки, оценивается через оценочное отношение к основным элементам новой культуры у приезжих и понимании необходимости их освоения для адекватного существования в обществе.

3. Сила связи с родной культурой через осуществление культурных практик разной продолжительности, или отказ от них свидетельствует об уровне готовности. Чем меньше осуществляются ритуалы, связывающие субъект с базовой культурой, тем выше готовность к принятию новой культуры.

4. Отношение принимающей стороны, как культурной общности, к мигранту. Прежде всего это позиция местных относительно сохранения приезжими своей культуры. (Часто демонстрация элементов иной культуры воспринимается как культурное противопоставление мигрантов принимающему сообществу).

5. Качество контактов между сторонами, их частота и плотность, что является существенным фактором формирования установки на формирование культурной идентичности. Исследователи отмечают отсутствие достаточного количества данных, которые бы раскрывали, как именно влияет форма социальных контактов на степень включения мигрантов в принимающее сообщество.

Поскольку установка на формирование у мигрантов новой культурной идентичности не всегда осознаваема ими, или находится еще в начальной стадии своего формирования, наиболее вероятно ее наличие при условии сочетания следующих факторов:

1. ослабевание связи мигрантов с родной культурой;
2. наличие потребности, которую можно реализовать в обществе приема;
3. понимание необходимости осваивания основных культурных элементов принимающего сообщества;
4. чувство внутреннего непротиворечия с правилами культурной системы, в которой оказался мигрант, отсутствие осуждения, отворачивания и непонимания.
5. сила связи с принимающей культурой через отношение к мигрантам и плотность социальных связей между приезжими и местными;
6. слабеющая связь с базовой культурой, выражающаяся в снижении активности соблюдения регулярных культурных практик, критическое отношение к отдельным элементам базовой культуры, чувстве нахождения в неодобряемом положении в координатах базовой культурной системы.

Комбинация этих параметров свидетельствует о наличии установки на формирование новой культурной идентичности, и основываясь на этом возможна компоновка показателей для выявления характеристик мигрантов, которые наиболее расположены к ее формированию.

Поскольку социальную установку определяют коллективные ценности (А.В. Меренков¹⁵⁹), то специфика социума, в котором они формируются, является важным предметом изучения взаимодействия общностей. Социальные характеристики, как аналитическая категория, позволяет изучать

¹⁵⁹ Меренков А. В., Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург, 2007. С. 93.

социальную динамику и представляется наиболее подходящей для изучения таких сложных процессов как международная миграция.

Роль социальных характеристик в организации социальных взаимодействий подтверждается рядом исследований, касающихся влияния социального статуса на те или иные действия и отношения в группе, оценки и ожидания от членов группы и распределение участия, влияния и престижа¹⁶⁰, на стремления к смене статуса в рамках «концепции статусной неконсистентности»¹⁶¹, зависимость социальной инициативности от уровня статуса¹⁶². Подобные исследования демонстрируют влияние определенных комплексов социальных характеристик, коими и являются статусы по Т. Парсонсу¹⁶³, на совершение социальных действий.

Так, рассматривая положение мигранта как достаточно низкий статус человека в принимающем сообществе, (поскольку статус мигранта всегда ниже статуса местного¹⁶⁴) можно сказать, что интеграция в принимающее сообщество – это инструмент повышения статуса, который неотделим от усвоения правил и норм новой системы социальных отношений. То есть формирование новой культурной идентичности – это социальное действие, направленное на повышение статуса, и ему предшествует установка на формирование новой культурной идентичности, появление которой было определено исходя из концепции статусного рассогласования. Поэтому значимыми становятся социальные характеристики, по которым формируется статус, такие как пол, возраст, здоровье, язык, семейное положение и

¹⁶⁰ Berger J., Cohen B. P., Zelditch M., Status Characteristics and Social Interaction // American Sociological Review. 1972. № 37(3). Pp. 241–255.

¹⁶¹ Rummel R.J., Understanding conflict and war, vol. 2: The conflict helix. [Электронный ресурс] // Beverly Hills, California: Sage Publications, 1976. URL: <https://www.hawaii.edu/powerkills/TCH.CHAP17.HTM> (дата обращения: 15.08.2024)

¹⁶² Tutić A., Grehl S., Status Characteristics and the Provision of Public Goods: Experimental Evidence // Sociological Science, 2018. № 5(1). Pp. 1-20.

¹⁶³ Parsons T.A., Revised analytical approach to the theory of social stratification // Class, status and power. 1953. Pp. 166-167.

¹⁶⁴ Iqbal A., Haque N., Kamal M., Islam T., Khan M., Islam M., Uddin. I., Internal Migration and SocInternal Migration and Socio-Economic Status of Migrants A Study in Sylhet City Bangladesh// American Journal of Human Ecology. 2012. №1. Pp. 123-133.

положение в семье, религия, гражданская и этническая идентичность, образование, профессия, специфика трудовой деятельности.

Мукомель В.И. отмечает неоднородность интеграционных процессов у мигрантов, которые зависят от территории происхождения мигранта и региона, в который он приехал¹⁶⁵, поэтому следует учесть и показатели, связанные с тем местом откуда он приехал и куда приехал, в том числе деревня это или город, страна, удаленность от столицы, а также количество времени пребывания на этих территориях и частота переездов. Следует учесть изменение социальных характеристик мигранта в результате перемещения в страну приема, поскольку объективное улучшение этих показателей может объективно свидетельствовать о потенциальном наличии социальной установки на формирование новой культурной идентичности.

Таким образом, выявление социальных характеристик мигрантов из стран Центральной Азии и их связи с наличием или отсутствием установки на формирование новой культурной идентичности дает возможность определить уникальные наборы социальных характеристик и типологизировать их.

В целом, исследование формирования новой культурной идентичности, начиная с выявления установки на ее формирование, это не то же самое, что исследование формирования идентичности с родной (базовой) культурой, поскольку это разные социальные явления и их определяют разные факторы. К ним относятся культурные и социальные предпосылки, потребности, реализуемые в обществе приема и проявление воли. В итоге новая культурная идентичность может сформироваться, а может и не сформироваться. Поэтому анализ социальных характеристик, соотнесенный с наличием или отсутствием установки на формирование новой культурной идентичности, может помочь в создании объяснительной модели процессов включения мигрантов в новое социальное пространство принимающего сообщества.

¹⁶⁵ Mukomel V. I., Integration problems of internal ethnic migrant workers / Этносоциология. 2016. № 5. С.69-79.

Теоретический анализ поставленной в этой главе проблемы показал следующее. Осмысление социальной идентичности — это одна из центральных тем гуманитарного знания о человеке, уходящая корнями во времена зарождения философии, и актуальная до сих пор. Взгляд с позиций социологического подхода раскрывает социальную идентичность как категорию, показывающую качество состояния общества. Через него раскрывается общественная структура, качество и взаимодействие ее элементов, уровень стабильности и потенциал к развитию. Социальная идентичность проявляется через степень выраженности отождествления с социальным устройством и яркостью противопоставления. Важной теоретической разработкой современного подхода к исследованию социальной идентичности является понимание ее как многоуровневого иерархически выстроенного конструкта, состоящего из различных идентичностей, и имеющего примордиальную природу в части своего существования, но постоянно меняющуюся во времени по своему устройству. Ее формирование происходит через взаимодействие с субъектами социализации, что называется идентификационным процессом или просто идентификацией.

Культурная идентичность понимается как один из компонентов в структуре социальной идентичности, занимающая иерархически высокое положение по степени своей значимости. Она определяет принадлежность к культуре, как системе организации совместной жизнедеятельности общества, место индивида в этой системе, а также взаимодействие между субъектами, социальными институтами, общественными совокупностями и в целом социальной реальностью. Отличие культурной идентичности от остальных видов идентичностей заключается в ее глубинности на уровне каждой личности, тонком и разнообразном наборе факторов формирования, образа трансляции и восприятия, реализации на уровне подсознательных процессов и эмоций. Изучение международных миграций требует выделения культурного компонента из других видов идентичностей в отдельную

самостоятельную категорию для анализа, что на сегодняшний день так и не произошло в научном поле ее изучения. И если социальная идентичность — это знание и отождествление себя с социальным объектом, то культурная идентичность — это результат усвоения специфики связей между этими объектами и реализация ее через действие и регулярные практики.

Особый подход необходим к исследованию формирования новой культурной идентичности, когда носители одной культуры сталкиваются с другой и возникает необходимость наладить совместное сосуществование и сотрудничество. Формирование новой культурной идентичности — это не идентичность с новой культурой, а идентичность с культурой в культуре, основанной на принятии наиболее значимых культурных элементов принимающего сообщества для гармоничного и продуктивного сосуществования при отказе от части культурных элементов родной культуры.

Формирование новой культурной идентичности у мигрантов определяется как образование специфического набора присвоенных наиболее значимых норм и ценностей принимающего сообщества наряду с частичным сохранением норм и ценностей родной культуры. Этот процесс рассматривается уже как совершение осознанных социальных действий, предшественником которых является социальная установка на формирование новой культурной идентичности. Условиями, располагающими к появлению такой установки, предполагаются комплексы социальных характеристик мигрантов и в отпускаяющем социуме, и в стране приема.

Выявление социальных характеристик мигрантов из стран Центральной Азии и наличия у них установок на формирование новой культурной идентичности в российском принимающем сообществе раскрыто во второй главе данной работы.

2 Влияние социальных характеристик мигрантов на формирование установки на формирование новой культурной идентичности

2.1. Отношение принимающего сообщества как фактор принятия новой культурной идентичности мигрантов

Отношение принимающего сообщества к мигрантам не только влияет на формирование новой культурной идентичности, но и является самым показательным индикатором успешности этого процесса. Развитие взаимодействия между мигрантами и принимающими сообществами поможет снизить барьеры и ксенофобию, а также избежать межэтнической напряженности и настроить взаимопонимание. «Отношение» в свою очередь является двояко направленным показателем: с одной стороны оно либо способствует, либо препятствует взаимодействию, а с другой стороны, показывает, что это взаимодействие или налажено, или нарушено^{166 167}.

Исследования показывают, что существует значительная положительная связь между инклюзивным и хорошим отношением к мигрантам и качеством их включения в принимающее сообщество¹⁶⁸, а дискриминация, основанная на культурных различиях, признается самым важным барьером для интеграции приезжих из других стран¹⁶⁹. Кроме того, отношение принимающего сообщества к мигрантам влияет на то какая форма или стиль новой культурной идентичности будет вырабатываться у приезжего (например, гибридная идентичность, бикультурная идентичность или еще какой-то вариант)¹⁷⁰. При этом не всякое взаимодействие способствует принятию новой культурной идентичности у мигрантов. Так, например,

¹⁶⁶ Адаптация и интеграция мигрантов сборник эффективных практик // Ред. : Панич Б.Л. СПб., 2018.

¹⁶⁷ Хорошая практика в области интеграции мигрантов: пособие для слушателей. Warsaw, 2019. С.221.

¹⁶⁸ Naveed A., Wang C., Can Attitudes Toward Immigrant Explain Social Integration in Europe? EU versus Non-EU Migrant // Soc Indic Res 153, 2021. Pp. 345–383.

¹⁶⁹ Constant A., Kahanec M., Zimmermann K., Attitudes towards immigrants, other integration barriers, and their veracity Introduction // International Journal of Manpower. 2008. № 30. Pp. 5-14.

¹⁷⁰ Ertanir B., Ward C., Puente-Durán S., Cobb C. L., Meca A., García M. F., Szabó Á., Stuart J., Salas-Wright C. P., Cano M. Á., Unger J. B., Alpysbekova A., Schwartz S. J. // Cultural Stressors and Cultural Identity Styles Among Hispanic College Students // The Counseling Psychologist. 2024. № 52(3). Pp. 443-476.

контакты по трудовой деятельности никак не помогают в этом процессе, если в целом отношение у принимающей стороны негативное (пренебрежение, боязнь, унижение и т.д.). Доброжелательное отношение к мигрантам будет способствовать принятию культурной идентичности страны приема, расширяя круг контактов.

В рамках изучаемой темы был проведен ряд исследований с участием автора с 2017 по 2024 гг., дающих возможность проследить как менялось отношение жителей Екатеринбурга к приезжим из стран Центральной Азии в трансформирующихся социальных, экономических и политических обстоятельствах. Используя эти данные как показатель, характеризующий успешное включение мигрантов из стран Центральной Азии в принимающее сообщество, можно с уверенностью сказать, насколько это противоречивый и сложный процесс.

Опрос жителей Екатеринбурга (2017 г) показал, что более половины горожан (56,3 %) считают проблемой увеличение числа иноэтничных мигрантов, и негативно относятся к мигрантам из стран Центральной Азии (60,2 %).

Все дальнейшие исследования демонстрируют наличие трудностей в сближении мигрантов и россиян, рост негатива со стороны последних (который способствует развитию недоверия к власти и накопления протестного потенциала). Тенденция к «барьерному отношению» принимающего сообщества к мигрантам было проиллюстрировано замером социальной дистанции, рассчитанной по шкале Эмори Богардуса от 1 балла (возможность брачных отношений с представителями другого этноса) до 7 баллов (невозможность быть гражданами одного государства). Шкала была построена по кумулятивному принципу. Соответственно, чем индекс, полученный как средняя взвешенная суммы всех выборов, ближе к 1, тем социальная дистанция между этническими группами ощущается респондентами как более короткая.

Таблица 2.1

Индекс социальной дистанции с иноэтничными мигрантами из стран Центральной Азии

Ранг группы	Этническая группа	Индекс социальной дистанции
1	Казахи	4,49
2	Киргизы	5,14
3	Туркмены	5,17
4	Узбеки	5,18
5	Таджики	5,25

Таким образом, социальная дистанция жителей Екатеринбурга с приезжими из стран Центральной Азии демонстрирует высокие показатели – значительно выше 4 баллов. К самым социально близким можно отнести казахов, а группа этнических таджиков, напротив, – наиболее социально далекая. Опираясь на исследования Лебедевой Н.М важно отметить, что высокие показатели социальной дистанции говорят о наличии межкультурного стресса. Однако при этом, такое состояние более устойчиво в смысле стабильного толерантного отношения, чем если бы показания значений близились к середине шкалы. Далее будут представлены данные, которые демонстрируют с одной стороны напряженность ситуации, обоснованную культурной разницей, а с другой стороны стремление остаться в состоянии баланса и стабильности при условии принятия определенной системы взаимоотношений. Можно сказать, что у принимающего сообщества имеется с одной стороны имеется запрос на комфортное сосуществование с мигрантами из Центральной Азии, а с другой тенденция к резкому росту агрессии по отношению к ним. Опрос жителей Екатеринбурга в 2019 г, показал, что конфликтные настроения только усилились несмотря на то, что присутствие мигрантов стало в некоторой степени привычным уже для большинства респондентов (68,3%). На взаимодействие (сотрудничеству) с мигрантами настроены всего 16,8% опрошенных. Напротив, 9% респондентов

отметили наличие стремления к конкуренции, а 13,0 % - к конфликту с приезжими. Около трети жителей Екатеринбурга считают, что больше всего конфликты провоцируют сами мигранты (30,5%), а екатеринбуржцы – только 8,0%. Пятая часть опрошенных (21,4%) признались, что сами конфликтовали с приезжими из этого региона. Почти треть екатеринбуржцев вообще не стремятся взаимодействовать с ними (27,9%). 39,5% жителей Екатеринбурга считают, что жизнь в городе станет более безопасной, если его очистить от мигрантов. 20% респондентов уверены, что в таком случае в городе произойдут изменения в позитивную сторону.

Исследование четко выявило перечень претензий к приезжим из стран Центральной Азии, которые в целом можно определить как нормативно-культурные и коммуникационные.

Таблица 2.2

Требования к нерусским мигрантам из стран Центральной Азии, % от числа опрошенных*

Перечень требований	Пол		
	Мужской	Женский	В целом
Соблюдать наши законы	69,1	66,4	67,7
Знание русского языка	65,0	62,5	63,6
Соблюдать культурные нормы, принятые в России	62,3	64,8	63,6
В общественных местах говорить только на русском языке	29,5	29,2	29,4
Молодежь из этих стран в России не должна вести себя вызывающе	27,3	7,3	27,3
Не создавать при расселении «этнические кварталы»	22,3	9,4	20,7

Не претендовать на рабочие и учебные места, которые могли бы занять россияне	13,6	23,3	18,8
Не требовать особых условий для соблюдения своих религиозных обрядов	5,5	19,0	17,3
Не демонстрировать свои культурные отличия в одежде, поведении, обычаях	15,0	2,3	3,5
Другие требования	2,3	2,0	2,1
Не знаю	2,7	1,6	2,1
Нет ответа	0,5	0,0	0,2

*Общее количество опрошенных 876 чел.

Из приведенных результатов видно, что самое популярное требование принимающего сообщества к мигрантам из стран Центральной Азии – это следовать принятым правилам поведения в обществе, зафиксированным на законодательном уровне. Это связано со стигмой криминализированности мигрантов и, соответственно, страхом перед ними, то есть маркером высокой степени ксенофобии.

Нужно отметить, что в общепринятой практике имеется стремление разделять мигрантов со стороны принимающего сообщества на легальных и нелегальных. Помимо формального статуса эти маркировки имеют сильную семантическую нагрузку в сознании принимающего сообщества. Считается, что легальный мигрант — это честный трудящийся приезжий, находящийся в правовом поле, а значит не опасный с точки зрения асоциального поведения. И наоборот — нелегальным мигрантам приписываются все социально значимые грехи от наркобизнеса до насилия. В реальности ситуация выглядит так, что статус легальности вообще не определяет социальное поведение приезжего. С введением системы патентов переход с одного статуса на другой происходит за несколько дней в ситуациях, когда мигрант не успел оформить/продлить разрешающие документы или у него не оказалось денег

на это. Тем не менее, в сознании принимающего сообщества маркер «легальность» влияет на отношение к мигрантам.

Знание русского языка находится на втором месте по количеству претензий после знания российских законов. Большинство респондентов отметили на раздражающее обстоятельство невозможности общаться с мигрантами с полным пониманием друг друга и считают, что выучить русский язык на хорошем разговорном уровне — это обязанность мигрантов как приезжих на территорию страны приема. Именно этим объясняется то, что социальная дистанция с казахами, а следом за ними и киргизами ощущается как самая короткая из всех приезжих представителей стран Центральной Азии, поскольку в Киргизии и Казахстане русский язык не был исключен из обязательной школьной программы после выхода страны из СССР и большинство достаточно уверенно им владеют.

И третье по популярности требование к мигрантам — это соблюдение российских культурных норм.

Стоит отметить, что и при выполнении перечисленных условий далеко не все опрошенные готовы маркировать иноэтничных мигрантов как «своих» — всего 30,7%, и еще треть опрошенных однозначно понимают мигрантов как «чужих» (33,4%), остальные же не смогли определиться с ответом, что тоже показательно.

Одновременно с этим россияне достаточно мягко относятся к вероисповеданию и религиозным обрядам мигрантов, но требование соблюдения норм и правил светской жизни весьма выражены. Анализ текстов глубинного интервью, проведенного нами в 2018 г. среди жителей Екатеринбурга (N=33), позволил уточнить сущность претензий принимающего сообщества. Особенности требований к формированию новой культурной идентичности отражают модели сосуществования в полинациональном российском сообществе.

Екатеринбуржцы допускают сохранение мигрантами своей культуры, но так, чтобы при ее демонстрации она не довлела над культурой общества приема:

«Чтобы прямо недопустимыми, то, пожалуй, недопустимой была бы ситуация, в моем понимании, если они (задумалась) сильно бы насаждали свое видение мира, но ровно так же, как и все остальные люди. У них все равно своя культура» (жен., 43 г.).

При этом, вполне приемлемо ношение национальной одежды, совершение религиозных обрядов, приверженность национальной кухне, но так, чтобы это соответствовало нормам светского этикета. То есть, например, одежда не должна быть «кричащей», национальные традиции должны соблюдаться без привлечения внимания местных и т. д. Опираясь на данные исследования Лебедевой Н.М.¹⁷¹, указывающие на важную роль таких социальных институтов как религия, мода, национальная кухня в культурной инкорпорации мигрантов в принимающее сообщество, можно сделать вывод о том, что со стороны принимающего сообщества имеется запрос не на отмену культуры народов стран Центральной Азии при нахождении их граждан в России, а на трансформацию культурных ценностей, норм и социальных практик в сторону более совместимых с представлениями местного сообщества.

Так, ответы относительно внешнего вида демонстрируют с одной стороны терпимость к национальной одежде приезжих, а с другой стороны требование к ее адаптации к российским стандартам повседневного стиля.

«Подчеркнутый внешний вид – раздражает, это пренебрежение, я бы так это рассматривала. Это вызов русским, местному населению, особенно когда это очень нарядно. Это, конечно, может быть чисто женское

¹⁷¹ Лебедева Н.М., Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений. М., 2011.

восприятие, но когда на них надет наряд очень яркий, то это раздражает. Нечего выпендриваться» (жен., 81 г.).

«Видеть в Екатеринбурге женщину в парандже – режет глаз, честно» (муж., 28 г.).

Нормы поведения, определяемые жизнью во многоконфессиональном государстве при одновременной высокой значимости секулярных ценностей в российском обществе (по исследованию Р.Инглхарта), предполагают принцип толерантного отношения к поведению, обусловленным религией. Но при условии, что такое отношение демонстрируют все участники коммуникации не зависимо от того к какой вере они себя относят.

«Неуважение к нашей нации, ... Ну и немаловажный факт – религия. Очень важно, чтобы не оскорбляли чувства наших верующих, и мы не оскорбляли их чувства к их религии» (жен., 30 г.).

«Говорить что плохо, что хорошо с колокольни людей другой национальности, других религий – так нельзя поступать. Нельзя выпячивать свою национальность» (жен., 22 г.).

Из ответов также видно, что под те же требования попадают и другие обобщенные словом «нация» проявления инаковости мигрантов из стран Центральной Азии.

«Мне кажется недопустимым, когда, например, начинают проявлять национализм» (жен., 58 г.).

Отдельная сфера претензий — это проблема межгендерного взаимодействия, а именно поведение мужчин из Центральной Азии относительно женщин в Екатеринбурге. Одна из самых распространенных коммуникативных проблем — это сексуальная агрессивность со стороны мужчин из Центральной Азии, обусловленная культурным восприятием. Этот показатель необходимо выделить отдельно, поскольку он оказывает серьезное негативное влияние на восприятие мигрантов.

«Была маленькая история, когда в 12 часов ночи ко мне подошел мигрант и потребовалось очень много жизненных сил, чтобы от него

отойти и потом мне пришлось бежать две остановки, потому что мне стало страшно. ... И опыт взаимодействия моих друзей тоже не самый приятный и соответственно есть определенное сопротивление, то есть, когда видишь, что человек не принимает твою культуру, ты начинаешь на автомате не принимать и его культуру» (жен., 22 г.).

«Когда только переехали в новую квартиру много лет назад. Они часто приставали к сестре: «девушка, там подойди...» Было понятно, что он не адаптирован к среде. Спустя несколько лет он стал более уважительным, здороваётся и разговаривает с уважением» (муж, 28 г.).

Анализ текстов интервью показывает, что принимающее российское сообщество понимает особенности этики межгендерных отношений как индикатор усвоения российской культуры, уделяя этому показателю особенно важное значение.

Итоги анализа интервью так же, как и опрос показали, что язык — это важный фактор, являющийся не только техническим аспектом коммуникации, но и формирующий эмоциональное отношение к мигрантам. Знание языка вменяется мигрантам как первейшая обязанность при въезде на территорию России. Кроме того, общение на русском желательно в местах, где присутствуют местные, а разговор мигрантов на своем языке вызывает неприязнь со стороны респондентов.

«Мне не нравится, когда они начинают общаться на своем языке в присутствии тебя. Вот это я считаю недопустимым, потому что они в нашей стране, и они должны общаться в присутствии нас на нашем языке. Когда нет рядом никого, пожалуйста, пускай общаются на своем языке, в более узком кругу, так скажем» (жен., 43 г.).

«Ну, я считаю, что, если они приезжают сюда, они должны и язык знать, ну, хоть разговорный, и должны, по крайней мере, соблюдать законы того государства, в которое они приехали» (жен., 64 г.).

Вопросы владения языком общества приема — неизменная и фундаментальная проблема взаимодействия, обостряющая чувство

ксенофобии, увеличивая культурную дистанцию. Артикуляция претензий к инофонам со стороны россиян не является уникальным требованием в мире, но его нельзя не продемонстрировать в рамках заданного русла в исследовании, поскольку для России язык является важным фактором формирования общей идентичности. По сути дела, русский язык – это то небольшое, что скрепляет внушительное количество больших и малых народов на огромной территории нашей страны, поэтому требование к знанию и умению правильно владеть русским языком – это краеугольный элемент вопроса идентичности для россиян.

Отдельным значимым показателем отношения к мигрантам со стороны принимающего сообщества является ощущение их массовости и сплоченности. Как и в опросе (см. таблицу 2.2), так и в интервью достаточно часто упоминается негативное отношение к созданию «этнических» кварталов или субъективному ощущению большого количества приезжих в сравнении количеством местных, что в свою очередь становится препятствием для «встречного движения культур» (по В.И. Мукомелю¹⁷²) и тормозит формирование новой культурной идентичности у мигрантов.

«Когда ты едешь и рядом с тобой едет 10 мигрантов и говорят на своем языке и ты не понимаешь их, возникает ощущение дискомфорта, а когда ты идешь и у тебя около дома 10 мигрантов, которые говорят на своем языке и ты их видишь каждый день, то это дискомфортно в квадрате» (жен., 23 г.).

Для респондентов в целом количественное состояние миграционного объема в Екатеринбурге на момент опроса являлся существенным, но приемлемым в рамках спокойного к ним отношения. Четко артикулируется чувствительность к количеству мигрантов, но не отмечается их переизбыток, приводящий к агрессии, столкновениям, стразам и т.д.

¹⁷² Mukomel, V. I., Integration of Migrants: Russian Federation. Robert Schuman Centre for Advanced Studies // San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.

«Не хотелось бы, чтобы был большой приток. Хорошо, когда их немного, а много не надо. С этим не согласна. Это вызывает уже другие проблемы. Хорошо все в меру» (жен., 58 л.).

«Мигрантов очень много у нас, это обычный фактор для нас, все спокойно реагируют на них» (муж., 23 г.).

Таким образом, интервью показало наличие у респондентов достаточно большого количества культурно обусловленных претензий к поведению мигрантов из стран Центральной Азии, наличие которых препятствует стремлению к сближению с ними.

Результаты, представленные ниже, демонстрируют отсутствие желания у представителей принимающей российской стороны сократить социальную дистанцию с мигрантами как общем уровне (знакомство с культурой, историей, образом жизни народов Средней Азии), так и на индивидуальном (сотрудничество, дружба, брачные отношения).

Из опроса екатеринбуржцев в 2019 г. была выявлена зависимость отношения местных к приезжим из стран Центральной Азии от формы социальных связей между представителями принимающего сообщества и мигрантами.

Таблица 2.3

В каком качестве контактируют жители Екатеринбурга с мигрантами из стран Центральной Азии, % от числа опрошенных*

В каких ситуациях вы чаще контактируете с мигрантами?	% от опрошенных
Как клиенты различных сервисных служб (кафе, почта и т. д.)	28,1
Практически не контактирую с представителями этих национальностей	26,6
Во время прогулок по улицам города, во дворе, в парках, в кинотеатрах	25,8

Соседи по дому, по двору	22,5
Как заказчики услуг / работодатели (ремонт жилья, уборка помещений и др.)	20
Как посетители учреждений здравоохранения	14,1
Коллеги по работе	13,9
Друзья	8,7
Как родители детей (школа, детский сад, спортивная секция)	5,8
Другое	5,4
Родственники	1,5
Студенты	0,2
Одногруппники	0,2
Нет ответа	4
Итого	176,7**

* Общее количество опрошенных 876 чел.

**Респонденты могли выбрать неограниченное число ответов.

Из данных таблицы видно, что опыт взаимодействия представителей принимающего сообщества с мигрантами из стран Центральной Азии можно описать как слабый или вообще отсутствующий. В целом, 43,7% отметили, что взаимодействуют тем или иным образом с мигрантами, но по своему качеству эти контакты можно назвать слабыми, случайными и поверхностными. Небольшая часть ответивших имеют сильные связи с мигрантами, такие как родственные (1,5%) или дружеские (8,7%). А более четверти респондентов признались, что вообще не контактируют с приезжими из стран Центральной Азии.

Несмотря на ограниченность контактов с мигрантами, у всех опрошиваемых есть оценочное отношение к их культуре и чувство ее отличительности. Однако, наличие мнения о культуре мигрантов совсем не

означает глубокое знание норм и правил их жизни или даже среднее знакомство с образом жизни народов стран Центральной Азии. Так, 70,9% респондентов отмечают, что плохо знакомы с культурой приезжих из стран Центральной Азии, но обладают большим объемом общей отрицательной информацией о них.

Еще один показатель отношения к мигрантам — это ощущение привыкания к их присутствию в городе.

Таблица 2.4

Степень привыкания к присутствию большого числа мигрантов из стран Центральной Азии, % от числа опрошенных*

Насколько Вы привыкли к присутствию мигрантов в городе?	% от числа опрошенных
Да, я вполне привык(ла)	29,8
Частично привык(ла)	48,6
Я совершенно не могу привыкнуть к их присутствию в городе	19,7
Нет ответа	1,9
Итого	100

* Общее количество опрошенных 876 чел.

Степень привыкания к достаточно большому количеству иноэтничных мигрантов — это важный фактор наличия социальной напряженности, связанный с этим вопросом в обществе и один из показателей качества жизни принимающего сообщества. Вместе с тем интеграция мигрантов напрямую зависит от степени напряженности отношений между местными и приезжими. Чем выше этот показатель, тем этот процесс происходит сложнее и медленнее.

Однако, с уплотнением контактов степень положительного восприятия мигрантов со стороны принимающего сообщества повышается.

Так, большинство тех, кто относится положительно к мигрантам (15,5%), отмечают наличие обширного опыта общения с мигрантами, готовность оказать им помощь по некоторым вопросам. Отличительной характеристикой респондентов, демонстрирующих положительное отношение к мигрантам из стран Центральной Азии, является положительное отношение как к пребыванию мигрантов в Екатеринбурге, так и готовность воспринять их в качестве брачных партнеров или друзей. 82% опрошенных из этой группы отметили, что для них допустима личная дружба с представителями представленных этнических групп мигрантов из Центральной Азии; они в основном готовы иметь деловые отношения с ними, вступать в партнерские отношения, а 93% ответили, что согласны на предоставление им гражданства. Среди этой группы опрошенных респонденты перечисляют большее количество деталей, которые могут помочь наращиванию «похожести» представителей принимающего сообщества и мигрантов, они чаще демонстрируют привыкание к большому объему мигрантов и признают, что при долгом нахождении мигранта в городе его можно считать «вполне своим». Среди наиболее часто упомянутых факторов сближения и увеличения «похожести» выделяются совместная работа и схожий род занятий. Примерно 68% из тех, кто относится положительно к мигрантам обладают опытом оказания им помощи, а также готовы оказать им наибольшее количество видов помощи – участие в поиске жилья, работы, предоставление одежды, предметов быта, нужной информации для адаптации в стране.

Естественно, что среди этой группы опрошенных большее количество лучше знают культуру народов стран Центральной Азии, и они реже остальных респондентов являются сторонниками системы «плавильного котла», и более того готовы меняться под влиянием новых культурных норм, присущих мигрантам. Понимание и формирование иноэтничной культуры связаны в том числе и с высоким разнообразием и плотностью контактов с мигрантами: в круг общения входят коллеги по работе, друзья, соседи по

дому, по двору, причем соседи входят в круг общения минимум в 1,5 раза чаще, а друзья – минимум в 2,2 раза по сравнению с респондентами, имеющими более негативное отношение к мигрантам. Эти выводы подтверждаются результатами нашего анализа¹⁷³, основанными на этом же исследовании 2017 г., и соответствуют выводу о значимости фактора «позитивной действенности», определяющего формирование положительного отношения к мигрантам у членов принимающего сообществ.

В 2019 г. на блогинговой платформе Яндекс-Дзен вышел материал по результатам исследования 2017 г. с пояснениями от профессора УрФУ И.Б. Бритвиной о претензиях российского сообщества к мигрантам, основанных на разнице культур¹⁷⁴. Показателем остроты темы приема мигрантов на российской территории стала очень высокая активность россиян в комментариях (678 комментариев), которые было полезно проанализировать на предмет их содержания для получения дополнительной картины, раскрывающей отношение местных к приезжим. Поскольку весь пул сообщений объединен общим контекстом интернет-выпуска, они анализировались как целостные тексты.

Контент-анализ совокупности комментариев был проведен с применением определения ассоциаций между словами (the associations between words) (коэффициент Jaccard), кластеризацией и количественной частотностью слов. Анализ комментариев продемонстрировал наибольшую частоту выражений, обращенных к культуре, социальным взаимоотношениям и общественному устройству России. Кроме того, доминируют заявления, связанные с проблемами принятия мигрантов, выстраивания взаимоотношений с ними, фиксация их социальной позиции и роли в российском обществе. В целом рассуждения россиян концентрируются на проблемах принимающего сообщества в контексте присутствия мигрантов. В

¹⁷³ Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л., Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. Социология. Этнология. 2018. 27(1). с. 114-134.

¹⁷⁴ Блогинговая платформа «Dzen.ru»: [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/XLGE88xZWwCzuFAe> (дата обращения: 15.08.2024).

текстах выявляются стремления россиян выстроить новую социокультурную реальность, где мигранты занимают определенную область социальной реальности с четко артикулируемыми способами социального взаимодействия с принимающим сообществом. Важным в этом процессе является формирование такого устройства общества, где мигранты прочно встроены в социальную структуру, а дискуссия идет уже о том какие претензии имеются к формам взаимодействия с местными. То есть можно говорить о том, что происходит выстраивание норм взаимоотношения с принимающего сообщества с приезжими путем определения правил их присутствия с учетом постоянности этого явления и санкционного воздействия, что хорошо раскрывает следующее исследование.

Для анализа были выбраны комментарии к новостной статье на популярном в Екатеринбурге (Россия) информационном портале E1.ru, под заголовком «В Кольцово взбунтовались мигранты: у здания спецприемника для иностранцев дежурит спецназ»¹⁷⁵. Текст был опубликован 24 апреля 2020 года, то есть уже во время действия карантинных мер в стране. Представленный материал собрал пул сообщений (128 единиц), отличающихся высокой эмоциональностью по отношению к мигрантам.

Результаты совокупности комментариев 2020 г. показали более четко сформулированные претензии российского сообщества — отстаивание территориальных ресурсов через выдворение мигрантов из страны. В сообщениях заметен рост чувства опасности по отношению к приезжим. Выявляется кристаллизация претензий к приезжим из стран Центральной Азии, сопровождаемая растущим негативом и тревожностью. Более четко фиксируется рост настроений россиян по определению подчиненной социальной позиции мигрантов. Культурная инаковость приезжих из этого региона заостряется в обращении к православной тематике, как к мерило высших этических ценностей, которые подвергаются неуважению со стороны

¹⁷⁵ Сетевое издание «E1.PY Екатеринбург Онлайн»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e1.ru/text/incidents/2020/04/27/69115936/> (дата обращения: 15.08.2024)

иноэтничных мигрантов. В связи с этим важным является выделение темы власти и правительства в обвинительном ключе.

Сравнительный анализ пула комментариев, опубликованных с разницей в один год, демонстрирует изменения в сфере отношения принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии. На фоне растущей социальной напряженности очевиден переход от латентной стадии обострения межэтнических взаимоотношений в сторону конфликта между указанными социальными группами. Мигранты воспринимались в роли «подчиненных» в соответствии с типологией «спора» Зиммеля, потеря контроля с выходом мигрантов из этой роли пугали. Четкая артикуляция претензий россиян к мигрантам отражает процессы, соответствующие тому, что Р. Дарендорф называет вторым этапом развития конфликта, который состоит в «непосредственной кристаллизации, т. е. осознании латентных интересов»¹⁷⁶. Трансформация отношения российского сообщества к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии в негативные эмоции, страх за свою безопасность, недовольство действиями властей относительно миграционного регулирования, желание выдворить мигрантов из страны — это важные индикаторы усиления конфликтности.

Однако, та небольшая группа, которая имеет положительное отношение к мигрантам, показывает, что чем больше и чаще контакты местных с приезжими, тем сильнее становятся связи (хотя, это происходит не так быстро, как было бы в случае с близкими по социальной дистанции представителями). Возникают дружественные отношения, осуществляется помощь, повышается ощущение привычности и нормальности нахождения большого количества иноэтничных мигрантов в мегаполисах, реже встречается отрицательное отношение к предоставлению гражданства и указание на низкий уровень культуры приезжих, критика постоянного притока иноэтничных мигрантов минимальна.

¹⁷⁶ Элементы теории социального конфликта [Электронный ресурс] // Московская школа конфликтологии. URL: <https://conflictmanagement.ru/elementyi-teorii-sotsialnogo-konflikta/> (дата обращения: 15.08.2024)

Оценка мигрантов принимающим сообществом опирается не только на социальные представления об обществе исхода, но и формируется при повседневном взаимодействии с ними, сталкиваясь с регулярными практиками, вызывающими положительные или отрицательные эмоции. Это может быть, внешний вид, питание, содержание жилья или рабочего места, деловой этикет, межгендерное взаимодействие, культура поведения в общественных местах и т. д. В высокой степени изменение отношения к приезжим зависит от социальной, экономической, политической обстановки в стране и чувстве тревоги за свою безопасность. Поэтому можно увидеть запрос на стабилизацию социальных взаимоотношений и готовность к принятию, а не изгнанию и отторжению приезжих на условиях формирования у них новой культурной идентичности.

Значимым событием, которое стало потрясением для россиян, явилась трагедия – теракт в Москве в марте 2024 г. В июне 2024 г был проведен опрос среди он-лайн пользователей жителей Екатеринбурга для замера отношения российского сообщества к мигрантам из стран Центральной Азии. Актуальность и репрезентативность полученных данных определяется количеством и составом интернет-пользователей в городах-миллионниках. Сегодня интернетом пользуются 80% россиян¹⁷⁷, и уже в 2018 году исследователи насчитывали среди более ¾ жителей городов-миллионников активно пользующихся сетью¹⁷⁸. Опрос подкрепил сделанные выводы из предыдущих исследований и показал более острое проявление описанных выше общественных запросов.

Начать стоит с того, что мнение о том, что мигранты не решают никаких проблем выразили более четверти респондентов (25,8 %), а также 3,3 % ответили «они не решают, а создают проблемы». При распределении по

¹⁷⁷ Аудитория интернета в России в 2020 году [Электронный ресурс] // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf

¹⁷⁸ Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 гг [Электронный ресурс] // Фонд общественное мнение. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999>

возрастными группами виден негатив в возрастном промежутке 30-54 года (следуя из демографического анализа российского общества в параграфе 1.1. стоит учитывать, что этих людей в целом больше, чем молодых, поэтому они потенциально могут влиять на дальнейшее распространение отрицательного мнения). Тем не менее, большинство респондентов считают, что такие профессиональные сферы как строительство, ЖКХ, обслуживание дорог, транспорт и сервис не могут обойтись без мигрантов. И хотя число таких жителей города менее одной пятой (17,2%), при этом отмечается появляющееся понимание горожан о положительном участии приезжих в процессах демографического развития страны (0,7%). Отдельно стоит отметить, что всего 2,7% не имеют мнения по поводу роли мигрантов для инфраструктуры, экономики и структуры российского общества, что говорит об актуализации темы присутствия иноэтничных мигрантов из Центральной Азии. Чувство того, что чем дольше мигрант живет в России, тем ближе он к россиянам разделилось с небольшим перевесом в сторону тех, кто считает что мигрантов можно воспринимать как «вполне своих» (44,%%), а те кто выбрал ответ «однозначно чужие» составили 40,»%. При этом, также, как и в предыдущем вопросе отмечается достаточно малое количество затруднившихся с ответом респондентов (14,7%). Таким образом, можно сказать, что наблюдается поляризация мнений россиян по отношению к мигрантам на момент первой половины 2024 года.

Наряду с указанными изменениями опрос выявил сохранение претензий культурного плана у россиян к приезжим из стран Центральной Азии и примечательную готовность принятия мигрантов при условии их выполнения. Положительное отношение к предоставлению мигрантам из стран Центральной Азии российского гражданства (если они соблюдают наши законы и культурные нормы) достигло 67,7 %; однако почти треть (29,9%) отметилось среди тех, кто считает, что гражданство выдавать вообще нельзя. Наиболее выразительно претензию на освоение российской культуры показала половина респондентов (50,1%), и в меньшем, но значимом

количестве (32,8%) те, кто согласен с сохранением мигрантами своей родной культуры.

Таким образом, мы видим, что отношение к иноэтничным приезжим у россиян радикально не меняется ни со временем, ни в связи с происходящими негативными событиями. Российское общество в большей степени готово к принятию мигрантов при условиях принятия российской культурной идентичности, причем даже частично, но выраженная в четких пунктах: язык, законы, религия, внешняя похожесть, равенство полов, а также не собираться помногу в одном месте в одно время, чтобы не вызывать чувство переизбытка присутствия мигрантов.

Данные представленных исследований показывают сложное отношение принимающего российского сообщества к мигрантам из стран Центральной Азии. Соотнося их с концепцией Дж. Берри, выявляется тенденция к маргинализации приезжих из стран Центральной Азии, что является существенным ограничением для появления у мигрантов установки на формирование новой культурной идентичности. Отношение представителей принимающего сообщества является важнейшей силой, оказывающей влияние на то, как себя чувствуют приезжие и на стремление к взаимодействию, определяющему возможность и способ инкорпорации в новую культуру. Оно обозначает место субъекта в структуре социума, формируя понимание и оценки себя, выбор линии поведения, одобряемого или отвергаемого сообществом, количество связей в нем и, соответственно, степень включения. Положительное отношение безусловно располагает к общению, которое способствует включению мигранта в новые культурные практики, приращивая новой культурной идентичностью. А негативное отношение унижает, депривирует, присваивает низкий статус и, соответственно отталкивает, вызывает чувство несправедливости, злости, желание отомстить и чаще всего навязывает стратегию эскапизма, а, следовательно, снижает вероятность формирования установки на формирование культурной идентичности принимающего сообщества. При

этом из представленных исследований видно, что стремления к социальному сближению с мигрантами у россиян не наблюдается, а негативное отношение все-таки растет. Наши соотечественники предпочитают жить в параллельных социальных мирах, взаимодействуя в строго ограниченных областях профессиональной деятельности с позиции заказчика. Запрос на мирное сосуществование заканчивается на точке реального приложения направленных усилий для его реализации.

Исследования, проведенные среди представителей мигрантской общности, подтверждают, что отсутствие установки на формирование новой культурной идентичности у мигрантов в ситуации преимущественно негативного отношения принимающего сообщества отмечается у существенного количества опрошенных приезжих. Однако разность восприятия принимающим сообществом мигрантов в тех или иных условиях указывают не только на наличие или отсутствие у последних новой культурной идентичности, но и на существование отличающихся характеристик приезжих, социальный характер которых будет раскрыт в следующем параграфе.

2.2. Проблемы и противоречия формирования установки на формирование российской идентичности у мигрантов из стран Центральной Азии

Выбор стратегии миграционного поведения приезжих – это результат комплекса факторов, определяющих не только само решение о миграции, но и то, как индивид, принявший такое решение, будет проявлять себя на территории страны-акцептора. Миграция представляет собой взаимодействие трех ключевых элементов: отпускающая сторона, принимающая сторона и мигрирующее сообщество. При равных условиях, сложившихся в обществе приема, представители разных социальных групп отпускающего общества будут по-разному раскрываться с точки зрения интеграции, поскольку эти

группы обладают разными социальными характеристиками, и поэтому по-разному реагируют на те или иные обстоятельства, реализовывая различные сценарии при столкновении со сложностями и задачами по включению в новое сообщество. Отсюда следует, что социальные характеристики приезжих важны для понимания детерминации миграционного поведения и построению эффективного взаимодействия сторон¹⁷⁹.

Выбор стратегии взаимодействия с обществом, в которое прибывает мигрант, зависит не только от отношения к нему со стороны этого общества, но и от того какие социальные характеристики присущи самим мигрантам. Россия, как и любое государство-акцептор миграционных потоков, стремится к тому, чтобы приезжие не становились причиной напряженности, поэтому максимальная инкорпорация приезжих в принимающее сообщество, включая аккультурацию и интеграцию, очень желательна. Выявление социальных характеристик, которыми обладают мигранты из стран Центральной Азии с наличием установки на формирование новой культурной идентичности, может стать полезным не только с точки зрения развития теории культурной идентичности, но и с позиции более практических целей, таких как, например, решение о необходимости прохождения интеграционной программы.

Для выявления характеристик мигрантов, среди которых наиболее вероятно наличие установки на формирование новой культурной идентичности, был проведен кластерный анализ на основе данных стандартизированного интервью среди приезжих из стран Центральной Азии (N=231).

Показателями, на основе которых были выделены мигранты с имеющейся установкой, были следующие.

1. Высокая плотность социальных связей с представителями принимающего сообщества. К таким относятся дружба, брачные и родственные отношения. Поскольку опрос проводился среди людей,

¹⁷⁹ Бритвина, И. Б. Миграция и эффективность массовой коммуникации : [учеб.-метод. пособие] / Екатеринбург, 2014. С.16.

исповедующих ислам, то для замера этого показателя среди мусульманок использовался отдельный вопрос, показывающий общение с принимающим сообществом в формате «женщина-женщина» в равных социальных позициях. Родительство, воспитание детей и взаимодействие в рамках этой деятельности использовались как один из факторов формирования установки на появление российской культурной идентичности среди мигранток.

2. Связь с обществом приема замерялась через желание остаться навсегда в России и через формирование мигрантами ее культуры. Индикаторами служили утверждение, что местные жители города с точки зрения приезжих ведут себя «достаточно культурно», выражение желания остаться навсегда и готовность кардинально поменять свое привычное поведение.

3. Национальные традиции (в том числе религиозные) особенно важны для жителей стран Центральной Азии, поэтому их соблюдение или несоблюдение характеризует связь с родной (или базовой) культурой, сила связи с которой существенно влияет на формирование установки на появление новой культурной идентичности (чем связь слабее, тем выше вероятность включения в новую культуру).

Таким образом, получилось 12 вариантов ответов из 6 вопросов, которые выделили группу мигрантов, имеющих установку на формирование российской культурной идентичности, которые составили 7 переменных.

Первая переменная – это особенность взаимоотношений с принимающим сообществом, которая замерялась ответы на вопрос: В каком качестве или по какому поводу Вы чаще всего общаетесь с жителями Екатеринбурга? Плотность социальных связей, способствующих появлению установки на формирование культурной идентичности в стране приема, должна быть на уровне «как друзья», «как родственники», «как родители детей» (школа, детский сад, спортивная секция). Выбор последнего варианта был обусловлен результатами глубинного интервью с мигрантами из стран Центральной Азии, которые показали, что женщины-приезжие из стран

Центральной Азии чаще и плотнее всего общаются с местными в рамках детской воспитательно-образовательной деятельности, как мамы с мамами и воспитателями. Очень часто у женщин-мусульманок нет других возможных каналов общения с принимающим обществом, так как они не работают и не имеют возможности свободно взаимодействовать с местными. Таким образом, чтобы получить значение дихотомической переменной «Да», респондент должен был выбрать минимум 1 вариант из перечисленных ответов.

Таблица 2.5

Количество социальных связей высокой плотности между мигрантами и принимающим сообществом

В каком качестве или по какому поводу Вы чаще всего общаетесь с жителями Екатеринбурга	
	% от числа ответивших
Как родственники	14,7%
Как друзья	40,9%
Как родители детей (школа, детский сад, спортивная секция и др.)	7,6%

Вторая переменная показывает готовность к качественной коммуникации с принимающим сообществом, для оценки которой были необходимы положительные ответы на вопрос: «Согласны ли вы, что нужно хорошо знать русский язык?».

Таблица 2.6

Необходимость изучения языка принимающей российской стороны

Согласны ли Вы, что нужно хорошо знать русский язык?

	% от числа ответивших
Согласен	89,3%
Не согласен	3,1%
Не знаю	4,9%
Нет ответа	2,7%

Подавляющее большинство мигрантов понимают необходимость знания языка стороны приема для нормальной жизни и работы, однако, на практике мы знаем, что далеко не все из них реализуют это понимание в реальности. Именно поэтому ниже будет рассмотрена более подробно степень владения русским языком как маркер наличия установки на формирование российской культурной идентичности.

Третья переменная направлена на выявление готовности к усвоению элементов российской культуры через вопрос (нужен утвердительный ответ): «Согласны ли вы, что нужно соблюдать культурные нормы, принятые в России?». Но, согласие с тем, чтобы следовать культуре принимающего сообщества не обозначает того, что человек готов к этому действию на самом деле, поэтому была включена четвертая переменная с уточняющим вопросом: «В какой степени лично Вы готовы менять свои культурные привычки (поведение, обычаи, нормы взаимоотношений, стиль одежды) для того, чтобы безопасно жить в Екатеринбурге?». Следуя положению о том, что человек ощущая (иногда не осознавая), некую важную угрозу, исходящую от нового общества, имеет внутреннюю готовность совершать социальные действия, направленные на консолидацию с этим обществом (По А.В.Меренкову), наличие установки на формирование новой культурной идентичности измерялась через готовность мигрантов кардинально изменить свою культуру для повышения своей безопасности.

Таблица 2.7

Понимание отличия норм и правил поведения в культуре принимающей стороны и готовность следовать им.

Согласны ли вы, что нужно соблюдать культурные нормы, принятые в России? (нормы общения, поведения, отношение к женщинам и т.д.)	
	% от числа ответивших
Согласен	76,0%
Не согласен	3,6%
Не знаю	17,8%
Нет ответа	2,7%

Так же, как понимание необходимости владения русским языком, мигранты преимущественно признают необходимость соблюдения культурных норм страны приема. Готовность к осуществлению этого шага измеряется следующим вопросом.

Таблица 2.8

Степень персональной готовности к принятию российской культуры

В какой степени лично Вы готовы менять свои культурные привычки (поведение, обычаи, нормы взаимоотношений, стиль одежды) для того, чтобы безопасно жить в Екатеринбурге?	
	% от числа ответивших
совершенно не готов(а) менять свои культурные привычки	16,8%
ради безопасности частично готов(а) поменять свои культурные привычки	35,8%

готов(а) кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить	11,9%
не знаю	35,4%

В результате мы видим, что однозначную готовность поменять образ своего поведения демонстрирует минимальный процент опрошенных. Поменяться частично готовы более трети, но отмечают возможность потери безопасности в обществе приема, что сигнализирует о потенциальной готовности к новым коллективным действиям, способствующим принятию новой культурной идентичности. Это почти половина опрошенных, при этом резко отторгающих новую российскую культуру – минимальное количество респондентов.

Нас интересует та категория, которая в принципе не имеет внутреннего отторжения культурных норм принимающей стороны на добровольной основе. Этот показатель определялся положительным ответом на вопрос «По вашему мнению, насколько культурно ведут себя жители Екатеринбурга?». Этот вопрос отсылается к ощущениям и эмоциональному компоненту социальной установки, поэтому если нет внутреннего противоречия, это значит, что нормы и правила новой культуры уже не определяются как неприемлемые, а значит имеется тенденция к их усвоению, поэтому ответ «ведут себя вполне культурно» стал пятой переменной.

Таблица 2.9

Степень персональной готовности к принятию российской культуры

По вашему мнению, насколько культурно ведут себя жители Екатеринбурга?	
	% от ответивших
ведут себя по-разному	59,3%
многие ведут себя вполне культурно	28,3%

многие ведут себя совершенно не культурно	6,2%
не знаю	5,8%
нет ответа	0,4%

Сомнения в приемлемости того поведения, которое демонстрируют члены принимающего сообщества, высказали почти 60% респондентов, что означает, что большинство не слишком положительно оценивают повседневную культуру стороны приема. Однако, около трети воспринимают российские нормы поведения достаточно хорошо.

Шестая переменная – это показатель качества связи мигрантов с родной культурой оценивался через вопрос о соблюдении регулярных практик: «Какие национальные традиции Вы соблюдаете?». Слабость связи с родной культурой у приезжих из стран Центральной Азии показывалась отрицательным ответом в выборе вариантов: «регулярно молюсь», «регулярно бываю в мечети», «отмечаю главные религиозные праздники», «старюсь придерживаться национального стиля в одежде». Понимание того, что молитва и ношение национальной одежды — это ежедневная практика, поход в мечеть — это еженедельное обязательство мусульманина (правда, только мужчин), а отмечаю основных праздников — это 2 раза в год, можно принимать эти данные за показатель времени, в течение которого осуществляется взаимодействие со своей культурой. Для получения значения «Да», респондент должен был выбрать отрицательный ответ минимум на 1 из перечисленных вариантов.

Осуществление регулярных религиозных практик мигрантами из стран
Центральной Азии

Какие национальные традиции Вы соблюдаете?	
	% от числа ответивших
регулярно молюсь	30,1%
регулярно бываю в мечети	22,6%
отмечаю главные религиозные праздники	53,5%
стараюсь придерживаться национального стиля в одежде	9,70%

Из таблицы видно, что более половина приезжих из стран Центральной Азии сохраняют практики празднования основных религиозных торжеств (к ним относятся Курбан Байрам и Ураза Байрам, то есть 2 события в год). Более частые практики уже исполняют значительно меньшее количество респондентов, что свидетельствует об ослаблении связи с базовой культурой.

Седьмая переменная – это потребность в том, чтобы остаться в принимающем сообществе, показывается положительным ответом на вопрос: «Хотите Вы или нет переехать навсегда Россию?»

Таблица 2.11

Наличие потребности в том, чтобы остаться жить в России

Хотите Вы или нет переехать навсегда Россию?	
	% от числа ответивших
да, хочу	47,8%
нет, не хочу	14,0%
не знаю	36,3%

нет ответа	1,8%

Утвердительно ответили почти половина опрошенных, а к сомневающимся относятся более трети. Это достаточно высокий процент, который так же показывает на сколько большой объем мигрантов, стремятся переехать в Россию. Учитывая высокую чувствительность принимающего сообщества к количеству мигрантов, эти цифры еще раз демонстрируют важность их культурной интеграции на территории России.

В итоге классификационными переменными стали признаки (ответы), переведенные в дихотомическую форму «да-нет» (см. приложение 2): согласен, что нужно хорошо знать русский язык (9 вопрос); согласен, что нужно соблюдать культурные нормы, принятые в России (нормы общения, поведения, отношение к женщинам и т.д.); чаще всего общаюсь с жителями Екатеринбурга как друзья, как родственники, как родители детей - школа, детский сад, спортивная секция и др. (10 вопрос); многие жители Екатеринбурга ведут себя вполне культурно (14 вопрос); готов кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить комфортное и безопасное сосуществование с екатеринбуржцами (15 вопрос), не соблюдаю следующие национальные традиции: регулярная молитва, посещение мечети, празднование главных религиозных праздников, национальный стиль в одежде (18 вопрос); хочу переехать в Россию навсегда (21 вопрос). Эти вопросы образовали 7 классификационных переменных с максимальным значением при указанных выше ответах. Используемая количественная мера при формировании кластеров — квадрат евклидова расстояния. Этот показатель является основой типологии социальных характеристик мигрантов, влияющей на разную степень готовности воспринимать российскую культуру и действовать исходя из ее норм и ценностей.

Наличие установки на формирование новой культурной и идентичности в России был определен индекс на основе подсчёта числа выбранных ответов по 7 указанным выше переменным, который принимает значения от 0 до 7,

где 0 –ни одного выбранного ответа, 7 – выбраны все семь ответов. В результате учета всех параметров респонденты четко разделились на 3 группы со значением, который можно назвать индексом формирования новой культурной идентичности. Его показатель был определен с использованием компьютерной программы обработки данных SPSS, а вследствие разного количества значений классификационных переменных они были подвергнуты стандартизации.

Таблица 2.12

Значение индекса формирования культурной идентичности с российской культурой у мигрантов из стран Центральной Азии

	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Индекс культурной идентификации	6,8676	5,9643	4,0820	7,0000
Количество человек	136	28	61	225

Больше всего респондентов, среди которых фиксируется наличие установки на формирование новой культурной идентичности в России, относятся к группе с наибольшим индексом.

Ответы на вопросы анкеты, распределенные по кластерам, составляют групповой портрет каждого типа. Можно выделить основные отличительные характеристики представленных групп.

Таблица 2.13

Распределение по возрастам¹⁸⁰

Возраст респондентов	Кластер 1 (% и количество чел.)	Кластер 2 (% и количество чел.)	Кластер 3 (% и количество чел.)
16-17 лет	3,6% (5 чел)		3,3% (2 чел)
18-22 года	33,6% (46 чел)	11,1% (3 чел)	14,8% (9 чел)

¹⁸⁰ Применительно к ко всем таблицам сопряженности использовался коэффициент корреляции Крамера, который составлял от 0, 37 до 0,45. Коэффициент предназначен для признаков с номинальным уровнем измерения.

23-29 лет	36,5% (50 чел)	33,3% (9 чел)	31,1% (19 чел)
30-54 года	24,1% (33 чел)	55,6% (15 чел)	50,8% (31 чел)
55 лет и старше	2,2 % (33 чел)		

В группе с наивысшим коэффициентом формирования новой культурной идентичности в России находятся преимущественно молодые и среднего возраста приезжие из стран Центральной Азии (от 10 до 29 лет), средняя степень и низкая степень формирования фиксируется максимально у людей старшего возраста. Это расходится с представлением о том, что длительное общее советское прошлое располагает к формированию новой культурной идентичности у мигрантов. Однако, это согласуется с теоретическим положением о том, что культурная идентичности находится в постоянном приспособлении к той среде, к которой тяготеет человек и ситуации, актуальной на данный момент времени. По всей видимости становясь старше мигранты начинают реже приезжать в Россию и для них более важной становится домашняя культура.

Таблица 2.14

Количество времени, проведенное в России

Время, проведенное в России	Кластер 1 (% и количество чел.)	Кластер 2 (% и количество чел.)	Кластер 3 (% и количество чел.)
менее полугода	19,00% (26 чел)	3,60% (1 чел)	29,50% (18 чел)
от полугода до года	11,70% (16 чел)	7,10% (2 чел)	9,80% (6 чел)
от одного до двух лет	28,5% (39 чел)	17,9% (5 чел)	16,4 % (10чел)
от двух до трёх лет	13,1% (18 чел)	25% (7 чел)	13,1% (8 чел)
более трёх лет	24,1% (33 чел)	42,9% (12 чел)	29,5% (18 чел)

Наибольшее количество человек, демонстрирующих установку на формирование новой культурной идентичности, фиксируется интервально среди тех, кто находится на территории нашей страны от одного до двух лет и более трех лет. Вероятно, после двух лет пребывания в стране приема у приезжих наступает некоторое культурное «выгорание», и они обращаются вновь к базовой культуре. Поэтому, логично предположить, что для тех, кто демонстрируют установку на формирование новой культурной идентичности в России при нахождении здесь более трех лет, она является более устойчивой.

Таблица № 2.15

Источники информации о современной жизни и людях в России

Откуда Вы узнаете новости про русских, про Россию, про Екатеринбург?	Кластер 1 (% и количество чел.)	Кластер 2 (% и количество чел.)	Кластер 3 (% и количество чел.)
через русских при встречах с ними	29,90% (41 чел)	64,30% (18 чел)	24,60% (15 чел)
через русских в социальных сетях	31,40% (43 чел)	50,00% (14 чел)	21,30% (13 чел)
через приезжих своей национальности при встречах с ними	19,70% (27 чел)	46,40% (13 чел)	59,00% (36 чел)
через приезжих своей национальности в социальных сетях	15,30% (21 чел)	21,40% (6 чел)	24,60% (15 чел)
через родственников при встречах с ними	10,20% (14 чел)	28,60% (8 чел)	16,40% (10 чел)
из передач по телевидению	65,70% (90 чел)	85,70% (24 чел)	47,50% (29 чел)

читаю новости в Интернете	62,00% (85 чел)	64,30% (18 чел)	39,30% (24 чел)
из радиопередач	16,10% (22чел)	64,30% (18 чел)	4,90% (3 чел)
из сообщений в газетах	11,7% (16 чел)	53,60% (15 чел)	11,50% (7 чел)

Знание того, откуда мигранты получают информацию о жизни принимающего сообщества не только характеризуют членов соответствующих кластеров, но и имеет стратегическое значение для работы в сфере межнациональных контактов и урегулирования межэтнической напряженности.

Таблица 2.16

Владение русским языком

В какой степени Вы владеете русским языком?	Кластер 1 (% и количество чел.)	Кластер 2 (% и количество чел.)	Кластер 3 (% и количество чел.)
могу понять, что мне говорят по-русски, но мне трудно ответить	6,60% (9 чел)	7,10% (2 чел)	32,80% (20 чел)
могу хорошо общаться на русском языке (и понимать и отвечать)	36,50% (50 чел)	25,00% (7 чел)	49,20% (30 чел)
могу не только общаться, но и писать, и читать на русском языке	56,20% (77 чел)	57,10% (16 чел)	16,40% (10 чел)

Вполне ожидаемые результаты о том, что знание языка стороны приема тем лучше и чаще встречается, чем больше коэффициент формирования новой культурной идентичности.

Распределение тех параметров, которые заключены в основу кластерного анализа так же становятся существенными типологическими характеристиками получившихся групп.

Таблица 2.17

Отношение к культуре принимающей стороны

Насколько культурно ведут себя жители Екатеринбурга?	Кластер 1 (% и количество чел.)	Кластер 2 (% и количество чел.)	Кластер 3 (% и количество чел.)
ведут себя по-разному	62,00% (85 чел)	39,30%(11 чел)	62,30% (38 чел)
многие ведут себя вполне культурно	27,70% (38 чел)	57,10%(16 чел)	16,40% (10 чел)
многие ведут себя совершенно не культурно	4,40% (6 чел)	-	13,10% (8 чел)
не знаю	5,80% (8 чел)	3,60% (1 чел)	6,60%(4 чел)

Наибольший процент респондентов, принимающих российскую культурную идентичность без сомнений, оказался в Кластере 2, а преимущественно неоднозначное восприятие фиксируется в первом и третьем кластерах. Объяснение этому будет дано ниже.

Таблица 2.18

Желание остаться в России на постоянной основе

желание остаться в России	Кластер 1 (% и количество чел.)	Кластер 2 (% и количество чел.)	Кластер 3 (% и количество чел.)

да, хочу	48,20% (66 чел)	35,70%(10 чел)	52,50%(32 чел)
нет, не хочу	14,6% (20 чел)	3,60% (1 чел)	18,00% (11 чел)
не знаю	35,00% (48 чел)	60,70%(17 чел)	27,90%(17 чел)
нет ответа	2,20% (3 чел)	1,60% (1 чел)	1,80% (4 чел)

Четкое желание остаться демонстрируют около половины респондентов в кластерах 1 и 3, а вот кластер 2 таких планов не имеет. То есть желание остаться и положительное восприятие культуры стороны приема у мигрантов из стран Центральной Азии не коррелирует, следовательно, имеется иное основание для определения причины наличия установки на формирование новой культурной идентичности.

Таблица 2.19

Связь с родной культурой, выраженная соблюдением регулярных религиозных практик

Соблюдение национальных традиций	Кластер 1 (% и количество чел.)	Кластер 2 (% и количество чел.)	Кластер 3 (% и количество чел.)
регулярно молюсь	0,7%(1 чел)	89,3%(25 чел)	68,9%(42 чел)
регулярно бываю в мечети	3,60% (5 чел)	82,10% (23 чел)	37,70%(23 чел)
отмечаю главные религиозные праздники	32,10% (44 чел)	96,40%(27 чел)	82,00%(50 чел)

Результаты таблицы совпадают с положением о том, что чем выше степень формирования установки на формирование новой культурной

идентичности, тем слабее связь с базовой культурой. Представители кластера 1 меньше всего соблюдают национальные практики, требующие частого исполнения, да и главные праздники отмечают всего треть респондентов. Члены второго кластера же наоборот демонстрируют наибольшую приверженность религиозным традициям.

Исходя из полученных характеристик кластерам были присвоены следующие названия: 1 кластер - «Интегранты», кластер 2 - «Синтезанты», кластер 3 - «Замкнутые».

«Интегранты», получили высокий индекс формирования новой культурной идентичности, что говорит о наибольшей степени индентификации с российской культурой у приезжих из стран Центральной Азии. Представители этого кластера отличаются главным образом тем, что менее всего сохраняют религиозность (не ходят в мечеть, только треть из них отмечают религиозные праздники, не молятся). Они хорошо информированы о современной культуре России, следят за новостями, общаются с русскими и в жизни, и в интернете через социальные сети. Однако, отношение к приемлемости культурного поведения принимающей стороны у них достаточно «сдержанное» (62% от количества в кластере), оценка уровня культуры россиян в целом низкая. Эти данные отражают на самом деле взаимоотношения не столько с отдельными лицами принимающего сообщества, а результат столкновения с государственными организациями (органы регистрации и учета граждан, таможня) и полицией, агрессивное поведение работников которых воспринимается как интерфейс всего общественного отношения к мигрантам. Это обстоятельство не влияет на наличие/отсутствие установки на формирование новой культурной идентичности, поскольку качество социальных связей в кластере «Интегрантов» оцениваются как широкие и плотные, что в итоге и играет решающую роль в появлении установки на формирование новой культурной идентичности с российским принимающим сообществом. Среди представителей этого кластера желание переехать в Россию возникает у

высокого количества (48,2% от респондентов в кластере) и в большинстве своем – это молодежь от 18 до 22 лет и 23 до 29 лет. Среди «Интегрантов» наибольший процент тех, кто приехал в Россию учиться (39%), а не только работать, и соответственно, наибольшее количество имеющих незаконченное высшее или высшее образование (37,2%). Конечно, эта группа лучше всего владеет русским языком и больше всех хочет получить российское гражданство (однако, последний параметр часто является выражением желания обойти сложности оформления разрешительных документов на работу), но с другой стороны это демонстрирует стремление находиться в легальной правовой зоне общества приема.

Группа «Синтезанты» получила средний индекс формирования культурной идентичности с российской культурой и показала себя наиболее религиозной из всех трех кластеров. Ее представители регулярно общаются с русскими и не только по работе, опираются на информацию из СМИ (телевидение, интернет, радио, газеты), а не от представителей своих сограждан, друзей и родственников. Высоко оценивают культуру принимающей стороны, считают, что наши культуры достаточно близки. Среди этой группы наибольший процент желающих переехать навсегда конкретно в город Екатеринбург (42,9% от количества к кластеру), но в целом переезд в Россию – меньше всего их привлекает (ответ «не знаю» дали более 60% от количества в кластере), и они предпочли бы иметь возможность жить в обеих странах (71,4% от количества в кластере). «Синтезанты» побывали в разных городах нашей страны, имеют развитое представление о жизни в мегаполисах и хорошо ориентируются в урбанистическом пространстве (среди ответивших в этом кластере ни у кого не возникает проблем с ориентированием в городе).

Таблица 2.20

Опыт посещения городов России мигрантами

Опыт посещения Екатеринбурга	Кластер 1 (% и количество чел.)	Кластер 2 (% и количество чел.)	Кластер 3 (% и количество чел.)
до Екатеринбурга я жил(а) в других городах России	21,20% (29 чел)	60,70% (17 чел)	24,60% (15 чел)
я приехал(а) в Екатеринбург впервые	76,6% (105 чел)	39,3 (11,00 чел)	73,8% (45 чел)
нет ответа	2,2% (3 чел)	-	1,6% (1 чел)

«Синтезанты» больше всего жалуются на проблемы в оформлении документов (34,6% от количества в кластере), что связано с их постоянным перемещением (переезды в разные города, возвращение на Родину и обратно в Россию) и необходимостью все эти данные каждый раз фиксировать, чтобы оставаться в легальном правовом поле. Однако, стремление к тому, чтобы действовать в рамках закона так же говорит в пользу принятия норм жизни в обществе приема и действовать на основании идентичности, которая наиболее близка к категории общегражданской. Кроме того, большинство из кластера «Синтезанты» — это люди старшего возраста (30-54 года), что означает, существование общей советской идентичности с русскими в исторической ретроспективе или значительное влияния родителей, которые этой идентичностью обладали.

Существенным выводом из представленных данных является то, что появлению установки на формирование новой культурной идентичности способствуют другие виды идентичностей (в данном случае городская и гражданская).

Третий кластер, названный «Замкнутые», имеет значительно более низкий индекс формирования новой культурной идентичности, то есть стремление к культурной интеграции у них минимально. В основном это люди с образованием не выше школьного (59,0%) или максимум специальное

(31,1%), приехавшие исключительно с целью заработка (84,7%). Представители этого кластера отличаются дефицитом информационных ресурсов. Знания о современной культуре России они получают преимущественно от родственников и знакомых, а также из новостей (которые формируются на территории родины мигрантов). Среди «Замкнутых» наибольший процент тех, кто не владеет языком (32,8%), и минимальный процент тех, кто умеет русский понимать, говорить и писать на хорошем уровне (16,4%). Религиозность у них при этом ниже предыдущей группы, но все еще остается на высоком уровне (до 70%). При этом отмечается восприятие своей культуры как равнозначной в стране приема. В кластере «Замкнутые» меньше всего согласились с утверждением, что российская культура должна занимать ведущее место в стране (16,4%), а более 40% считают, что все культуры в Российской Федерации должны занимать равные позиции, в том числе и культура мигрантов. Желание переехать в Россию навсегда – более, чем у половины, но оценка российской культуры достаточно низкая и по своему уровню совпадает с первой группой. Кроме того, нежелание иметь российское гражданство в кластере «Замкнутые» отметили самый большой процент в группе (27,9%). Таким образом, минимизация контактов с представителями принимающей стороны, чему часто препятствует языковой барьер, является важнейшей причиной, снижающей возможность появления установки на формирование культурной идентичности.

В результате исследования, сделан вывод о том, что установка на формирование культурной идентичности с российским принимающим сообществом среди мигрантов из стран Центральной Азии есть более чем у половины опрошенных. Ее появлению способствует доступность большого количества информации о жизни россиян из прямых источников, общение с ними, в комплексе с желанием переехать в Россию навсегда. Отдельно желание переехать в Россию жить не является предпосылкой к появлению установки на формирование российской культурной идентичности, хотя связь

однозначно видна. Непременным (но не единственным и достаточным) условием наличия установки является низкий уровень религиозности на уровне отказа от выполнения традиционных исламских практик. При этом люди сохраняют свою религиозную идентичность, оставаясь мусульманами, и имеют более уважительное отношение к христианству и, в частности, к православию. Отказ от регулярных религиозных действий работает как уменьшение времени умозрительной связи с родной культурой. Время физического пребывания на территории принимающей стороны так же играет важную роль. Среди представителей «Интегрантов» и «Синтезантов», получивших высокий индекс формирования новой культурной идентичности больше всего людей, которые провели в России достаточно длительное время и тех, кто стремится к получению высшего образования.

Таким образом, более всего расположены к формированию новой культурной идентичности с обществом приема представители группы, в которую входят молодые представители стран Центральной Азии, имеющие наименьшую связь с родной культурой и включенные в российское информационное поле (пользование российскими информационными источниками: сми, социальные сети), а также хорошо знающие русский язык, что позволяет больше общаться с принимающей стороной, и прошедшие в России более 2 лет.

Менее всего расположены к обладанию установкой на формирование новой культурной идентичности малообразованные мигранты, которые плохо знают русский язык, не зависимо от возраста, количества проведенного времени в России и желания сюда переехать. Их круг общения ограничен представителями своей культуры, они сохраняют высокий уровень религиозности и выполнения соответствующих практик, а к российской культуре относятся достаточно негативно.

В целом можно говорить о том, что определяющие отличия кластеров друг от друга заключаются в активно выраженном религиозном аспекте исламской культуры наряду с количеством и качеством контактов с

представителями принимающего сообщества, а также особенности социальных характеристик их представителей. «Интегранты», обладающие наибольшей степенью формирования установки на формирование новой культурной идентичности, как кластер характеризуются отказом от выполнения регулярных обрядовых действий разной частотности, а также плотными и обширными связями с россиянами. Для «Синтезантов», имеющих средний индекс формирования новой культурной идентичности, характерно стремление включиться в правовую жизнь принимающего сообщества, чувство цивилизационного единства на основании общего исторического прошлого и городская идентичность.

Основное отличие «Интегрантов» и «Синтезантов» заключается в том, что первые открыты к формированию новой культурной идентичности с различными обществами и странами, а вторые только с российской. Ввиду долгого существования в общей советской культуре «Синтезанты» тем не менее имеют только средний индекс формирования российской культурной идентичности, что позволяет сделать вывод о том, что, сталкиваясь с совсем другими культурными системами, им будет в разы сложнее в них инкорпорироваться.

Кластер «Замкнутые» — это мигранты, наиболее плотно включенные в мигрантские социальные сети, функционирующие как регуляционный механизм на территории России. Представители этой группы более всего «заточены» на маятниковый тип миграции с целью заработка, обладают низким уровнем образования и знания русского языка и совсем не стремятся вступать ни в какие контакты с местными, предоставляя право осуществлять всю коммуникационную деятельность «старшим».

Выявленная типология была использована в исследовании, проведенном в феврале-марте 2023 – глубинное интервью с приезжими из стран Центральной Азии в Екатеринбурге. Для этого были выбраны 15 (по 5

из каждого кластера), в соответствии с принципами кластерной выборки и достаточно однородной совокупности внутри каждого кластера¹⁸¹.

К группе «Синтезанты» были отнесены настоящие студенты колледжа ИТ (1 чел), ВУЗа УрФУ (1 чел) и выпускник Медицинского колледжа, в данное время работающий в офтальмологии. Опрошенные «интегранты» — это разнорабочие молодого и старшего возрастов, достаточно продолжительное время находящиеся в России, выполняющие функцию «ядра» в мигрантских сетях и осуществляющих коммуникацию между представителями кластера «замкнутые» и принимающим сообществом. Последняя группа включила разнорабочих (включая одну женщину), отличительной чертой которых является плохое знание русского языка, зависимое положение от «старших» (например, по статусу, опыту, возрасту, от мужа или братьев).

Интервью состояло из двух блоков вопросов: первый - отражающий условия жизни мигранта на родине и второй – показывающий уровень их установки на формирование российской культурной идентичности. Цель данного интервью заключалась в том, чтобы проверить устойчивость выделенных ранее взаимосвязей между комплексами социальных характеристик приезжих их стран Центральной Азии и наличием установки на формирование новой культурной идентичности с российским обществом приема. Либо выявить трансформацию выявленных в вышеописанном исследовании наборов социальных характеристик и их особенности в условиях резкого изменения экономических, политических и социальных условий.

Группа «интегранты» демонстрируют наибольшее включение в российское культурное и социальное поле, что дает им значительное повышение статуса среди своих и устойчивое материальное положение. Эти люди стремятся перевести (и перевозят) семью в Россию, планируя здесь остаться. К этому кластеру относятся мужчины разных возрастов (чаще всего,

¹⁸¹ Могильчак Е. Л., Выборочный метод в эмпирическом социологическом исследовании, Екатеринбург, 2015. С.23.

конечно, старшее поколение, но и молодые (до 30 лет) тоже присутствуют), хорошо знающие язык и долго проживающие и работающие в стране. Каналами, сработавшими положительно на их интеграцию стали социальные институты, такие как армия, учеба (например, получение водительских прав), а также длительное отсутствие общения с соотечественниками.

«Я когда учился здесь на права, я всегда думал, что не получу их. Я был уверен, что не сдам. Сутками эти книги читал помню, все время все забывал мне казалось. Но! Поехал и с первого раза все сдал. Я знал, что я не готов, а все равно все сдал и теорию, и вождение» (муж., 36 лет, Узбекистан).

«Я язык и так знал, но потом в армии тут служил и хорошо выучил, только с русскими общался потому что, наших не было там вообще, только таджики и я один был» (муж., 58 лет, Узбекистан).

Представители этого кластера имеют хорошее взаимопонимание с принимающим сообществом, что выражается в доверии как в целом по национальному признаку, так и по институциональному. Например, при ответе на вопрос о том, в какие медицинские учреждения обращаются респонденты при заболевании, они указывают российские или так называемые «русские» частные или государственные клиники, в отличие от представителей кластера «замкнутых», которые лечатся в клиниках «для своих» – организованные представителями выходцев из стран Центральной Азии и с персоналом их этих же стран. Интегранты являются коммуникативным звеном для «замкнутых», поэтому свободно взаимодействуют с принимающим сообществом, устраивают знакомых на работу, помогают с документами, жильем и т.д. Нельзя не отметить значение опыта проживания в городах – чем дольше респондент проводил времени в городах, тем выше вероятность формирования российской культурной идентичности. Особенно если мигрант до приезда в Россию какое-то время пожил в крупном городе на родине, например, во время учебы или сразу после ее окончания. Фактором, влияющим на формирование новой культурной идентичности, здесь становится указанная ранее городская идентичность,

поскольку в основном в России они живут и работают в мегаполисах, а также взаимодействие с русскими, которые остались в центральноазиатских городах после распада СССР, и, конечно, молодой возраст, когда усвоение социальных норм происходит особенно активно и беспрепятственно. Кроме того, статус старшего в семье (старший брат, дядя, муж) определяет обязанность отвечать за более младших родственников, что также подталкивает к активной интеграции мигранта в принимающее сообщество.

«Синтезанты» имеют сложное отношение к российскому сообществу. С одной стороны, они уже имеют сильно выраженную установку на формирование новой культурной идентичности, и даже во многом обладают широким перечнем усвоенных компонентов российской культуры, таких как язык, манера одеваться, правила взаимодействия с людьми, определенные ценности (как, например, образование, уровень бытового комфорта, санитарные нормы). С другой стороны, отмечаются культурные особенности, которые сильно сказываются на желании обрести или сохранить в своей жизни особенности традиций родного общества. К таким особенностям можно отнести высокую степень атомизации и агрессивности российского общества (в особенности Екатеринбурга), что является противоестественным для представителей центральноазиатских стран и порождает у них острое чувство дискомфорта.

«Люди тут прям злые. Грубые очень. В общественном транспорте невозможно находиться. Если ты сам не такой же злой, то все прям сгрызут тебя. У нас вот никогда такого не бывает. ... Причем так интересно – пока я в медицинском халате на работе такого нет. Там меня все уважают, как врача. А как только халат снимаю – все мигрант, и отношение соответствующее» (муж., 25 лет, Кыргызстан).

«В Таджикистане мы друг к другу ходим часто в гости к соседям, приглашаем или совместно что-то делаем, праздники отмечаем. А тут у нас просто «Здравствуйте» и больше ничего. Нет такого что бы к нам кто-то

приходил или мы к кому-то в гости ходили, вот такие отношения внутри концентрируемся все». (муж., 21 год, Таджикистан)

В связи с этой социальной особенностью, а также погодными условиями, часто высказывается пожелание вернуться на родину, однако, они же отмечают, что экономические условия будут определять выбор дальнейшей жизненной стратегии и скорее всего она будет связана с Россией. Таким образом, положение У. Томас и Ф. Знанецки о зависимости степени аккультурации от намерения к длительному пребыванию на стороне приема или переезду на всегда в данной миграционной картине не подтверждается, что связано не только со сложностями, обусловленными культурой, но и близостью и открытостью границ, обуславливающих маятниковый тип миграции.

К кластеру «замкнутые» относятся в большом количестве женщины (замужние или имеющие покровительствующего родственника в России) и мужчины, как правило из сельской местности, люди, имеющих заниженный социальный статус (финансовый, образовательный, семейный, то есть младшие братья и сестры). Стандартной характеристикой для них является плохое знание русского языка, максимум профессиональное образование (а чаще школьное) и сложная экономическая ситуация в семье. Представители этого кластера всегда имеют посредника, для коммуникации с принимающим сообществом и они не стремятся поменять эту ситуацию, не связывают свое будущее в Россией и хотят вернуться в итоге на родину к семье или создавать там семью, что явно демонстрирует минимальный уровень формирования новой культурной идентичности.

- Если представить, что ваши дети тоже сюда потом приедут, согласились бы вы, если бы девочки здесь вышли замуж и осталась?

- Нет, дети сюда не поедут. Здесь дорого – еда, квартплата, все..

- А вы потом планируете обратно уехать или здесь остаться?

- Туда уеду, к детям, к родным

- Кому вы здесь больше всего доверяете?

- мужу

- а русские? Как их оцениваете?

- не знаю, за меня сестра общается, если что-то надо. Она недалеко живет, я ее прошу. Или мужа (жен., 29 лет, Кыргызтан).

- Как вы принимали решение куда ехать?

- Меня брат позвал, он всех наших братьев позвал.

- Вы знали русский язык до того как приехать в Россию?

- Нет, здесь научится.

- Кому больше всего доверяете здесь?

-Брату (муж., 40 лет, Узбекистан).

- Вы приехали самостоятельно или к кому-то?

- я приехал к дяде Ахмеду, жил у него и он мне с работой помогал устроиться (муж., 28 лет, Узбекистан).

Таким образом, можно сказать, что социальные характеристики в связке с установкой на формирование российской культурной идентичности остаются неизменными с течением времени, что определяет влияние этих характеристик как устойчивое.

Кроме того, можно сделать более широкие выводы из проведенных интервью. Например, то, что касается установки на формирование новой культурной идентичности в России у женщин из региона Центральной Азии. Наблюдается связь проявления наличия установки на формирование новой культурной идентичности с их экономическими и семейными характеристиками. Женщина из Киргизии, Узбекистана или Таджикистана приезжает в Россию по трем причинам – это учеба, работа или сопровождение мужа. Обучение как правило происходит в ВУЗе, и этих девушек чаще всего можно отнести к кластеру «Синтезанты», с перечисленными выше свойствами этого типа. Жены, приехавшие сопровождать мужа,

интегрируются, как правило, хуже всех и будут относиться к «замкнутым»: и те, кто работают и те, кто занимаются домашним хозяйством. А вот женщины, которые не имеют мужа и находятся в бедственном экономическом положении на родине – интегрируются очень хорошо. Это женщины, которые оставляют детей с бабушками и уезжают на заработки, чтобы их содержать. У них нет представителя в России, который является коммуникативным (и в то же время барьерным для интеграции) звеном, а жизнь не оставляет выбора – в любом случае необходимо осваивать нормы принимающего сообщества, чтобы иметь приемлемый доход. Не редки случаи, в которых женщины встречаются со своими детьми только после окончания школы, когда последние приезжают получать высшее образование в России.

Интересным стало выявление сегмента мигрантов по возрасту и тому обстоятельству, что они следуют за своими родителями. Однако, степень формирования новой культурной идентичности у них ближе к поколению, которое росло с бабушками и без родителей, поскольку они уехали на заработки, окончившие школу и сразу перемещающиеся к маме или папе в Россию не зависимо с какой целью – учиться или сразу работать. Их нельзя отнести к мигрантам первого поколения, поскольку в их семейном анамнезе присутствует миграционный опыт и они могут пользоваться накопленным социальным капиталом и материальной базой старших родственников (кстати, сюда же могут относиться и мигрирующие в Россию раннее бабушки и дедушки), что отличает таких людей от мигрантов первого поколения, но с другой стороны, они не являются мигрантами второго поколения. Можно отметить, что потенциал к формированию новой культурной идентичности у таких мигрантов выше, чем у тех, кто едет, опираясь на более слабые социальные связи (к знакомым знакомых, дальним родственникам и т.п.). Кроме того, дополнительно можно отметить следствие такой ситуации, когда родители уезжают на заработки и редко видят своих детей, значение влияния бабушек на выбор жизненной стратегии молодыми мигрантами возрастает, поскольку именно бабушки и дедушки оказывают прямое воздействие на

воспитание внуков. Таким образом, степень формирования российской культурной идентичности усиливается в зависимости от силы связи с мигрантами первого поколения на территории России (родители, бабушки, дедушки усиливают установку), от наличия городской идентичности и проживания с воспитателями, выросшими в Советском Союзе.

Проведенное исследование продемонстрировало, прежде всего, фиксацию в неизменном виде тех показателей, которые были представлены раньше у выявленных мигрантов. Основные социальные характеристики представителей определенных предыдущим исследованием кластеров соответствуют у них уровню установки на формирование российской культурной идентичности, следовательно можно говорить о выявлении между ними устойчивых взаимосвязей. Кроме того, были расширены наборы социальных характеристик у представителей описанных кластеров среди мигрантов и выявлены подкластеры внутри них.

В целом, в результате представленных данных, можно определить следующие проблемы и противоречия в появлении установки на формирование новой культурной идентичности среди приезжих из стран Центральной Азии. Прежде всего, на выбор стратегии миграционного поведения на территории приема значительно влияют социальные характеристики мигрантов, которыми они обладали на родине. Особенности общества, тяготеющего к традиционному типу, с иерархичным устройством и дискриминационной культурой по возрасту и полу, перенесенные характерные социальные практики на территорию приема, значительно влияют на интеграционные процессы. Чем ниже находится индивид в иерархическом социальном распределении на родине, тем хуже он взаимодействует с принимающим сообществом и тем выше барьеры в формировании новой культурной идентичности. Однако, этим же самым свойством обществ стран Центральной Азии усиливается установка на формирование новой культурной идентичности у тех, кто относится к кластеру «интегрантов» или представителей более высоко расположенных в

социальной структуре отпускающего сообщества индивидов. Это объясняется тем, что они нагружаются ответственностью и обязанностью помогать реализовывать потребности условно «младшим» представителям своих социальных групп (более молодым родственникам, женам, друзьям), что требует успешного взаимодействия с обществом приема.

Еще одно противоречие, выявленное в исследовании – это уже готовое наличие установки на формирование новой культурной идентичности у мигрантов их кластера «синтезанты» с одной стороны, и сложными для комфортного проживания в России социокультурными особенностями нашего общества, основанными на высокой атомизации, ксенофобии и зеркально-отраженной системе отношений к возрасту и полу (здесь подразумевается, неприемлемое со стороны мигрантов отношение к старикам и женщинам).

И третий вывод, который можно сделать из представленных исследований – это взаимосвязь между типом миграции, социальными характеристиками и развитием установки на формирование новой культурной идентичности. Маятниковый тип миграции (зачастую с высокой частотой и многократной повторяемостью) обуславливает перенос новых усвоенных элементов российской культуры в отпускающее сообщество. Попадая в группы с комплементарными условиями (социальными характеристиками) для их усвоения, они в синергии с переходом миграционных практик из поколения в поколение усиливают предрасположенность к формированию новой культурной идентичности при переезде в Россию. Однако, на сколько сильно сказывается это обстоятельство уже на следующих поколениях мигрантов, которые так же обладают разными социальными характеристиками, требует дополнительного изучения.

Таким образом, типологизация социальных характеристик мигрантов из стран Центральной Азии дает исследователю возможность выделить особенности взаимодействия с принимающим сообществом у разных условных групп мигрантов. Социокультурные и экономические

обстоятельства, в которых находились представители стран Центральной Азии на родине, их повседневные практики, реализуемые в обществе приема, отношение нового сообщества к ним оказывают влияние на степень включенности в новую культуру. Формирование новой культурной идентичности, как высокий уровень инкорпорирования в общество приема, исходит из наличия установки, появление которой проблемно и противоречиво происходит под влиянием множества факторов.

Выявление характеристик мигрантов из стран Центральной Азии, основанной на социокультурных основаниях, и их влияния на наличие установки по формированию российской культурной идентичности дает возможность видеть не только существующие проблемы интеграции приезжих, но и прогнозировать наличие, развитие и экстремумы негативных сценариев межэтнических отношений, прорабатывать наиболее эффективные стратегии по положительному включению мигрантов в российское сообщество.

В перспективе данное описание может изучаться более глубоко и быть дополнено и расширено. В дальнейших исследованиях нуждаются более специфические группы, такие как женщины, дети и подростки, например. Важным направлением дальнейшего исследования вопроса культурной интеграции является изучение каналов, способствующих максимальному развитию упрочнения и расширения социальных связей между принимающим сообществом и приезжими из стран Центральной Азии, а также создания системы, способствующей ослаблению связи мигрантов с родной культурой.

Подводя итог, необходимо выделить важные противоречия, формирующие сложности во взаимодействии принимающего российского сообщества и приезжих из стран Центральной Азии.

- была выделена потребность принимающего сообщества в снижении социальной напряженности, связанной с мигрантами. Явно артикулированы претензии к уровню их культурной интеграции, определяющие установление

и постоянное воспроизведение отношений барьерного типа, основанных на ксенофобии, слабых социальных связях и высокой культурной дистанции;

- представление о том, как именно должны вести себя мигранты с культурной точки зрения российского принимающего сообщества значительно рознятся с тем, как это понимают приезжие из стран Центральной Азии;

- желание остаться в России со стороны мигрантов не всегда способствует у них наличию установки на формирование новой культурной идентичности, то есть это условие является необходимым, но не достаточным для того, чтобы возникла необходимость качественного включения в принимающее сообщество;

- дисбаланс в претензии на определенный социальный статус у мигрантов, которые хотят остаться, но на условиях равных статусных прав с местными с одной стороны, и отказом в этой возможности в большинстве институциональных областей принимающего сообщества (профессиональные, семейные) с другой стороны. Здесь имеется в виду редкость случаев, когда мигрант может занимать равные должностные позиции с россиянами, включаться в семью на условиях сохранения достоинства и уважения, но зато могут быть включены в связи таких систем как социальная помощь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миграция, как инструмент решения нарастающих вызовов демографического баланса, требует многогранного изучения и активной работы принимающего населения, направленной на то, чтобы она стала именно решением, а не генератором проблем. Качественное включение инокультурных мигрантов в российское сообщество может быть основано на таком явлении, как принятие новой культурной идентичности принимающей стороны. В данной работе показано, что принятие новой культурной идентичности зависит от ряда социальных характеристик, присущих мигрантам, что может дать базу для практического применения в области миграционной политики, а также социального управления.

Представленные исследования показали, что идентичность мигрантов представляет собой весьма сложную структуру, состоящую из сочетания личных характеристик, характеристик родной культуры и окружающей среды. Когда отдельный субъект или группы сталкиваются с миграцией им представляется возможность осознать и развить свою идентичность, испытывая влияние культуры страны приема, коллективного влияния и накопленного опыта.

Анализируя межкультурные взаимоотношения с точки зрения столкновения культур через функционирование важной составляющей социальной организации общества - культурной идентичности, была выявлена целесообразность выделения ее в отдельную аналитическую категорию.

Анализ подходов к изучению культурной идентичности как в западной, так и в российской научной практике показал теоретическую лабильность термина и концептуальный хаос в его понимании. Для эффективного использования термина было зафиксировано его определение, на основании которого произведен анализ социального взаимодействия мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего Российского сообщества.

Был показан конфликтный потенциал при столкновении культурных идентичностей с высокой цивилизационной разницей с одной стороны, и выявлен запрос среди представителей принимающего российского сообщества на стабилизацию отношений с мигрантами, направленную на доверительное и спокойное взаимодействие, с другой стороны через приобретение мигрантами российской культурной идентичности и готовность к встречному движению (по В.И. Мукомелю).

Выявлена типология социальных характеристик, которые присущи приезжим из стран Центральной Азии, определяющие возможность формирования культуры страны приема через анализ установки на формирование российской культурной идентичности. Описан каждый тип, как комплекс факторов, работающих в совокупности и влияющий на формирование этой установки.

Культурная идентичность определена как чувство принадлежности к культуре, то есть системе организации совместной жизнедеятельности общества, основанная на общих ежедневных (бытовых) практиках, правилах, ценностях, нормах, символах и языке, эмоциях и образах.

Формирование отличной от уже имеющейся культурной идентичности в рамках миграционных процессов — это результат социального действия, направленного на встраивание в новое общество, начинающееся с появления социальной установки.

На основе аттitudной теории, диспозиционной теории социальных установок и культурной специфики изучаемых сообществ были определены условия наличия установки на формирование новой культурной идентичности с обществом приема:

- ослабевание связи мигрантов с родной культурой;
- наличие потребности остаться на постоянной основе в обществе приема;
- понимание необходимости осваивания основных культурных элементов принимающего сообщества;

- чувство внутреннего непротиворечия с правилами новой культурной системы;

- плотность социальных связей между приезжими и местными.

В результате исследования мигрантов из стран Центральной Азии на основе этих параметров были выявлены описательные модели их социальных характеристик, определяющие формирование установки на формирование новой культурной идентичности с российским сообществом. Степень формирования такой установки определяется индексом формирования новой культурной идентичности, рассчитанным исходя из комплекса 12 показателей.

Краткое описание групп социальных характеристик мигрантов:

«Интегранты», имеющие самую высокую степень готовности к формированию новой культурной идентичности: молодые представители стран Центральной Азии с хорошим уровнем знания русского языка, не выполняющие регулярные религиозные практики Ислама, имеющие тесные социальные связи в принимающем российском сообществе, пользующиеся российскими информационными источниками и прожившие в стране приема более двух лет.

«Синтезанты», обладают средним уровнем готовности к формированию новой российской культурной идентичности: характеризуется наличием советской и городской идентичности, опытом проживания в разных российских городах.

«Замкнутые», получившие самый низкий индекс формирования новой культурной идентичности, люди с плохим знанием русского языка и замкнутые в общении на людях — представителях своей культуры, получающие информацию из источников своей языковой среды, обладающие высокой степенью религиозности и добросовестно соблюдают обязательные религиозные практики. В это группе на появление установки на формирование новой культурной идентичности не влияет ни возраст, ни количество времени, проведенного в стране приема, ни уровень образования.

Таким образом, центральным обстоятельством, вокруг которого складывается комплекс характеристик мигрантов, влияющей на наличие установки к формированию новой культурной идентичности является сила связи с родной культурой, выраженная в данном случае соблюдением религиозных практик, то есть действий, связывающих с метафизическим выражением своего единения.

Основной парадокс исследуемого процесса заключается в том, что мировоззрение людей, приехавших из стран Центральной Азии, имеющих тенденцию к интеграции в принимающее сообщество, близится к российскому с точки зрения более высокого индивидуализма и секулярности. Однако, высокое значение материальных ценностей играет одинаково значимую роль в купировании этого процесса с обеих сторон. Чувство внутреннего национализма, ксенофобии, боязни за ресурсы и витальные аспекты, выстраивает барьер между мигрантами из стран Центральной Азии и принимающим российским сообществом. Можно сказать, что чем экономически более развитое общество, чем в нем выше стремление к самовыражению, чем выше степень индивидуализма, чем менее традиционным оно является – тем у его членов более ярко выражена готовность принять новую культурную идентичность другого общества. Однако, атомизация российского общества является одним из существенных факторов, влияющих на ее негативное восприятие мигрантами из стран Центральной Азии.

Рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы.

В современных условиях неиссякаемости миграционных потоков с одной стороны и их быстрой изменчивости в зависимости от политических, социальных, эпидемиологических и прочих типов обстоятельств, изучаемые в данной работе категории культурной идентичности, новой культурной идентичности в их связи с миграционным поведением имеют высокий потенциал теоретического развития, а также требуют постоянного мониторинга ввиду беспрецедентного динамизма этих процессов.

Трансформация культурной идентичности, когда миграционные потоки становятся смешанными по направлению и составу участников, когда происходит формирование транзитного статуса как у принимающих, так и отпускающих стран, а также изменение национального состава государств за счет убыли титульного населения и пополнения мигрантами, — все это развивает новые формы и механизмы самоопределения и взаимодействия с окружающим социумом. Оптика подходов транснационализма и институционализма открывают возможности изучения процессов интеграции и аккультурации как длительный и многоуровневый процесс, имеющий свои предпосылки и особенности развития. Ключевыми направлениями представляются исследования, направленные не только на специфику миграционного поведения представителей разных стран, но и на отдельные социальные группы, такие как женщины и мужчины, молодые и пожилые люди, представители различных религиозных конфессий и т.д. Особую перспективу следует отметить в направлении теорий социального управления и человеческого капитала, что позволяет воспринимать взаимодействие отпускающих и принимающих сообществ не только как источник рисков, но и как ресурс для социального, экономического и культурного развития.

В заключении необходимо отметить, что интеграция мигрантов в российское сообщество является важной частью современной миграционной повестки. В результате успешной реализации этой задачи можно достичь повышения качества человеческого капитала не только за счет адаптации самих мигрантов, но и за счет стабильного состояния членов российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агентство статистики при президенте республики Узбекистан: [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/component/search/#> .
2. Демографическая ситуация в республике Узбекистан: основные показатели 2023г. Данные Агентства статистики при президенте республики Узбекистан: [сайт]. URL: https://stat.uz/img/demografiya-press-reliz-26_01_2024-rus.pdf .
3. Доклад о миграции в мире 2022, Международная Организация по Миграции (МОМ), McAuliffe, M. и A. Triandafyllidou (eds.), Женева. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/WMR-2022-RU.pdf>
4. Группа Всемирного банка: [сайт]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/home> .
5. Всемирное исследование ценностей: [сайт]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>
6. Изменения в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5635>
8. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>.
9. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/> .
10. Обработка данных Организацией Объединенных Наций, Департаментом по экономическим и социальным вопросам, Отделом народонаселения. Перспективы народонаселения мира: пересмотр 2022 года.

(Вариант со средней плодовитостью). URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population> .

11. Организация объединенных наций: [сайт]. URL: <https://population.un.org/wpp/> .

12. Организация объединенных наций: [сайт]. URL: [https://www.un.org/sites/www.un.org/files/uploads/images/infographic-ru\(1\).png](https://www.un.org/sites/www.un.org/files/uploads/images/infographic-ru(1).png) .

13. Рейтинг ООН стран мира по уровню урбанизации. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index> .

14. Сервис открытой аналитики рынка труда Head Hunter: [сайт]. URL: <https://stats.hh.ru/?ysclid=lt4p4ciq4v677294592> .

15. Сетевое издание «E1.PY Екатеринбург Онлайн»: [сайт]. URL: <https://www.e1.ru/text/incidents/2020/04/27/69115936/> .

16. Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области: [сайт]. URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/25983>

17. Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> .

18. Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2024/02-29/tQ1QjJBq/Doklad_05-2024/4-0_05-2024.doc

19. Dzen.ru: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/XLGE88xZWwCzuFAe> .

20. Адаптация и интеграция мигрантов сборник эффективных практик // Ред. : Панич Б.Л. – СПб: L-PRINT, 2018. URL: <http://migrussia.ru/images/migrantadaptation.pdf> .

21. Выборочный метод в эмпирическом социологическом исследовании : [учеб. пособие] / Е. Л. Могильчак ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 120 с. ISBN 978-5-7996-1479-9.

22. Демографическая модернизация России, 1900–2000 Д31 Под ред. А.Г. Вишневого М.: Новое издательство, 2006. — 608 с., С. 139

23. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И.

Валентей. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 608 с. URL: <http://geography.su/demogr/item/f00/s00/e0000643/index.shtml> .

24. Международная организация по миграции (МОМ), 2023 г. Базовая оценка и исследование по МОП: возвращающиеся трудящиеся мигранты в Таджикистане. МОМ, Таджикистан. URL: https://dtm.iom.int/sites/g/files/tmzbd11461/files/reports/TJ_Baseline%20and%20Returning%20Migrant%20Worker%20Survey%20Round%201_RUS.pdf .

25. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов /Под ред. А.П. Садохина. – М.: Юнити-Дана, 2003. – 352 с. ISBN 5-238-00359-5.

26. Проблемы адаптации и качество жизни трудовых мигрантов и членов их семей в Свердловской области. Аналитический доклад / под общей редакцией д-ра экон.наук Козловой О.А.; кол.авт.; Институт экономики УрО РАН. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2023.

27. Проблемы формирования социальной идентичности жителей уральского мегаполиса и иноэтничных мигрантов : монография / И. Б. Бритвина, А. М. Бритвин, Г. А. Савчук, П. А. Шумилова, В. А. Франц ; под общ. ред. проф. И. Б. Бритвиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 107 с. ISBN 978-5-7996-2514-6.

28. Управление персоналом: Учебник для вузов /Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М: ЮНИТИ, 2002. —560 с.

29. Хорошая практика в области интеграции мигрантов: пособие для слушателей // Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). — Warsaw, Poland, 2019. — ISBN 978-83-66089-88-4. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/d/2/440825_0.pdf .

30. Элементы теории социального конфликта // Московская школа конфликтологии: [сайт]. URL: <https://conflictmanagement.ru/elementyi-teorii-sotsialnogo-konflikta/> .

31. Авдашкин А.А., Киргизы на Южном Урале: между локальными группами и принимающим сообществом [электронный ресурс] // Этнография / Etnografia — 2021. № 4 (14). URL:

https://etnografia.kunstkamera.ru/files/etnografia_journal/2021_04/avdashkin_4-14-2021.pdf

32. Андерсон Б., Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.

33. Беккер Ф., Каплуновский А., Этничность и Миграция: Критическое Прочтение Понятия Этничности в Миграционных Исследованиях // *Ab Imperio*, 2001. — vol. 2001 № 3. — pp. 67-95. DOI 10.1353/imp.2001.0097.

34. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы [Электронный ресурс] // Развитие личности. — 2001. — № 3/4. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html.

35. Блумер Г. Коллективное поведение / Пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль: Тексты / Сост. Е. И. Кравченко; под В. И. Добренкова. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 90-115. ISBN 5-211-03099-0

36. Бритвина И. Б., Миграция и эффективность массовой коммуникации : [учеб.-метод. пособие] / И. Б. Бритвина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 162 с. ISBN 978-5-7996-1173-6.

37. Бритвина И.Б., Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ: дис. д-ра социологических наук : 22.00.06 // Ирина Борисовна Бритвина ; УрГУ им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2006. — 353 стр.

38. Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л., Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. Социология. Этнология — 2018 — 27(1). — с. 114-134. DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134

39. Бромлей Ю. В., Очерки теории этноса / Перев. Н. Я. Бромлей. — 2-е, доп. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 440 с.

40. Бурдьё П., Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» / П. Бурдьё // *Ab Imperio*. - 2002. - № 3. - С.45-60.

41. Бурдьё П., Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв.

ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с. — (Серия «Gallicinium»). ISBN 978-5-903354-054

42. Варшавер Е.А., Как устроено российское гетто? : [электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.org/video/94077> .

43. Варшавер Е.М., Интеграция мигрантов : [электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/94077> .

44. Вишневецкий Ю. Р., Нархов Д. Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть. – 2018. – № 1 (69). – С. 31–39.

45. Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А. Таджики и узбеки в Республике Татарстан: биографии диаспор и повседневные практики: монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 100 с.

46. Геллнер Э., Нации и национализм// М.: Прогресс, 1999. Электронная библиотека. URL: https://royallib.com/book/gellner_ernest/natsii_i_natsionalizm.html

47. Герасимова И.В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] / Наука. Общество. Оборона. М 2019. – Т. 7. № 4. DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10211. URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2019-4-21/article-0211/>

48. Гидденс Э., Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. - 2-е изд. -М.: Академический Проект, 2005. - 528 с.

49. Гофман И., Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. Статья Г.С. Батыгина I М.: Институт социологии РАН, 2003. — 752 с. ISBN: 5-93947-011-4

50. Гофман И., Представление себя в повседневной жизни. / Пер. Антонова Е. – СПб: Питер – 2021. – 304 с. – Мастер психологии. – ISBN: 978-5-4461-1685-0.

51. Гофман И., Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. // Пер. М.С.Добряковой, URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/41800.html> .

52. Губогло М. Н., Идентификация идентичности : этносоциологические

очерки / Губогло М. Н.— Москва : Наука, 2003. — 763 с. – ISBN 5-02-008856-0.

53. Гуссерль Э. Избранные работы [Текст] / Э. Гуссерль. - М. : Территория будущего, 2005. – 465 с.

54. Дробижева Л.М., Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с. – ISBN 5-88790-064-4.

55. Дубинина Е. Н., Петрова Т. Э. Государственная идентичность как основа автономии современных государств. // *Advances in Law Studies*. – 2020. – №. 4. – С. 1-5. DOI 10.29039/2409-5087-2019-7-4-1-5.

56. Дюги Л., Конституционное право. Общая теория государства: монография / Дюги Л. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 427 с.

57. Дюркгейм Д. Э., О разделении общественного труда. Метод социологии / Д.Э. Дюркгейм. М.: Наука, 1991. – Серия: Социологическое наследие. – 575 с. ISBN 5-02-013399-X.

58. Жаде З.А., Российская идентичность как многоуровневая структура // Электронный ресурс: URL: <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm>. .

59. Заковоротная М.В. «Культурная-национальная- космополитическая» идентичность: концептуальные изменения в XXI веке // *Ценности и смыслы*. – М.: 2010. – №5 (8). – С. 24 - 26

60. Захаров С.В., Рождаемость в России: первый и второй демографический переход. Электронное издание «Демоскоп Weekly»: [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html .

61. Зборовский Г. Е., Социальные общности и их временные характеристики / Г. Е. Зборовский // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры*. — 2014. — № 1 (123). — С. 148-158.

62. Кастельс М., Информационная эпоха, экономика и общество. Электронная библиотека Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php .

63. Келли Д.А. Теория личности (Теория личных конструкторов). – СПб:

Речь, 2000. – 249с. URL: <http://iakovlev.org/zip/kelly.pdf> .

64. Клупт М.А., Теория демографического развития: институциональная перспектива // *Общественные науки и современность*, №2. 2005, с. 139-149.

65. Ковалева А. И., Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // *Социология и жизнь*. – 2019. – №4. – С. 89-103. DOI 10.17805/zpu.2019.4.7.

66. Коган А. Н., Социология культуры: Учеб. пособие. // Екатеринбург: УрГУ, 1992. – 120 с.

67. Козер Л., Функции социального конфликта. // М.: Идея-Пресс, 2000. – 208с. – Дом интеллектуальной книги.

68. Коллинз Р., Четыре социологических традиции. Перевод Вадима Россмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». — 320 с.

69. Конт О., Общий обзор позитивизма: Пер. с фр. / Под ред. Э. Я. Радлова. Изд. 3-е., — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 296 с.

70. Крысько В.Г., Этнопсихологический словарь. — М.: ПИСИ, 1999. — 343 с.

71. Кули Ч.Х., Человеческая природа и социальный порядок // Пер. с англ. под общей научной редакцией Толстова А. Б.— М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. — 320 с.

72. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений // М.: МАКС Пресс, 2011. — ISBN 978-5-317-03770-3.

73. Лебедева Н.М., Социальная психология аккультурация этнических групп : Дис. д-ра психол. наук : 19.00.05 / Надежда Михайловна Лебедева ; Российская академия государственной службы при Президенте РФ. Москва, 1997. – 310 с.

74. Лебедева Н.М., Социальная психология этнических миграций / Н.М. Лебедева. – Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. – 196 с. – 14 печ. л. ISBN 5-201-00846-1.

75. Лебедева Н.М., Татарко А. Н., Методы этнической и кросскультурной психологии / М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 240 с. ISBN: 978-5-7598-0867-1.

76. Леденева В. Ю., Осадчая Г. И., Юдина Т. Н. Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспекты // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 69-80. EDN TJVNRM. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-69-80.

77. Лисицын П.П., Орлова Н.А., Степанов А.М. Миграционное поведение: принцип снижения трудозатрат Дж. Зипфа // Социологический журнал. – 2022. – Том 28. № 3. – С. 72–90. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9152.

78. Льюис Р.Д., Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию // Льюис Р.Д.. Пер. с англ. – М. : Дело, 1999 – 440 с.

79. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: в 3 т. — М.: Политиздат, 1985. Т. 1. – 635 с.

80. Меренков А. В., Система детерминации человеческой деятельности / А. В. Меренков ; М-во образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. горно-геол. акад. : Банк культурной информации], 2003. — 229 с.

81. Меренков А. В., Человек: взаимосвязь природного и социокультурного : [монография] / А. В. Меренков ; Федер. агентство по образованию, Урал. гос. горный ун-т. — Екатеринбург : [Изд-во УГГУ], 2007. — 279 с. ISBN 5-8019-0131-0.

82. Мейер Э., Карта культурных различий. Как люди думают, говорят и добиваются целей в международной среде // пер. Толмачев А.Н., Ред.Амелина А. // М.: Библос, 2018. – 282 с. ISBN: 978-5-905641-56-5

83. Могильчак Е. Л., Выборочный метод в эмпирическом социологическом исследовании : [учеб. пособие] / Е. Л. Могильчак ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 120 с. ISBN 978-5-7996-1479.

84. Осадчая Г. И., Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской агломерации / Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаяева // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2023. – Т. 3, № 4. – С. 78– 91. DOI 10.19181/demis.2023.3.4.5. EDN OFLPIM.

85. Парсонс Т., О социальных системах / Пер. с англ.; под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. / М.: Академический проект, 2002. – 832 с. ISBN 5-8291-0242-0.

86. Парсонс Т., О структуре социального действия. // Изд. 2-е. - М.: Академический проект, 2002.- 88 с. URL: https://vk.com/doc294986242_627459320?hash=sJ0m9jjZ6cXwjVQU7Vv7dt4jz60Vh3KBiAWcedPLTpH .

87. Парсонс Т., Система современных обществ/Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. –270с.

88. Парсонс Т., Социальные системы // Вопросы социальной теории. – 2008. – Том II. Вып. 1(2). – С. 38-71. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2008/parsons.pdf> .

89. Руденко В. В., Общероссийская гражданская идентичность как конституционно-правовая категория в России / В. В. Руденко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022 –. Том 8. № 1 (29). – С. 173-188. DOI 10.21684/2411-7897-2022-8-1-173-188.

90. Рыбаковский Л. Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 78-83 URL: https://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_12/Rybakovsky.pdf .

91. Рыбаковский Л. Л., Классификация миграции: основания и таксоны // Народонаселение. – 2016. – №3 (73).

92. Рыбаковский Л. Л., Миграция населения : учебное пособие для вузов / Л. Л. Рыбаковский. — М. : Издательство Юрайт, 2024. — 480 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-11727-1.

93. Рыбаковский Л.Л., Шапиро В.Д. Методика социологического изучения демографического поведения. // Выпуск 1. Миграционное поведение. – М.: Институт социологических исследований, 1985. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=697 .

94. Рязанцев С. В., Вклад миграции в демографическое и социально-экономическое развитие России // Наука. Культура. Общество. – 2018. – Том. 24. № 4. – С. 19-27. EDN: YPVAOL

95. Рязанцев С.В., Леденева В.Ю., Мищук С.Н. Влияние миграции на трансформацию этнического состава населения России: тенденции и подходы к политике адаптации мигрантов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16. № 1. – С. 104–116.

96. Санина А.Г., Павлов А.В., Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы. // Управленческое консультирование. – 2015. – №9. – С. 30-40.

97. Селиверстова Ю. А. (2020). Демографическое будущее Китая. Демографическое обозрение, 7(4), – С. 149-165. DOI 10.17323/demreview.v7i4.12047

98. Сигарева Е. П., Сивоплясова С.Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 68-91. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6., URL: <https://rrsociology.ru/journal/annotation/2704/> .

99. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. / М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с. ISBN 5-201-02323-1, 5-8291-0028-2

100. Табасаранский, Р. С. Миграция в современном мире: трансформация из социального явления в социальный институт // Вестник МГПУ, серия «Философские науки». – 2023. – №2 (46). DOI 10.25688/2078-9238.2023.46.2.7

101. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки (1918) //

Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. - М.: Изд. МГУ, 1994. – 343с.

102. Турен А., Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М.: Научный мир, 1998. — 204 с. – ISBN 5-89176-042-8.

103. Узнадзе Д. Н., Психология установки. // СПб.: Питер, 2001. – 416 с. ISBN 5-318-00163-7 – С. 29.

104. Узнадзе Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки : общее учение об установке / Д.Н. Узнадзе. – Москва // Хрестоматия по психологии : учебное пособие для студентов педагогических институтов. – М.: Просвещение, 1977. – С. 229-236.

105. Урри Дж., Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. — 576 с. ISBN 978-5-901574-98-0.

106. Фромм Э. З., Здоровое общество. Догмат о Христе. М: АСТ: Транзиткнига, 2005. – Серия Philosophy —571с. ISBN 5-17-026540-9, 5-9678-1336-2.

107. Хантингтон С.П., Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ, 2008. – 640 с. – Philosophy. ISBN: 978-5-17-024800-1.

108. Щербакова Е.М., Миграция в России по итогам первого полугодия 2024 года // Демоскоп Weekly: демографический барометр. – 2024 - № 1047 - 1048 URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01047/barom01.php>. ISSN 1726-2891

109. Шнейдер Л.Б., Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: Учеб. пособие. М. : 2004. URL: http://psychlib.ru/mgppu/sh1/SH1-003-.htm#p3_.

110. Щюц А., Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Щюц. - М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с

111. Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». – 2004. — 397 с. ISBN 5-94798-457-1.

112. Юмагузин В. В., Винник М. В. Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2023 – № 1 (58). – С. 48–64. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_48
113. Ядов В. А., Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. – 1990. – Социологическое исследование: методология, программы, методы. – № 2 – Самара: 2006.
114. Ядов В.А., Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. // М. : ЦСПиМ, 2013. – 376 с. ISBN 978-5-906001-04-7.
115. Ядов В.А., Социальная идентификация в кризисном обществе// Социологический журнал. – 1994. – №1. – С. 35 – 52.
116. Ajzen I., Attitude theory and the attitude-behavior relation In book: New directions in attitude measurement // Berlin: Walter de Gruyter, Editors: Dagmar Krebs, Peter Schmidt, 1993. - pp.41-57.
117. Allport H., Social Attitudes and Social Consciousness / Classic Contribution to Social Psychology. – N.Y.: Oxford University Press, 1972. – pp. 189-190.
118. Berger, J., Cohen, B. P., Zelditch, M., Status Characteristics and Social Interaction // American Sociological Review. – 1972. – № 37(3). – pp. 241–255. DOI /10.2307/2093465.
119. Bochner, S. Culture Shock Due to Contact with Unfamiliar Cultures // Online Readings in Psychology and Culture. – 2003. – № 8(1). DOI 10.9707/2307-0919.1073.
120. Bochner S., Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction // Elsevier. Oxford. – 2016 г. – 248 p.
121. Brewer M. B., In-group bias in the minimal intergroup situation: A cognitive-motivational analysis. Psychological Bulletin. – 1979. – 86(2), 307–324с. DOI 10.1037/0033-2909.86.2.307.
122. Brewer M.B., The many faces of social identity: implications for political psychology // Political psychology, International society of political psychology. – 2001. – vol.22, № 1. – pp.115-125.

123. Brubaker R., Cooper F. Beyond “identity”. *Theory and Society* – 2000. – 29(1) – pp. 1-47. DOI 10.1023/A:1007068714468.
124. Burke P.J., Identities and Social Structure: the 2003 Cooley-Meed Award Address // *Social Psychology Quarterly*. – 2004. – vol.67. №1. – pp.5-15. DOI 10.1177/019027250406700103
125. Constant A., Kahanec M., Zimmermann K., Attitudes towards immigrants, other integration barriers, and their veracity Introduction // *International Journal of Manpower*. – 2008. – № 30. – pp. 5-14. DOI 10.1108/01437720910948357.
126. Davies, K., Tropp, L. R., Aron, A., Pettigrew, T. F., Wright, S. C., Cross-Group Friendships and Intergroup Attitudes: A Meta-Analytic Review // *Personality and Social Psychology Review*. – 2011. – № 15(4). – pp. 332-351. DOI: 10.1177/1088868311411103 .
127. Ertanir B., Ward, C., Puente-Durán S., Cobb C. L., Meca A., García M. F., Szabó Á., Stuart J., Salas-Wright C. P., Cano M. Á., Unger J. B., Alpysbekova A., Schwartz S. J. // Cultural Stressors and Cultural Identity Styles Among Hispanic College Students // *The Counseling Psychologist*. – 2024. – № 52(3). – pp. 443-476. DOI: 10.1177/00110000231225473 .
128. Gadamer H. G., Truth and Method [Электронный ресурс]. – NY: Sheed and Ward, 2004. URL: https://d11.cuni.cz/pluginfile.php/908863/mod_resource/content/1/truth-and-method-gadamer-2004.pdf (дата обращения 18.08. 2024)
129. Goodnow J.J., Kessel F., Miller P.J., Cultural Practices as Contexts for Development: New Directions for Child and Adolescent Development // Сан-Франциско : Джосси-Басс, 1995. – № 67. URL: https://www.academia.edu/1901785/Cultural_practices_Toward_an_integration_of_culture_and_development.
130. Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // *Comparative Migration Studies*. 2021.№ 9 (1)8. Pp. 1-35. DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4.
131. Held D., The Changing Contours of Political Community: Rethinking

Democracy in the Context of Globalisation. // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*. – 1999. – № 94. – pp. 30–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/41802122>.

132. Iqbal A., Haque N., Kamal M., Islam T., Khan M., Islam M., Uddin. I., Internal Migration and SocInternal Migration and Socio-Economic Status of Migrants A Study in Sylhet City Bangladesh// *American Journal of Human Ecology*. – 2012. – №1. Pp. 123-133. URL: <https://www.researchgate.net/publication/305767641>.

133. Lee E. A Theory of Migration // *Demography*. – 1966. – № 3. – P. 47-57. URL: <https://emigratecaportuguesa.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/04/1966-a-theory-of-migration.pdf> .

134. Massey D. S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration // *Population Index*. –1990. – vol. 56, № 1. pp. 3–26. DOI /10.2307/3644186.

135. Mead G.H., *Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist* // Chicago: University of Chicago, 1934. URL: <https://ddong.narod.ru/meaden1/index.htm>.

136. Mukomel V. I., Integration problems of internal ethnic migrant workers / *Этносоциология*. – 2016. № – С.69-79. URL: https://www.researchgate.net/publication/307960086_Integration_problems_of_internal_ethnic_migrant_workers.

137. Mukomel V. I., *Integration of Migrants: Russian Federation*. Robert Schuman Centre for Advanced Studies // San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27862/CARIM-East_RR-2013-02.pdf?sequence=1&isAllowed=y .

138. Naveed A., Wang C., Can Attitudes Toward Immigrant Explain Social Integration in Europe? EU versus Non-EU Migrant // *Soc Indic Res* 153, 2021. – pp. 345–383. DOI 10.1007/s11205-020-02492-8 .

139. Parsons T.A. Revised analytical approach to the theory of social stratification // *Class, status and power* / Glencoe: The Free Press, 1953. – pp. 166-167.

140. Rosenstock I.M., *Historical Origins of the Health Belief Model* // *Health*

Education & Behavior, 1974. – № 2(4). – Pp. 328-335. DOI 10.1177/109019817400200403.

141. Rothman J., Alberstein M., Individuals, Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and its Creative Engagement // SSRN Electronic Journal. – 2013. DOI 10.2139/ssrn.2273330 https://kb.osu.edu/bitstream/handle/1811/77275/OSJDR_V28N3_631.pdf?sequence=1 .

142. Rummel R.J. Understanding conflict and war, vol. 2: The conflict helix. // Beverly Hills, California: Sage Publications, 1976. URL: <https://www.hawaii.edu/powerkills/TCH.CHAP17.HTM> .

143. Santiago J., The Impact of Religious Rituals on Cultural Identity: Review of the Relationship between Religious Practices and Cultural Belonging / International Journal of Culture and Religious Studies. – 2023. – № 4(2). – pp. 13–22. DOI 10.47941/ijcrs.1346

144. Saxe G B. Cognition, development, and cultural practices // New Directions for Child and Adolescent Development. – 1999. – T. 1999. №. 83. – P. 19-35.

145. Sherif M. In common predicament: Social psychology of intergroup conflict and cooperation // Houghton Mifflin, Boston : 1956. – 192 p.

146. Swidler A., What anchors cultural practices // The Practice Turn in Contemporary Theory / K K. Cetina, T.R. Schatzki, E. Von Savigny (eds.). London, NY: Routledge. – 2005. – pp. 83–101.

147. Tajfel H. Experiments in Intergroup Discrimination. // Scientific American. – 1970. – vol. 223, № 5. – P. 96–103. URL: <http://www.jstor.org/stable/24927662> .

148. Tajfel H., Social Identity and Intergroup Relations / Cambridge University Press. –Cambridge, 1982. – pp. 546.

149. Tajfel H., Turner J. C., An integrative theory of intergroup conflict.// In W. G. Austin, & S. Worchel (Eds.), The social psychology of intergroup relations. Monterey CA: Brooks/Cole. – 1979. – pp. 33-37

150. Taylor J. E., «Differential Migration, Networks, Information and Risk» in Research in Human Capital and Development / Greenwich: JAI Press, 1986. - vol. 4. – pp. 147-71.

151. Thomas W. I., Znaniecki F., The polish peasant in Europe and America. Monograph of an immigrant group // Boston: The Gorham press, 1918. – pp. 526. URL: <https://ia804500.us.archive.org/31/items/polishpeasantine01thomuoft/polishpeasantine01thomuoft.pdf>.

152. Turner J. Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behaviour // Advances in Group Processes / Ed. E. Lawer. –1985. – Vol. 2. – pp. 77–121

153. Tutić A., Grehl S. Status Characteristics and the Provision of Public Goods: Experimental Evidence // Sociological Science, 2018. – № 5(1). – pp. 1-20. DOI: 10.15195/v5.a1. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=11914&type=publ>.

154. Urquia M.L, Gagnon A.J., Glossary: migration and health // J Epidemiol Community Health. – 2011. – №65(5). – pp. 467-72. DOI 10.1136/jech.2010.109405.

155. Wark C., Galliher J., Emory Bogardus and the Origins of the Social Distance Scale // Am Soc 38 . – 2007. – Pp. 383–395. DOI 10.1007/s12108-007-9023-9

156. Weber M., Economy and society [Электронный ресурс]// ed. by Roth G. and Wittich C. – Berkley and Los Angeles: University of Berkley, 1978. – pp.1469. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=MILOksrhgrYC&oi=fnd&pg=PR1&dq=false&redir_esc=y#v=onepage&q=false&f=false

Приложение 1. Форма опроса методом стандартизированного интервью мигрантов из стран Центральной Азии (N=231, 2017 г).

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Можно Вас попросить ответить на несколько вопросов о вашей жизни в России, в Екатеринбурге? Мы изучаем проблемы мигрантов из стран Центральной Азии при переезде в Россию, и поэтому ваше мнение очень важно для нас. Фамилию, имя, телефон указывать не нужно. Опрос является анонимным. *Огромное вам спасибо заранее за уделённое нам время!*

Интервьюер! Вы должны работать методом стандартизированного интервью, т. е. опросник не надо давать в руки респондентам. Вопросы надо зачитывать вслух и ответы в опросник заносить самому, а не заставлять респондентов делать отметки в нем. Сами обводите кружком, выбранный вариант ответа! Вы должны оценить какой вариант ответа подходит данному респонденту. Если респондент затрудняется, допускается зачитать ему все варианты ответа. Опрашиваем мигрантов из стран Центральной Азии, не имеющих российского гражданства!

1. Из какой страны Вы приехали в Россию?

- 1.1 из Казахстана 1.2 из Таджикистана 1.3. из Узбекистана
1.4 из Киргизии 1.5 из Туркмении 1.6 из другой _____

2. Как долго Вы уже находитесь в России?

- 2.1 менее полугода 2.2 от полугода до года
2.3 от одного до двух лет 2.3 от двух до трёх лет
2.4 более трёх лет 2.5 не знаю, не помню

3. Как долго Вы уже находитесь в Екатеринбурге?

- 3.1 менее полугода 3.2 от полугода до года
3.3 от одного до двух лет 3.3 от двух до трёх лет
3.4 более трёх лет 3.5 не знаю, не помню

4. Вы в первый раз или нет приехали в Екатеринбург?

- 4.1 до Екатеринбурга я жил(а) в других городах России (*Каких?*) _____
4.2 я приехал(а) в Екатеринбург впервые

5. Какова цель вашего переезда в Екатеринбург? (*записать точно, как скажет*) _____

6. Каким Вы себе представляли Екатеринбург, когда только собирались ехать сюда?

Ваши сегодняшние впечатления о Екатеринбурге совпали или нет с вашими представлениями о нем?

- 6.1 полностью совпали 6.2 частично совпали
6.3 совершенно не совпали 6.4 не знаю, трудно сказать
6.5 никак не представлял(а) себе этот город до переезда

7. Какая проблема (проблемы) была (были) для вас самой трудно разрешимой после переезда в Екатеринбург? (*записать точно, как скажет?*) _____

8. По вашему мнению, Вы уже привыкли к жизни в Екатеринбурге или ещё нет?

- 8.1 полностью привык(ла) 8.2 к чему-то привык(ла), а к чему-то ещё нет
8.3 пока не могу привыкнуть 8.4 не знаю

9. Согласны лично Вы или нет? (*дать ответ по каждой строке*)

	согласен	не согласен	не знаю
9.1 нужно хорошо знать русский язык			
9.2 нужно соблюдать культурные нормы, принятые в России (<i>нормы общения, поведения, отношение к женщинам и т.д.</i>)			
9.3 нужно соблюдать российские законы			

9.4 нужно стараться селиться в домах, в кварталах, в районах вместе с русскими			
9.5 нужно стараться не отличаться от жителей Екатеринбурга внешне по стилю одежды			
9.6 <u>не нужно</u> требовать на рабочем месте специальной комнаты для молитвы			
9.7 <u>не нужно</u> занимать рабочие места, которые нужны самим жителям Екатеринбурга			

10. В каком качестве или по какому поводу Вы чаще всего общаетесь с жителями Екатеринбурга? (отметьте все необходимые варианты)

- 10.1 по работе
- 10.2 как соседи по дому, по двору
- 10.3 как друзья
- 10.4 как родственники
- 10.5 как родители детей (школа, детский сад, спортивная секция и др.)
- 10.6 как посетители больниц (для взрослых, для детей)
- 10.7 как посетители кафе, почты, в полиции, в торговых центрах, в кино, на рынке и т. д.
- 10.8 как исполнители услуг (ремонт жилья, уборка помещений и др.)
- 10.9 во время прогулок по улицам города, во дворе, в парках, в скверах
- 10.10 в каком ещё качестве Вы контактируете с екатеринбуржцами? (записать, как скажет) _____
- 10.11 практически не контактирую с жителями Екатеринбурга

11. Когда Вы познакомились с российскими законами?

- 11.1 знал(а) их ещё до переезда в Россию
- 11.2 уже в России, когда переехал(а)
- 11.3 плохо знаю их и сейчас
- 11.4 трудно сказать

12. Откуда Вы узнаете новости про русских, про Россию, про Екатеринбург? (отметьте все нужные варианты)

- 12.1 через русских при встречах с ними
- 12.2 через русских в социальных сетях
- 12.3 через приезжих своей национальности при встречах с ними
- 12.4 через приезжих своей национальности в социальных сетях
- 12.5 через родственников при встречах с ними
- 12.6 из передач по телевидению
- 12.7 читаю новости в Интернете
- 12.8 из радиопередач
- 12.9 из сообщений в газетах
- 12.10 из других источников (укажите из каких) _____
- 12.11 никак не получаю о россиянах никакой информации

13. Если бы Вас попросили охарактеризовать жителей Екатеринбурга, что бы Вы в первую очередь сказали о них? Какие они? (записать, как скажет) _____

14. По вашему мнению, насколько культурно ведут себя жители Екатеринбурга?

- 14.1 ведут себя по-разному
- 14.2 многие ведут себя вполне культурно
- 14.3 многие ведут себя совершенно не культурно
- 14.4 не знаю

15. В какой степени лично Вы готовы менять свои культурные привычки (поведение,

обычай, нормы взаимоотношений, стиль одежды) для того, чтобы безопасно жить в Екатеринбурге?

15.1 совершенно не готов(а) менять свои культурные привычки

15.2 ради безопасности частично готов(а) поменять свои культурные привычки

15.3 готов(а) кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить комфортное и безопасное сосуществование с екатеринбуржцами

15.4 не знаю

16. Представители каких национальностей вызывают у Вас личную неприязнь, раздражение?

16.1 это прежде всего (запишите какие) _____

16.2 никакие национальности не вызывают у меня неприязни

16.3 затрудняюсь ответить

17. Какое место должна занимать русская культура среди других национальных культур России?

17.1 считаю, что русская культура должна занимать ведущее место в России

17.2 считаю, что среди национальных культур России никакая не должна выделяться особо

17.3 не знаю

18. Какие национальные традиции Вы соблюдаете? (отметьте все нужные варианты ответа)

18.1 регулярно молюсь

18.2 регулярно бываю в мечети

18.3 отмечаю главные религиозные праздники

18.3 посещаю уличные праздники

18.4 стараюсь придерживаться национального стиля в одежде

18.5 интересуюсь литературой на национальном языке

18.6 умею готовить национальные блюда

18.7 интересуюсь историей своего народа

18.8 другое (запишите, что ещё) _____

18.9 затрудняюсь ответить

19. Хотите Вы или нет получить российское гражданство?

19.1 да, хочу

19.2 нет, не хочу

19.3 не знаю, не думал(а)

20. Какое гражданство Вы хотите иметь?

20.1 только гражданство своей страны

20.2 только российское гражданство

20.3 двойное гражданство (российское и своей страны)

20.4 не знаю

21. Хотите Вы или нет переехать навсегда? (дать ответ по каждой строке)

• В Россию?

1. да, хочу

2. нет, не хочу

3. не знаю

• В Екатеринбург?

1. да, хочу

2. нет, не хочу

3. не знаю

22. По вашему мнению, культура вашего народа и русская культура разделены как берега: (зачитать варианты ответа)

22.1 ручейка

22.2 речки

22.3 океана

22.4 не знаю

Это был вопрос на субъективное восприятие культурной дистанции: малая, средняя и большая. Ответ надо получить обязательно!

23. Ваша вера?

- 23.1 ислам
- 23.2 православие
- 23.3 католичество
- 23.4 протестантизм
- 23.5 другое (напишите какую) _____
- 23.6 считаю себя атеистом

24. Случалось ли Вам лично сталкиваться с проявлениями национализма в Екатеринбурге (т.е. когда проявляется превосходство одной национальной группы за счёт унижения другой)?

- 24.1 да, это часто происходит в Екатеринбурге
- 24.2 да, но это происходит редко
- 24.3 нет, ничего подобного не встречал(а)
- 24.4 не знаю

25. Как Вы относитесь к националистическим организациям (выступают за интересы только одной национальной группы и противопоставляют ее другим)?

- 25.1 полностью положительно
- 25.2 скорее положительно
- 25.3 безразлично
- 25.4 скорее отрицательно
- 25.5 полностью отрицательно
- 25.6 не знаю

26. Какие национальные особенности Вы бы хотели перенять у русских? (записать как скажет) _____

27. Какие национальные особенности русских вызывают лично у Вас осуждение? (записать) _____

28. С кем Вам лично проще общаться в России? (получить ответ по каждому варианту)

- 28.1 с мужчинами или женщинами? (записать) _____
- 28.2 с молодыми или пожилыми? (записать) _____
- 28.3 с имеющими семью или с не имеющими её? (записать) _____
- 28.4 с кем по национальной принадлежности (записать) _____

29. Ваш возраст:

- 29.1 16–17 лет
- 29.2 18–22 лет
- 29.3 23–29 лет
- 29.4 30–54 лет
- 29.5 55 лет и старше

30. Ваше образование:

- 30.1 Среднее и ниже (школа, училище)
- 30.2 Среднее специальное (колледж, техникум)
- 30.3 Незаконченное высшее и высшее (вуз)

31. В какой степени Вы владеете русским языком? (интервьюер может сам оценить степень владения языком и не задавать этот вопрос)

- 31.1 могу понять, что мне говорят по-русски, но мне трудно ответить

31.2 могу хорошо общаться на русском языке (и понимать и отвечать)

31.3 могу не только общаться, но и писать, и читать на русском языке

32. В каком районе Екатеринбурга Вы проживаете? (записать) _____

33. Записать пол респондента не спрашивая:

33. 1 мужской

33. 2 женский

Приложение 2. Форма опроса методом глубинного интервью иноэтнических мигрантов из стран Центральной Азии

ГИД по интервью

1. Блок. Вопросы, связанные с классификацией мигрантов.

Национальность? Возраст? Пол? Тип миграции (постоянная, маятниковая)? Образование? Как давно стали приезжать в Россию? В какой сфере трудятся? Наличие семьи? Откуда родом (город, деревня)? Хотят работать или учиться? Цель приезда в Россию?

2. Блок. Трудности мигрантов в России.

Какое было первое впечатление от России и народа, живущего здесь?

С какими трудностями столкнулись, когда первый раз приехали в Россию? Если это документы, то какие именно сложности и как их решали?

Если это язык, то как выучили, почему не учили заранее, что самое сложное в освоении языка. Готовы ли они или их соотечественники уделить особое внимание изучению языка. Если да, то где – на Родине или в России. Если в России, то где бы они его стали изучать/улучшать.

Какие трудности можете назвать сейчас?

Есть ли сложности в общении с местными? Какие именно? Почему?

По какому поводу обычно происходит общение? Это общение на работе, дружеские отношения или романтические?

3. Блок. Отношение к России и русским. Желание интегрироваться.

1) Хотели бы вы, что бы Ваши дети ездили в Россию (или переехали бы жить)?

Представьте, что Ваш сын или дочь отправляются в Россию, о чем бы Вы рассказали им в первую очередь?

Что бы Вы им посоветовали и что запретили бы делать в России? Почему?

Что бы Вас порадовало из новостей о России?

2) Представьте, что молодой человек получил Российское гражданство. Как он поступит дальше?

3) Представьте мужчину, Вашего соотечественника, на руководящей должности (милиция, директор школы, депутат). Какие бы нововведения Вы посоветовали ему совершить?

4) Продолжите фразу: мой друг не хочет жить в России потому, что....

5) Опишите средний портрет русского мужчины, женщины, ребенка. На выбор или каждого?

6) Представьте свадьбу девушки из вашей страны и русского мужчины. Что происходило до этого и что будет после?

7) Что есть в России, чего нет у вас на Родине?

8) Один из респондентов сказал, что если он получит гражданство и останется жить в России, то никогда не станет таким же как Русские. Почему он так сказал?

4. Блок. Национальные традиции.

Соблюдаете ли Вы свои национальные традиции? Какие именно? Опишите их (время, частота, место, атрибуты, условия). Вы это делаете по своему желанию или нет? Нравится ли Вам соблюдать свои национальные традиции? Готовы ли вы отказаться от их соблюдения? По каким причинам? При каких условиях? Это трудно или легко? Почему? Если трудно, то ради чего были бы готовы отказаться от культурных традиций? От каких именно? Какие бы сохранили в любом случае?

5. Блок. Каналы культурного взаимодействия.

Как часто вы общаетесь с местными? Где? С кем общаетесь чаще всего? Хотели бы общаться больше? Где и с кем? Почему?

Как часто у вас есть свободное (досуговое) время? Чем занимаетесь в свободное время?
Где его проводите?

Куда хотели бы сходить? Почему? Откуда берете информацию о тех местах, которые хотелось бы посетить?

На каких праздниках любите бывать? Почему?

Куда бы хотели, чтобы вас пригласили?

Какие ресурсы используете в интернете? Какие смотрите каналы на ТВ? Какую слушаете музыку: свою, русскую, международную. По радио или нет?

Где покупаете себе еду и одежду, если делаете это сами?

Приложение 3. Форма опроса методом глубинного интервью жителей Екатеринбурга

Гид по интервью

Информация о респонденте:

Пол _____ (записать не спрашивая)

Возраст _____

Наличие семьи, детей _____

Образование _____

Сколько лет проживает в Екатеринбурге _____

Блок 1. Актуальность взаимоотношений с мигрантами из стран Центральной Азии.

Имеет ли респондент опыт взаимодействия с нерусскими мигрантами из стран Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан). В каких ситуациях он с ними взаимодействовал? Какие ситуации взаимодействия с ними, в которые он попадал, он рассматривает как типичные? Какие как особенные, выходящие за рамки обычного? Какие ситуации ему особенно запомнились, произвели впечатление. Почему? Попросить вспомнить и рассказать.

Блок 2. Готовность к разным формам взаимодействия с мигрантами из стран Центральной Азии.

Какие ситуации взаимодействия с мигрантами допускают для себя респонденты? Почему? В каких ситуациях взаимодействия с мигрантами они чувствуют себя наиболее комфортно? Какие ситуации кажутся им совершенно недопустимыми. Почему? Нужно попросить описать эти ситуации, попробовать обойти стереотипные высказывания и понять, что именно стоит за ними.

Блок 3. Понимание и принятие культуры жителей стран Центральной Азии.

Ценностное отношение к данным культурам: как респондент относится к культуре стран Центральной Азии? Различает он или нет культуры этих стран? Или в целом воспринимает все эти культуры как одну культуру стран Центральной Азии? Выяснить мнение респондента о том, насколько он знаком с культурой этих стран по отдельности. Из чего, по мнению респондента, складывается культура всех стран или каждой в отдельности, какие ее основные черты, чем она принципиально отличается от нашей культуры? Что вызывает в этих культурах позитивное отношение. Что, по мнению респондента, отталкивает? Может он привести конкретный пример своего столкновения с культурой какой-то из этих стран? Что удивило, поразило его? Что никак нельзя принять, а чему надо у них поучиться? Хотел бы респондент увеличить свои знания о культуре стран Центральной Азии. Зачем? Что именно ему интересно. Из каких источников он получает информацию по этим вопросам. С кем и в каких формах обсуждает эту информацию.

Блок 4. Требования к мигрантам из стран Центральной Азии с точки зрения интеграции.

Должны ли мигранты меняться, если приезжают в Россию. Какие это должны быть изменения? Какую информацию о стране, о Екатеринбурге должны получить мигранты в первые же дни приезда в нашу страну? В одинаковой ли степени должны меняться мигранты, которые приехали на короткий срок (полгода, год) и те, кто планирует остаться жить в России и получить гражданство? Что приоритетнее, чтобы они поменяли: внешний вид, повседневные привычки, свои ценности, язык? Как можно понять, что эти изменения с мигрантами произошли, на какие вещи обращает внимание респондент? Из каких источников он получает информацию по этим вопросам. С кем и в каких формах обсуждает эту информацию.

Блок 5. Ценности респондента.

Нужно в целом расспросить респондента о его родительской семье, о тех ценностях,

которые были важны в семье в период его детства. Как относились члены его семьи к представителям культур стран Центральной Азии. Что более всего ценит в жизни сейчас? В какой сфере хотел бы в первую очередь само реализовать: в профессиональной, в семейной, в досуговой, еще в какой?

Блок 6. Собственная готовность респондента к изменениям.

Готов ли респондент менять свои повседневные привычки поведения, свои ценности, ориентируясь на присутствие мигрантов? В чем он готов меняться, чтобы чувствовать себя более безопасно и комфортно в городе, в котором уже много мигрантов из стран Центральной Азии. Пусть приведет конкретный пример в чем он уже изменил свое поведение после знакомства/столкновения с мигрантами из этих стран.

Выяснить мнение респондента, насколько он согласен с государственной политикой, способствующей притоку нерусских мигрантов из стран Центральной Азии на территорию РФ в целом, и в Екатеринбург в частности. Как понимает респондент сущность политики Правительства РФ по отношению к мигрантам и сосуществованию с ними? С его точки зрения, что от него хочет государство в вопросах миграции? Как с его точки зрения добропорядочный гражданин России должен реагировать на мигрантов?

Приложение 4. Форма анкетного опроса жителей Екатеринбурга

Уважаемые екатеринбуржцы!

Просим Вас принять участие в опросе, который направлен на изучение проблем адаптации в России мигрантов из стран Центральной Азии (*таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены*). Опрос проводят студенты УрФУ с учебной целью, однако он имеет большую социальную значимость, и поэтому мы просим Вас отнестись к нему серьезно.

В каждом вопросе обведите кружком вариант ответа, который соответствует Вашему мнению или напишите свою формулировку ответа в специальной строке. Пожалуйста, внимательно читайте инструкцию к вопросу. Свои личные данные указывать не нужно, так как опрос анонимен и его результаты будут использованы в обобщённом виде.

Спасибо за участие в опросе!

1. Как Вы относитесь к тому, что Россия постоянно принимает нерусских мигрантов из стран Центральной Азии (*таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены*), которые составляют подавляющее большинство всех внешних мигрантов?

- 1.1 отношусь положительно
- 1.2 отношусь отрицательно
- 1.3 мне это безразлично
- 1.4 не знаю

2. Как Вы относитесь к тому, что и в Екатеринбурге растёт число нерусских мигрантов из стран Центральной Азии (*таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены*)?

- 2.1 отношусь положительно
- 2.2 отношусь отрицательно
- 2.3 мне это безразлично
- 2.4 не знаю

3. Считаете ли Вы проблемой для Екатеринбурга рост числа мигрантов из стран Центральной Азии с целью поиска работы (*гастарбайтеров*)?

- 3.1 это не проблема, а наоборот решение других проблем для города
- 3.2 это проблема, которая обостряет многие другие проблемы горожан
- 3.3 не знаю

4. Какие городские проблемы помогают решить приезжие из стран Центральной Азии? (*напишите, пожалуйста*)

5. Какие городские проблемы обостряются, по Вашему мнению, из-за наплыва мигрантов из стран Центральной Азии? (*напишите, пожалуйста*)

6. По Вашему мнению, если нерусские мигранты из стран Центральной Азии хотят стать гражданами России, нужно ли им давать гражданство?

- 6.1 нужно давать гражданство
- 6.2 давать, но при соблюдении с их стороны наших законов и культурных норм
- 6.3 не нужно разрешать им получать российское гражданство
- 6.4 не знаю

7. Какие требования в первую очередь Вы бы предъявили к нерусским мигрантам (*таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены*), чтобы мы все могли комфортно жить в нашем городе? (*отметьте 2–3 самых значимых требования*)

- 7.1 знание русского языка
- 7.2 в общественных местах говорить только на русском языке

- 7.3 соблюдать культурные нормы, принятые в нашей стране
- 7.4 соблюдать наши законы
- 7.5 не создавать при расселении «этнические кварталы»
- 7.6 не демонстрировать свои культурные отличия в одежде и в поведении, в обычаях
- 7.7 не требовать особых условий для соблюдения своих религиозных обрядов
- 7.8 не претендовать на рабочие, учебные места, которые могли бы занять россияне
- 7.9 молодёжь из этих стран в России не должна вести себя вызывающе
- 7.10 какие ещё требования *(напишите, пожалуйста)* _____
- 7.11. не знаю

8. От каких характеристик нерусских мигрантов из стран Центральной Азии зависит Ваше отношение к ним? *(отметьте все нужные варианты)*

- 8.1 их уровень образования
- 8.2 страна, из которой они приехали
- 8.3 в какой сфере трудятся и какое рабочее место занимают
- 8.4 мужчины это или женщины
- 8.5 как долго живут в России
- 8.6 претендуют или нет на гражданство РФ
- 8.7 легально или нет находятся в нашей стране
- 8.8 какую религию исповедуют
- 8.9 другое *(напишите, что ещё)* - культурное поведение и их внешний вид (наличие национальной одежды), разговор на нерусском языке.
- 8.10 не знаю

9. Есть ли в кругу людей, с которыми Вы контактируете, представители следующих национальных групп: таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены?

- 9.1 есть такие люди в числе тех, с которыми я контактирую
- 9.2 представителей этих национальных групп нет в числе людей, с которыми я контактирую
- 9.3 не знаю, трудно сказать

10. Если Вы контактируете с представителями этих национальных групп, то чаще всего, в каком качестве? *(отметьте все необходимые варианты)*

- 10.1 коллеги по работе
- 10.2 соседи по дому, по двору
- 10.3 друзья
- 10.4 родственники
- 10.5 как родители детей (школа, детский сад, спортивная секция и др.)
- 10.6 как посетители учреждений здравоохранения (для взрослых, для детей)
- 10.7 как клиенты различных сервисных служб (кафе, почта и т. д.)
- 10.8 как заказчики услуг / работодатели (ремонт жилья, уборка помещений и др.)
- 10.9 во время прогулок по улицам города, во дворе, в парках, в кинотеатрах
- 10.10 в каком ещё качестве вы с ними контактируете? *(напишите)* _____
- 10.11 практически не контактирую с представителями этих национальностей

11. В деловых отношениях в первую очередь Вы готовы контактировать с мигрантом (мигранткой) из стран Центральной Азии как: *(отметьте все нужные варианты)*

- 11.1 с подчинённым
- 11.2 с партнёром

11.3 с начальником

11.4 не знаю

12. Как Вы думаете, тот факт, что мигранты из стран Центральной Азии несколько лет проживают на территории России, даёт нам основания считать их «своими» или они продолжают оставаться «чужими» для нас?

12.1 «вполне свои», если освоились и не нарушают наших законов

12.2 однозначно «чужие», так как не имеют российского гражданства и не похожи на россиян

12.3 не знаю, трудно сказать

13. Можете Вы или нет отличить по внешнему виду друг от друга представителей следующих национальных групп: таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены?

13.1 я их всех отличаю друг от друга

13.2 некоторых могу отличить, а некоторых – нет

13.3 совершенно не отличаю их друг от друга по внешнему виду

13.4 не знаю

14. Можете Вы или нет отличить на слух друг от друга языки следующих национальных групп: таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены?

14.1 я отличаю друг от друга все эти языки

14.2 некоторые языки могу отличить, а некоторые – нет (*напишите, какие отличаете*) _____

14.3 совершенно не различаю языки этих национальных групп

14.4 не знаю

15. Знакомы Вам или нет культурные особенности (*обычаи, традиции, нормы поведения*) следующих национальных групп: таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены?

15.1 хорошо знаю культурные особенности всех этих групп

15.2 знаю культурные особенности некоторых из этих групп (*напишите, каких*) _____

15.3 совершенно ничего о них не знаю

16. Через какие каналы получения информации вы преимущественно узнаете о жизни нерусских мигрантов из стран Центральной Азии на территории России, Екатеринбурга? (*отметьте все нужные варианты*)

16.1 из личных контактов при встречах с самими мигрантами

16.2 из личных контактов с самими мигрантами в Интернете (социальные сети и др.)

16.3 из личных контактов при встречах с россиянами

16.4 из контактов с россиянами в сети Интернет, через мобильную связь

16.5 из личных сообщений друзей, родственников, знакомых, коллег по работе

16.6 из передач по телевидению

16.7 читаю про них новости в Интернете

16.8 из радиопередач

16.9 из сообщений в газетах

16.10 из других источников (*укажите из каких*) _____

17. Вам известно больше положительной или отрицательной информации о мигрантах из стран Центральной Азии?

17.1 больше положительной информации

17.2 больше отрицательной информации

17.3 не знаю

18. Можете Вы или нет утверждать, что вполне привыкли к присутствию в нашем городе большого числа представителей таких национальных групп как таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены?

18.1 да, я вполне привык(ла)

18.2 частично привык(ла), т. к. их присутствие меня иногда напрягает

18.3 я совершенно не могу привыкнуть к их присутствию в городе
не знаю

19. Если бы Вас попросили охарактеризовать представителей этих национальных групп, что бы Вы в первую сказали о них? Какие они? (напишите, пожалуйста, несколько характеристик)

20. По вашему мнению, насколько культурно ведут себя мигранты из стран Центральной Азии на территории нашего города?

20.1 ведут себя по-разному, как и коренные жители нашего города

20.2 мигранты ведут себя вполне культурно

20.3 мигранты отличаются низкой степенью культуры поведения

20.4 не знаю

21. Какие взаимоотношения с представителями следующих национальных групп приемлемы лично для вас? (в каждом столбце отметьте все нужные варианты ответа)

Национальные группы	Таджики	Узбеки	Киргизы	Туркмены	Казахи	Русские	Украинцы
Брачные отношения	6	6	6	6	6	6	6
Личная дружба	5	5	5	5	5	5	5
Быть соседями	4	4	4	4	4	4	4
Быть коллегами по работе	3	3	3	3	3	3	3
Быть жителями одного города	2	2	2	2	2	2	2
Быть согражданами одного государства	1	1	1	1	1	1	1
Быть гражданами разных государств	0	0	0	0	0	0	0

22. Какую помощь лично Вы готовы оказать нерусским мигрантам из стран Центральной Азии для их успешной адаптации в нашем городе? (отметьте все нужные варианты)

22.1 в поиске жилья

22.2 в трудоустройстве

22.3 в адаптации к новым условиям жизни

22.4 в поиске нужной информации

22.5 в урегулировании взаимоотношений с местными жителями

22.6 в решении материальных проблем (деньги)

22.7 в решении проблем с детьми (детсад, школа и др.)

22.8 продукты, одежда, предметы быта

22.9 помощь другого рода (напишите какая) _____

22.10 не считаю нужным оказывать им помощь

22.11 не имею такой возможности

23. Были уже или нет в ваших контактах с нерусскими мигрантами из стран Центральной Азии факты оказания им помощи с вашей стороны?

- 23.1 были факты оказания им помощи
- 23.2 такого не было
- 23.3 не помню

24. А Вы получали от них какую-то помощь за последние несколько лет?

25. Как Вы думаете, будет лучше для мигрантов и для нас, если приезжие из стран Центральной Азии полностью «растворятся» в российской культуре или лучше, чтобы они сохраняли свою собственную культуру?

- 25.1 пусть сохраняют свою культуру
- 25.2 лучше, чтобы они не отличались так сильно от россиян
- 25.3 не знаю

26. В какой степени лично Вы готовы меняться под влиянием новых культурных норм, которые несут с собой мигранты из стран Центральной Азии, для того, чтобы безболезненно сосуществовать с ними на территории Екатеринбурга?

- 26.1 совершенно не готов(а) менять свои культурные привычки
- 26.2 ради безопасности частично готов(а) поменять свои культурные привычки
- 26.3 готов(а) кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить нам комфортное и безопасное *сосуществование*
- 26.4 не знаю

27. Какие обстоятельства, объединяющие нас с мигрантами из стран Центральной Азии, по вашему мнению, могут являться существенными для нарастания «похожести» коренных и приезжих? (отметьте все нужные варианты)

- 27.1 соседство по дому, двору, квартире
- 27.2 проживание в Екатеринбурге
- 27.3 одинаковый возраст
- 27.4 принадлежность к одной половой группе (мужчины или женщины)
- 27.5 совместная работа
- 27.6 примерно одинаковый доход
- 27.7 принадлежность к одной социальной группе (например, студенты, рабочие)
- 27.8 одинаковый уровень образования
- 27.9 владение одним языком
- 27.10 участие в одних и тех же событиях, городских акциях
- 27.11 видимые изменения в поведении мигрантов в сторону интеграции с нами
- 27.12 отношение к одной религиозной группе
- 27.13 другое (Что ещё? Напишите) _____
- 27.14 не знаю

28. Представители каких национальностей вызывают у вас личную неприязнь, раздражение?

- 28.1 это прежде всего (напишите какие) *узбеки, киргизы, таджики*
- 28.2 никакие национальности не вызывают у меня неприязни казахи
- 28.3 затрудняюсь ответить

29. Представителем какой общности Вы ощущаете себя в первую очередь?

- 29.1 прежде всего я ощущаю себя гражданином России, так как имею российское гражданство
- 29.2 прежде всего я ощущаю себя россиянином (россиянкой), потому, что родился здесь, как большинство моих соотечественников
- 29.3 прежде всего я ощущаю себя русским (или татариним, башкиром и др.),

то есть представителем определённой национальной группы

29.4 и первое, и второе, и третье вместе, так как трудно разделить эти ощущения

29.5 затрудняюсь ответить

30. Согласны вы или нет с утверждением «Я постоянно помню о своей национальности»?

30.1 полностью согласен (согласна)

30.2 частично согласен (согласна)

30.3 совершенно не согласен (не согласна)

30.4 не знаю

31. К какой национальной группе Вы себя причисляете? (напишите) _____

32. Считаете Вы или нет, что интересы национальной группы, к которой Вы себя относите, в какой-то мере ущемлены?

32.1 да, я так считаю

32.2 нет, не считаю, что ущемлены

32.3 затрудняюсь ответить

33. Как Вы относитесь к русским национальным традициям и русской культуре в целом?

33.1 отношусь с уважением и считаю, что русская культура должна занимать ведущее место в нашей стране

33.2 отношусь с уважением, но считаю, что русская культура не должна претендовать на особое положение

33.3 русская культура мне безразлична

33.4 не знаю

34. Какие национальные традиции Вы соблюдаете? (отметьте все нужные варианты ответа)

34.1 регулярно бываю в храме, мечети

34.2 отмечаю главные религиозные праздники

34.3 посещаю гуляния по случаю национальных праздников

34.4 стараюсь придерживаться национального стиля в одежде

34.5 интересуюсь литературой на национальном языке

34.6 умею готовить национальные блюда

34.7 интересуюсь историей своего народа

34.8 другое (напишите, что ещё) _____

34.9 затрудняюсь ответить

35. Какую религию вы исповедуете?

35.1 православие

35.2 католичество

35.3 ислам

35.4 протестантизм

35.5 иудаизм

35.6 другое (напишите какую) _____

35.7 считаю себя атеистом

36. Случалось ли Вам лично сталкиваться с проявлениями национализма в нашем городе (т.е. когда проявляется превосходство одной национальной группы за счёт унижения

другой)?

- 36.1 да, это часто происходит в нашем городе
- 36.2 да, это периодически происходит в нашем городе
- 36.3 нет, ничего подобного не встречал(а)
- 36.4 не знаю

37. Как Вы относитесь к националистическим организациям (выступают за интересы только одной национальной группы и противопоставляют ее другим)?

- 37.1 полностью положительно
- 37.2 скорее положительно
- 37.3 безразлично
- 37.4 скорее отрицательно
- 37.5 полностью отрицательно
- 37.6 не знаю

38. Ваш возраст:

- 38.1 16–17 лет
- 38.2 18–22 лет
- 38.3 23–29 лет
- 38.4 30–54 лет
- 38.5 55 лет и старше

39. Ваше образование:

- 39.1 Среднее и ниже (школа, училище)
- 39.2 Среднее специальное (колледж, техникум)
- 39.3 Незаконченное высшее и высшее (вуз)

40. В каком районе Екатеринбурга Вы проживаете? (напишите) _____

41. Ваш пол: 1. мужской 2. женский

СПАСИБО ЗА УЧАСТИЕ В ОПРОСЕ!

Приложение 5. Форма опроса методом глубинного интервью мигрантов из стран Центральной Азии.

Гид для интервью с мигрантами

1. Блок. Вопросы, связанные с классификацией мигрантов.

Национальность? Возраст? Тип миграции (постоянная, маятниковая)? Образование? Как давно стали приезжать в Россию? В какой сфере трудятся? Наличие семьи? Откуда родом (город, деревня)? Хотят работать или учиться? Цель приезда в Россию?

2. Блок. Трудности мигрантов в России.

Какое было первое впечатление от России и народа, живущего здесь?

С какими трудностями столкнулись, когда первый раз приехали в Россию? Если это документы, то какие именно сложности и как их решали?

Если это язык, то как выучили, почему не учили заранее, что самое сложное в освоении языка. Готовы ли они или их соотечественники уделить особое внимание изучению языка. Если да, то где – на Родине или в России. Если в России, то где бы они его стали изучать/улучшать.

Какие трудности можете назвать сейчас?

Есть ли сложности в общении с местными? Какие именно? Почему?

В каких ситуациях обычно происходит общение с россиянами? Т.е. по какому поводу общается чаще всего?

3. Блок. Отношение к России и русским. Желание интегрироваться.

Хотели бы вы, что бы Ваши дети ездили в Россию (или переехали бы жить)?

Представьте, что Ваш сын или дочь отправляются в Россию, о чем бы Вы рассказали им в первую очередь?

Что бы Вы им посоветовали и что запретили бы делать в России? Почему?

Что бы Вас порадовало из новостей о России?

Представьте, что молодой человек получил Российское гражданство. Как он поступит дальше?

Представьте мужчину, Вашего соотечественника, на руководящей должности (милиция, директор школы, депутат). Какие бы нововведения Вы посоветовали ему совершить?

Продолжите фразу: мой друг не хочет жить в России потому, что....

Опишите портрет типичного русского россиянина.

Представьте свадьбу девушки из вашей страны и русского мужчины. Возможно ли это и при каких условиях возможно?

Что есть в России, чего нет у вас на Родине?

Один из мигрант сказал, что если он получит гражданство и останется жить в России, то никогда не станет таким же как Русские. Как вы думаете, почему он так сказал?

4. Блок. Национальные традиции.

Соблюдаете ли Вы свои национальные традиции? Какие именно? Опишите их (время, частота, место, атрибуты, условия). Вы это делаете по своему желанию или нет?

Нравится ли Вам соблюдать свои национальные традиции? Готовы ли вы отказаться от их соблюдения? По каким причинам? При каких условиях? Это трудно или легко? Почему?

Если трудно, то ради чего были бы готовы отказаться от культурных традиций? От каких именно? Какие бы сохранили в любом случае?

5. Блок. Каналы культурного взаимодействия.

Как часто вы общаетесь с местными? Где? С кем общаетесь чаще всего? Хотели бы общаться больше? Где и с кем? Почему?

Как часто у вас есть свободное (досуговое) время? Чем занимаетесь в свободное время? Где его проводите?

Куда хотели бы сходить? Почему? Откуда берете информацию о тех местах, которые хотелось бы посетить?

На каких праздниках любите бывать? Почему?

Куда бы хотели, чтобы вас пригласили?

Какие ресурсы используете в интернете? Какие смотрите каналы на ТВ? Какую слушаете музыку: свою, русскую, международную. По радио или нет?

Где покупаете себе еду и одежду, если делаете это сами?